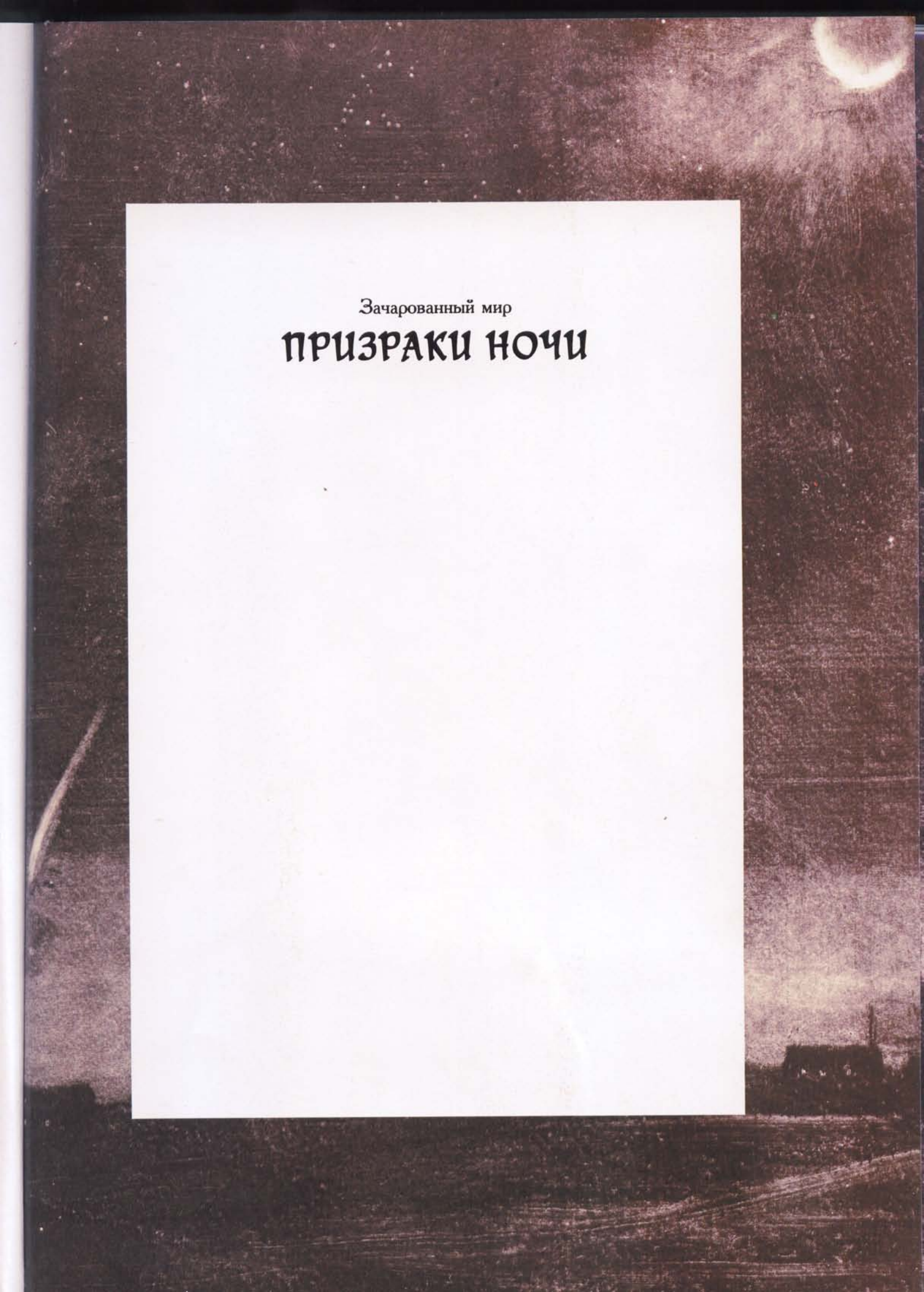

ЗНАКОМІЙСЯ З НАМИ

ПРИЗРАКИ НОЧІ

Зачарованный мир

ПРИЗРАКИ НОЧИ

Содержание

Глава первая

Пути страха
во тьме • 7

Глава вторая

В царстве
призраков • 39

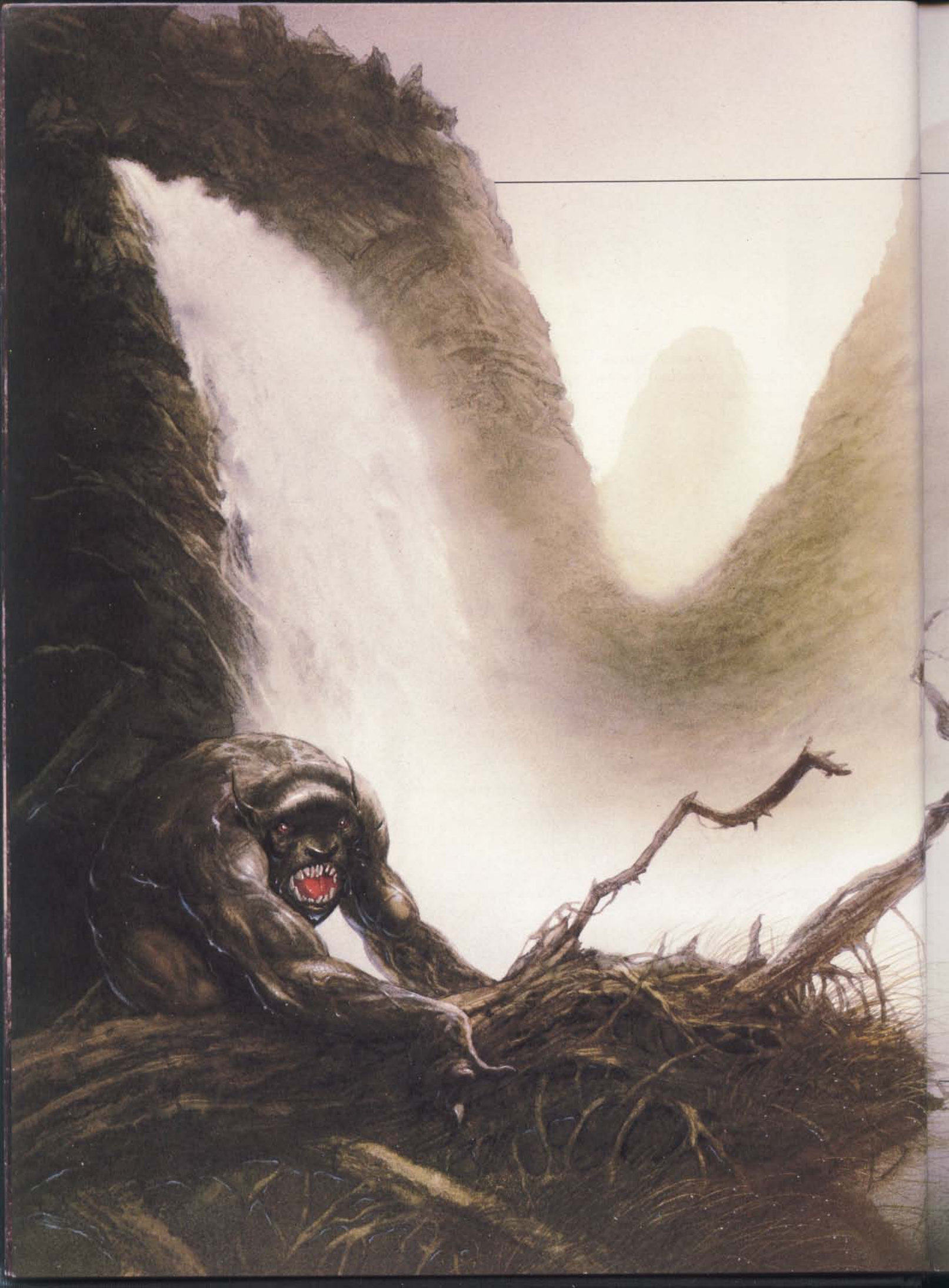
Глава третья

Кровавые праздники
проклятых • 73

Глава четвертая

Пути оборотня • 109

«Терра»
Москва

Глава первая

Т

Пути страха во тьме

ам, где у датских берегов разбиваются о скалы волны моря, где под резкими порывами ледяного ветра склоняется покорный вереск, острым золотым шпилем вонзился в мрачное небо возведенный древними скальдами замок Хеорота. Словно гигантский фонарь, пронзал он своим светом густой мрак зимних северных ночей. А внутри этого одинокого замка тепло и ярко пылали очаги, шипели, оплывая, факелы, роги с веселящим вином передавались из рук в руки воинами клана Скальдов, барды возносили к сводам зала похвальные песни своему доблестному королю Хроттару, арфисты трогали тугие струны, и музыка света и радости грела души. А снаружи, никем не замеченная во тьме, скользила громадная тень странного существа.

Человек — не человек, зверь — не зверь. Огромный и заросший шерстью, он, тяжело переваливаясь, медленно двигался сквозь ночной вязкий туман, хлопал по болотным топям. Когти ног глубоко вонзались в мерзлую жижу.

Время от времени когтистые лапы его стремительно хватали зазевавшуюся жертву — зайцев, хорьков, мышей — и жадно рвали на куски живое, трепещущее тело.

Он был стар. И жил, наверное, со времени сотворения мира. Долгие века и тысячелетия бродил он по земле каждую ночь. Миллионы, миллиарды ночей провел он, ничего не зная о появлении на земле рода человеческого. Его это не интересовало. Мир для него состоял из ледяного мрака и одуряющего тепла горячей крови жертвы. И вот запах добычи и яркий свет привлекли его внимание. Золотистые отсветы факелов квадратами окон лежали на зем-

ле, и голубой отблеск луны мерцал на шпиле. Он медленно пересек остров, протопал через вересковые заросли и остановился, сотрясаясь от гнева, под каменными стенами Хеорота. Мелодии арф парили в воздухе, растворяясь в ночи.

Могучие когтистые лапы, нет, скорее, руки странного существа поднялись и сцепились, словно бы сжимая добычу. Грохочущий рык заклокотал в горле. Мрачное одинокое существо пришло в ярость от этих беззаботных, легких мелодий, от радостных звуков песен.

То ли непривычно яркий свет, то ли врожденное коварство заставили зверя таиться во тьме, пока не стихли песни, не погасло пламя очагов и языки факелов. Когда все стихло и воины Хроттара, сморенные сном, затихли на соломенных тюфяках, он приблизился и навалился всем телом на высокую дверь Хеорота. Со стоном и скрипом створки поддались и распахнулись. В тусклом свете луны, лившемся в узкие окна, над лежащими во тьме людьми выросла злоедающая мохнатая тень.

Странное и мерзкое существо вертело головой из стороны в сторону, его ноздри, почуявшие влекущий запах теплых человеческих тел, жадно раздувались.

И начался кровавый пир. Зверь хватал тела воинов, раздирая их когтями. Жуткий треск рвущихся сухожилий, хруст ломаемых костей, крики и стоны умирающих наполнили зал. Челюсти зверя работали без устали, кровь окропила его вздыбившуюся шерсть, алая пена вздувалась на оскаленной морде. Никто не успел опомниться, а насытившийся зверь уже растворился во тьме, волоча в свое логово двух истерзан-

ных воинов. После себя он оставил гору изуродованных трупов. Лишь несколькими счастливым, затаившимся в укромных углах, удалось спастись. Они-то и разнесли повсюду весть об ужасном нападении.

Так началась беспримерная осада Хеорота, ужас, продолжавшийся двенадцать лет. Монстр нападал всегда неожиданно, и тогда эта ночь становилась ночью смерти для каждого, кто был им застигнут. Ни один человек не мог противостоять этой звериной, безжалостной силе. Никакое оружие не в состоянии было нанести хоть малейший вред зверю. Его мощь и жестокость, казалось, не имели предела.

Вскоре дороги острова по обеим сторонам были усеяны могильными холмами. Оставшиеся в живых воины Хротгара больше не осмеливались приближаться к Хеороту. Ночью они находили приют в тесных овечьих загонах и, пробуждаемые тревожным блеянием в хлевах, сидели, затаившись и не смея выйти за дверь до рассвета. Золотоглавый Хеорот стоял теперь всеми покинутый, мрачный и холодный. Лишь ночной убийца, неведомый и неутомимый зверь, приходил сюда иногда ночами и ревел, не находя себе добычи. Скальды дали этому зверю имя Грендель.

Древнее это слово означало — Разгрызающий Камень.

Весть о трагедии скальдов, о гибели воинов и разрушении королевства долетела до дальних берегов Дании. Никто уже не решался ступить на земли острова. Люди сторонились проклятого берега. Но один человек все же появился здесь. Рыцарь этот был облачен в богатые доспехи и отлично вооружен. Сорок храбрых воинов сопровождали его.

Ночной страж на берегу, услышав скрип днища корабля о прибрежную гальку, окликнул незнакомца. И тот назвал себя. Узнал его имя и король Хротгар, когда рыцарь предстал перед ним. Это был Бе-

вульф, молодой лорд из королевства Геатиш, что на востоке. И значило его имя на древнем языке — Пчелиный Волк. Сегодня его бы звали просто Медведь. И дали это прозвище рыцарю за его силу. Красота, мужество и милосердие соединились в этом человеке, выделяя его из тысячи тысяч сородичей. Беовульф был героем. Свет его героических дел сквозь тьму веков дошел и до наших времен.

Он пришел, чтобы сразиться с Гренделем. Так он сказал Хротгару, и король скальдов оценил его мужество. Вновь затрещал огонь в очагах Хеорота, и дым, уходящий сквозь прорехи в стропилах разрушенной крыши, развеивался на ветру, словно мрачные полотнища флагов войны. Вновь в стенах замка пировали люди. Опять на столах лежали куски жареной оленины и хлеб. И опять гуляли над столами роги, полные пенящего вина. И, как в прежние времена, пели арфы, и, усиленные эхом гулкового зала, через вересковые поля, на крыльях ветра летели мелодии вдаль.

Но лишь наступила ночь, пир угас, арфы умолкли, разошлись по укромным, безопасным местам скальды. Беовульф остался в огромном зале. Люди его разостлали походные тюфяки и укладывались спать. Беовульф спокойно стянул с себя кольчугу, положил ее вместе с мечом и шлемом около себя. Знал он, что в битве с Гренделем оружие бесполезно. Победить его можно было лишь в рукопашной схватке.

Беовульф сел и стал ждать, впорив острый взгляд в темноту. Завернувшись в плащ и придвинувшись к угасшему, но хранящему тепло очагу, он не смыкал глаз. Покрывались сизым налетом золы уголья в очаге. Растворялись во мраке балки и стропила потолка. Тьма постепенно вползала через окна и затопляла спящих людей, словно бы поглощая их. Беовульф чутко прислушивался к каждому звуку, который мог бы возвестить о приближении зверя. Но ничего, кроме легкого потрескивания угольков и мерного дыхания своих товарищей, он уловить не мог. Все

произошло неожиданно. Зверь налетел, как порыв ветра. Затрещали падающие двери, содрогнулся пол под тяжелой поступью. И черная тень, заслонив собою небо, выросла в зияющем проломе двери. Молниеносно, почти неуловимым движением, этот громадный зверь схватил лежащего у двери человека. Прежде чем тот успел вскрикнуть, его тело в могучих когтистых лапах превратилось в безжизненный комок крови, костей и мяса. Понимая, что несчастного уже не спасти, Беовульф затаился, притворившись спящим. Даже тогда, когда все в ужасе всколыхнулось и бросилось врассыпную, он не шелохнулся. Этим и привлек зверя, выбравшего самую легкую добычу. Грендель склонился над Беовульфом. И тогда воин взвился, словно сжатая пружина. Секунду промедлил опешивший зверь. Этого было достаточно, чтобы Беовульф, увернувшись от смертельного взмаха мохнатой лапы, железной хваткой схватил другую. Недаром звался он Медведем. Напрягшись, вложив всю свою силу в эту хватку, он гнул, выворачивал, словно вывинчивая из плеча, скользкую от крови когтистую лапу. Грендель корчился от боли, выл и пытался вырваться. Но Беовульф ни на мгновение не ослаблял хватки. Сила его словно бы прибывала с каждым мгновением борьбы.

В смертельной схватке покатались они по полу, расшвыривая скамейки, опрокидывая столы, рассыпая по полу тлеющие угли из очагов. Повсюду занялись мелкие островки пламени. Опомнившиеся воины окружили борющихся, пытаясь поразить зверя. Но каждый их ловкий удар был безрезультатен. Клинки мечей скользили по шкуре зверя, не причиняя ему никакого вреда. Лишь Беовульф своей медвежьей силой удерживал пока мускулистую лапу Гренделя. Зверь вырывался, Беовульф продолжал выворачивать лапу. Наконец что-то затрещало под мохнатой шкурой, лапа Гренделя ослабла и сломалась. Белая кость, разорвав мясо массивного плеча, выскочила наружу.

Грендель рванулся. Черная кровь хлынула у него из раны. Шкура клочьями повисла вокруг скрученного жгутом мяса. И вдруг зверь вырвался. С диким воем, оставляя за собой лужи крови, Грендель выкатился за дверь. Лапа его со страшными, безвольно опавшими когтями осталась в руках Беовульфа.

Посреди утопающего в полумраке зала стоял Беовульф. Потный, обессиленный, на подгибающихся от усталости ногах стоял великий воин, держа в руках лапу Гренделя. На рассвете он и его воины вывесили свой трофей на самом высоком фронтоме Хеорота, чтобы все видели и засвидетельствовали их великую победу.

На следующую ночь в освещенном пляшущими огнями факелов Хеороте звучали смех, музыка, песни. Спокойно заснули пировавшие воины под резными стропилами замка. Но их радость была преждевременной. Под утро исчез один человек. Остался лишь кровавый след на снегу. Вновь объявился жестокий кровожадный убийца. Неужто Грендель все еще был жив?

Но старые воины, помнившие древние поверья, утверждали, что это самка, мать Гренделя. Она пришла взять жизнь за жизнь. И покуда эта зверюга жива, не будет людям ни минуты покоя. Ночь опять станет смертельно опасна. И Беовульф со своим отрядом вышел на поиски грозной матери Гренделя.

Они пересекли поля и леса острова, прошли всю страну короля скальдов и углубились в болотистый край торфяников и вересковых зарослей. Шли они по кровавому следу, уведящему в бесплодную пустыню. Солнечные лучи играли на бронзовых узорах деревянных щитов, скользили по шишкам золотых шлемов. И вот след привел их в каменистую холодную страну, где ветры воют волчьими голосами, где в расщелинах скал гудят и стонут тоскливые

Мать Гренделя, такая же безумно кровожадная, как и ее страшный сын, была убита в своей усеянной скелетами людей берлоге героем Беовульфом.

тягучие песни севера. Путь их прервался перед большим озером.

Здесь царствовал туман. Озеро, питающееся ледяными горными потоками, мятым серым полотнищем лежало под сочащимися влагой плачущими небесами. Черные утесы окаймляли его. Древние вязы, покрытые лишайниками, окоченевшие, обросшие инеем, росли вдоль его берегов. На скользких, покрытых зеленой ряской водорослей камнях свернулись клубками змеи, шурша и поблескивая чешуей. Воздух наполнен был запахом гнили и сырости.

Лошади пятились и вставали на дыбы. Охотничьи собаки скулили и жались к ногам хозяев. Страх вполз в сердца воинов и затаился в их глазах. Некоторые из них когда-то набредали во время охоты на это озеро. С трепетом рассказывали они о том, что олень, достигший этих мест, предпочитал быть разорванным собаками, чем спастись в водах гибельного озера.

Беовульф словно бы не слышал этих ужасных историй. Он обернулся к това-

рищам и сказал:

— Если я погибну здесь, передайте все мое золото моему королю. И крепко защищайте моих родичей и мой дом. Больше ничего не прошу.

Он спешил, постоял на берегу озера, собирая все свое мужество, и вдруг бросился в воду. Все застыли. Уже потом Беовульф рассказывал, как разрывались его легкие от спертого воздуха, как у отверстия глубокой пещеры схватила его когтистая лапа и втащила внутрь. Здесь он увидел однорукое тело Гренделя и зловещую гору человеческих костей вокруг него. Он рванулся и взглянул на схватившее его чудовище. Собственный его меч был бесполезен против этого зверя, он знал это. Но другой меч, большой и мерцающий во влажном полумраке пещеры, висел на стене. Выкован этот меч был, наверное, в кузнице великана. Вот смертоносное оружие! Изловчился Беовульф, сорвал со стены меч и одним молниеносным ударом убил мать Гренделя.

А тем временем его спутники уже считали его мертвым. И хоть знали они, что сможет Беовульф вы-

Рожденная от первобытного Хаоса греческая богиня Никта парила в вышине каждую ночь, укрывая небеса своим черным покрывалом и усеивая свой след звездами.

Крылатая эмблема зла

Устремляясь на добычу, резко, зигзагами рассекая ночную тьму, летучие мыши вселяют страх в сердца людей. Они покрыты шерстью, как животные, и наделены крыльями, как птицы, и это странное смешение, считалось, выдает их связь с темным миром колдовства. В преданиях некоторых народов летучих мышей называли призраками непотребных мертвецов, преступников или тех, кто продался дьяволу. Другие считали, что это летающие ведьмы или даже сам плащ сатаны, являющегося в мир.

Достаточно смелые (или слишком глупые) люди решались столкнуться с силами тьмы и пытались использовать для этого тела летучих мышей. Ведьмы, по слухам, изготавливали из крови летучих мышей мазь, которая помогала им летать по воздуху. Славянские мужчины носили на шее тела летучих мышей, считая, что это привораживает женщину. А в австрийском Тироле говорили, что человек, добывший левый глаз летучей мыши, может по желанию становиться невидимым.

держат под водой дольше, чем любой человек, все же надежду они уже потеряли. Да, Беовульф утонул, без сомнения! И вдруг кто-то из них вскрикнул и указал рукой на бурлящую

поверхность озера. Вода окрасилась кровью. Золотой шлем блеснул среди волн, и сам Беовульф возник перед их восхищенными взглядами. В руке он держал страшный трофей: отрубленную голову Гренделя. С гибелью чудовища по прозвищу Разгрызающий Камень и его мстительной родительницы навсегда закончились ужасные кровавые ночи в стране скальдов.

Но слава Беовульфа не умерла со смертью чудовища. Она росла и ширилась. Снова и снова летописцы и барды воспевали подвиги бесстрашного воина, который один побеждал силы тьмы. И гремело имя его тысячи лет.

Победа Беовульфа была еще и тем велика, что мир, в котором он жил, лишь выходил из мрака неведения и неопытности. В те времена древние силы, слепые в своей злобе, все еще пульсировали тайной, скрытой от человеческого взгляда жизнью. Силу и могущество давала им ночь. Из тени леса, из мрачной глубины морей, из тьмы пещер, из-за черных обводов скал и камней выползали ночные существа, жестокие и страшные, ищущие и подстерегающие свои жертвы.

Эти существа были порождением хаоса, осколками того бесформенного времени, когда люди еще не осознавали себя мыслящими созданиями и не началось еще исчисление жизни человечества. А ночные существа жили и жили, захватив и эру человеческого рода, превратив этот возникший мир в жертву своих кровожадных инстинктов. Одни, как Грендель, кипя ненавистью к непонятым и вторгавшимся в их жизнь людям, нападали на них в неистребимом желании разрушения и убий-

ства. Другие не смели вторгаться в пределы человеческих поселений и поджидали неосторожных путников, бредущих по ночным дорогам. Были и такие, что вселялись в человеческие тела и превращали их в бродящих по ночам оборотней. А некоторые проникали в тела умерших и превращали мертвецов в ужасные создания, разедающие человеческую плоть и пьющие кровь живых людей.

Все они были порождением тьмы и появлялись только после захода солнца и наступления крадущейся, ползущей по земле ночи. Не удивительно, что простые смертные коротали эти ночные часы в ужасе за плотно закрытыми дверями. Они знали, что ночь — это одушевленная тень уходящих во тьму веков лет, когда человечество еще только начинало осваивать землю.

И в каждой легенде, в любой песне люди вспоминали о первобытной ночи. До сотворения жизни, знали и чувствовали они, была лишь непостижимая тьма и беспредельная пустота. В Древнем Египте считали, что мир возник из тумана, поднимавшегося над морем. Кочевые евреи и финикийские мореплаватели говорили, что с начала времен не существовало ничего, кроме черного хаоса и ветра. И все народы знали, что началом начал являлось сотворение света, изгнавшего тьму.

И все же не вся первобытная тьма исчезла. Осколком ее, хранящим память о ней, осталась ночь. Соперничество света и тьмы люди понимали как спор Божественный. В Скандинавии, например, ночь являлась в образе богини Нетт, которая ехала по небу в колеснице, пока не исчезала, изгоняемая своим сыном, богом Дня. И пена изо рта ее лошади падала на землю и становилась утренней росой.

В Греции ночная богиня — первое дитя Хаоса — звалась Никтой. Бесконечно плодотворная, она дала жизнь целому сонму ужасов. Рок и болезнь, боль и ссора, печаль и старость были ее кровными детьми. Была она и матерью так, казалось бы, сходных между собой близнецов — Смерти и Сна.

Весь этот жутковатый выводок, порожденный ею, накинута на только что возникающий род человеческий, управляя им и угнетая его. Но основная сила крылатой Никты вспыхивала в тот миг, когда она с приближением конца дня тянула через небо черное покрывало и свободно парила среди ночных звезд.

Прошли века, и люди постепенно забыли язык фантазий и мифов. Но не сами мифы. Мощные дворцы, вздымающиеся к небу шпили и купола церквей, возделанные поля и процветающие города и деревни не вытеснили первобытного страха перед ночью. Днем мир представлял обычным и понятным, длинные зубчатые тени замков спокойно лежали на земле. Облаченные в льняные одежды крестьяне под крики жадных ворон пахали и засеивали поля, собирали урожай. Склонялись над домашними очагами женщины в белых платках. Гулко стучали молоты в жарких кузницах. Дети играли в пестрых лугах.

Но этот спокойный и радостный мир таял и уплывал куда-то вечером, скрываясь в удлиняющихся тенях. В сумерках все искало убежища. Вороны с последними криками прятались в густых ветвях деревьев. Тревожно мычавшие коровы, позвякивая колокольчиками на шеях, тянулись в хлева. Старушки загоняли гусей в сарай. И звучал сигнал — призыв ко сну. Был ли то церковный колокол или звук рога, люди гасили свет в домах и затихали. Лорды и дамы запирались в своих крепостях и замках. Крестьяне, их жены и дети забивались в свои хижинки. Двери закрывались, запирались на засов, на защелку, задвижку, замок.

Тьму, которая укрывала мир тех далеких дней, сейчас даже трудно вообразить. Ночное небо нависало тогда над землей непроницаемым черно-эбеновым пологом в игольных проколах звезд и туманной рекой Млечного Пути, чей бледный свет был таким привычным и неизменным, что британцы называли его даже Уотлин Стрит по имени их Римской дороги. По мерцавшему гобелену неба медленно проплывала луна. Под полной луной даже самая крохотная земная

травинка сияла. Шла на убыль луна, превращаясь в тонкий серпик, или скрывалась за облаками, и человек уже не мог увидеть собственной вытянутой руки.

Это царство ночи не мог развеять свет, зажженный человеком. Птица, летящая по ночному небу над Европой, могла бы увидеть лишь неподвижные черные и серые тени, покоящиеся на безлюдной, замершей до утра земле. Лишь прибрежные маяки неверными, мигающими точками пробивались сквозь плотную тьму. Изредка в глубине городов мелькала редкая цепочка факелов, обозначающая путь ночного шествия. Ни уличных фонарей, ни освещенных окон.

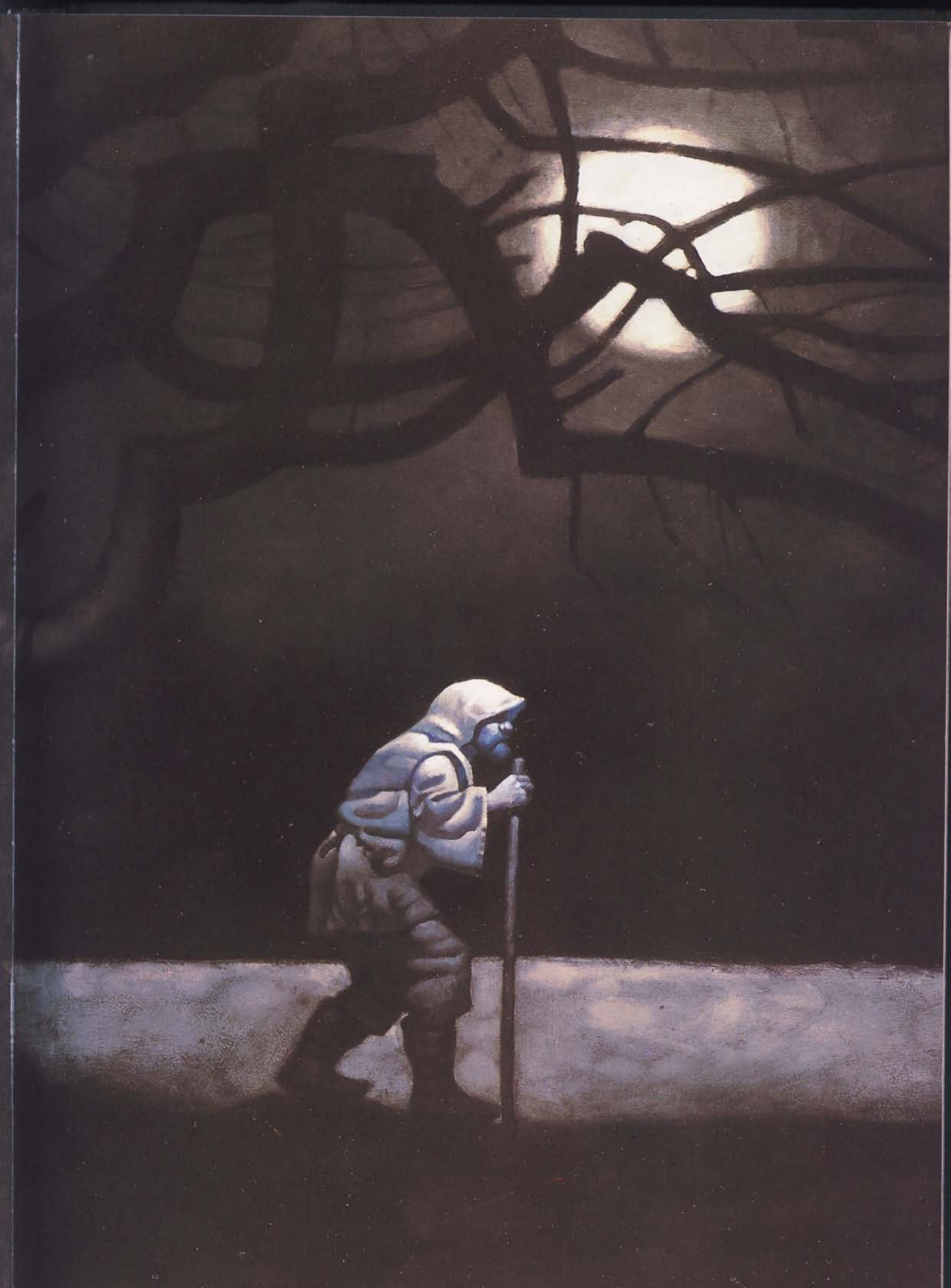
А что же люди в своих жилищах? В королевских дворцах и богатых домах зажигались свечи из пчелиного воска или из быстро тающего сала — прозрачного животного жира, чаще всего бараньего. Жир этот плавился и быстро обнажал фитиль, который очень часто приходилось подрезать. Но у бедных людей не было и этого. Они пользовались маленькими коптилками — полыми глиняными или бронзовыми сосудами, наполненными рыбьим жиром, оливковым маслом, в котором плавали фитили из скрученной пеньки. Коптилки эти дурно пахли, чадили, закапывали все вокруг жирными брызгами и быстро гасли по мере того, как кончалось масло. Встречались и тростниковые лампы. Устраивались они просто — очищенную трубочку тростника окунали в жир и укрепляли в некоем подобии клещей.

Все эти приспособления и слабые светильники давали лишь ничтожные бледные язычки пламени, которые легко поглощала обширная, всеобъемлющая ночь. И большинство людей, как только гас естественный дневной свет, предпочитали бессмысленной и бесполезной борьбе с ночью — сон.

И все же находились люди, которые отваживались в ночные часы

Неумно поступал путник,
продолжавший свой путь ночью. В тени, тянущейся
от холодного света луны, поблескивали жадные глаза,
шевелились хищные когти, шелкали острые зубы.

путешествовать по пустынным дорогам. Были это и купцы, которые спешили на ярмарки и рынки с вереницей мулов и тележек, груженных шерстью, кожей и всякими другими товарами. Были это и трубадуры, жонглеры, менестрели, странствовавшие от одного богатого двора к другому. Были это и солдаты, устало плетущиеся с очередной войны, каких в те времена было бесконечное множество. Были это и пилигримы в украшенных гирляндами свинцовых или оловянных брошей плащах, увешанные этими сувенирами из дальних храмов с головы до ног. Каких только храмов, соборов и монастырей не повидали они — и собор Вальсингамской Божьей Матери в Англии, и храм Св. Якова в Компостела в далекой Испании, и еще великое множество других. Все эти путешественники пересекали суровые, отдаленные страны, горы, пустыни, леса. Они попирали ногами остатки древних римских дорог, превратившихся со временем в полуразрушенные и заброшенные проселки, где не могли разминуться человек и телега, запряженная парой волов. Разбросанные по просторам земли мелкие деревушки и редкие крестьянские усадьбы соединялись одна с другой целой сетью дорог, дорожек, тропинок, многие из которых были не шире человеческой ладони. В дождливую или снежную погоду дороги эти становились непроходимыми. Но в хорошую погоду путник проходил и двадцать миль в день.

Приют можно было всегда найти в церкви. Но не везде и не всегда на пути попадалась церковь. Случалось, ночь заставляла путника среди болот, поросших вереском, или в горах. Солнце скрывалось за их западными склонами. Воздух становился неподвижным и холодным. Путнику приходилось, натянув на голову капюшон, устраиваться на ночлег под открытым небом. Он разводил огонь, который всегда тлел в дорожном факеле — железной корзинке с угольями — или в фонаре-роге. В

безлунные ночи такие факелы и фонари освещали путнику дорогу.

Маленький костерок — вот и вся защита путника. Если он был опытным и мудрым, то непременно запасался в дорогу рябиновым посохом. Рябина издавна считалась Древом Мира северных народов, источником жизни и хранителем человечества. Путешественники непременно держали при себе и охранные амулеты — то, что, по верованиям тех лет, сохраняло и воскрешало свет дня, защищая от неведомых опасностей ночи. Были это и растущие в полях маргаритки, любимые в Британии и называемые «дневной глаз», потому что этот невзрачный цветок каждое утро открывал свои лепестки навстречу солнцу и плотно смыкал их с наступлением ночи. И другой цветок служил охранным амулетом — папоротник, распускающийся в канун Иванова дня. Он, этот скромный цветок, напоминает крохотное солнышко, потому и зовется «земным солнцем». И клевер с четырьмя лепестками тоже, по поверьям, приносил счастье, потому что его зеленый венчик повторял форму Христианского Креста. Приносил он счастье только тому, кто сам нашел его, тайно от посторонних глаз сорвал и зашил в край плаща или засунул в башмак. Корка хлеба — основа жизни — тоже охраняла от опасностей. Как говорится в древней пословице — «эта корочка святая от лихой беды спасает».

Если путники без приключений и невзгод проделывали свой путь до конца, то считалось, что спас их талисман. С защитной ладанкой или талисманом на груди путник смело шел в ночь, где слышны были только его одинокие шаги, потрескивание пламени в дорожном светильнике, крик совы, сопение ежей, возня барсуков — привычные звуки ночной жизни, той жизни, которую ведут занятые своими делами безобидные зверьки. А путник, кроме дрожащего лучика своего дорожного

Сопровождаемая призрачной толпой, древняя царица тьмы и смерти Геката покидала ночью свой подземный мир, чтобы устрашать путников. И такова была сила ее, что даже земля дрожала при появлении страшной Гекаты.

фонаря, ничего и не видит. И лишь когда взойдет луна, он вдруг заметит и серебристые листья деревьев, и неподвижные ветки, и вьющуюся впереди дорогу. Но стоит ему дойти до развилки, как притянувшийся где-то в глубине души страх вдруг выплеснется наружу. Распутье всегда было как бы местом неуверенности и раздвоенности, когда ясный и прямой путь вдруг раздваивается лукавыми рождками, и неизвестно, какой из них выбрать. Считалось, что именно на таких развилках чужие непонятные существа из своего неведомого мира проникали в этот, населенный простыми смертными. Чтобы не допустить такого вторжения, люди зачастую ставили на развилке небольшой каменный столб, что-то вроде алтаря, место жертвоприношений черных венков, овец, рыб, яиц, молока, меда и даже зубчиков чеснока. Эти жертвоприношения назывались Ужином Гекаты и предназначались для умиротворения самых страшных и злобных ночных существ.

Геката была языческой богиней Луны и считалась такой могущественной, что страх перед ее безжалостным гневом дожил до христианских времен. Была она хранительницей ключей от ада и звалась Матерью Ведьм и Королевой Призраков. Греки дали ей имя Агриопы, что означает Дикое Лицо. И вправду один ее вид вызывал неподдельный страх, леденивший даже мужественное сердце.

О ее появлении возвещал отдаленный вой волчьей стаи, а иногда и пронзительный свист ветра, потому что Геката несла с собою бурю. И сразу после этого будто разрывалось покрывало ночи, скрывающее жуткий хаос мира, и путник мог заглянуть в давнее-давнее прошлое. И поднималась над дорожной развилкой исполинская женщина с извивающимися в ее волосах змеями. Иногда она являлась трехголовой, а в руках держала меч и факел. И всегда была окутана вьющимися вокруг нее блед-

ными, невнятно бормочущими, корчащимися и страшно гримасничающими духами, душами умерших, которых она выпускала на волю каждую ночь, чтобы они на несколько часов вернулись в этот мир. И сопровождали ее непременно ласки, совы, своры злобных псов. Вся эта вопиющая, воющая, лающая и пищащая толпа медленно взвивалась в небо, образуя бледное облачко, кружащееся над испуганным путником. И он, оказавшийся, по несчастью, еще и без света факела, задутого резким порывом ветра, нередко лишался от страха рассудка.

Но все реже и реже, по мере того, как утекали века, видели Гекату. Существо из космоса, она удалилась от ничтожного мира людей. Теперь гораздо чаще встречались мелкие духи ночи, обитавшие на уединенных дорогах, на холмах и в лесах. Только тот смертный, кто ненароком нарушил границу их владений, мог столкнуться с ними.

Многие ночные существа имели свои имена, но все они происходили от валлийского древнего божества, прозываемого в разных странах по-разному. В Северной Англии и на границе Шотландии этих существ называли богле, бугабу, богтарт. В Корнуэлле они звались буква-бу. Французский дух известен под именем бутибу. Немецкое существо — богтельман. Эти крохотные духи ночи обычно были невидимыми, призрачными, сливавшимися с тьмой. Но они могли по своему желанию принимать и облик большой черной собаки или мешка с зерном. Вот почему их сложно описать, каждому путнику они являлись в новом виде. Чаще всего они были безвредны, хотя их гадкие проделки могут здорово напугать человека, нервы которого и так слишком напряжены в ночной темноте.

Жители небольшой деревушки около Эбшестера, что в Нортумберленде, рассказывали о злой шутке, которую сыграли ночные проказники со старушкой, шедшей в сумерках по безлюдной улице в поисках хвороста для растопки. Стоило ей наклониться за сухой веткой, как она увидела

рядом с собой у обочины снопик соломы. Обрадованная женщина уложила снопик в подол платья и поспешила домой.

Шла она медленно, потому что была стара и слаба, когда же погас последний луч света в окошке ближнего домика, и вовсе еле сменяла по темной дороге. А снопик в ее подоле становился все тяжелее и тяжелее. Наконец, она дотащилась до дому и стала опускать снопик на землю. Крохотная вязанка соломы вдруг вырвалась у нее из рук. Сами собой в снопике образовались соломенные ручки и ножки, и он принялся плясать, прыгать и кувыркаться. Потом вдруг сорвался с места и с громким кудахтаньем устремился к лесу. Обомлевшая поначалу старушка опомнилась и рассмеялась вслед безобидному проказнику. Она узнала богля — ночного духа их деревушки. У него даже имя было — Хэдди Коу.

Богли, впрочем, были ужасно надоедливы. И все же люди на них не очень сердились. Часто ими запутывали непослушных детей, без спросу убегающих в лес. Но существовали и менее безобидные и не такие уж забавные духи.

Эти существа подстерегали путников и со злобным хихиканьем превращали человека во выючное животное. Путник, идущий по темной дороге, вдруг начинал шататься, ноги его прилипали к земле, а ночной дух вскакивал ему на плечи. Он давил, пригибал человека, когти его впивались в шею, и уже не было никакой возможности скинуть, стряхнуть с себя это злобное существо. А дух заглядывал оседланному человеку в лицо и нашептывал на ухо всякие гадости. Лишь звук церковных колоколов или луч рассвета прогоняли его. Но несчастная жертва не всегда достигала до спасительного утра. Дух этот назывался в Бельгии клудде, в Шотландии ошаэрт, а в Германии у него было прозвище *наездник*.

Однако были существа и пострашнее, наподобие кровожадного Гренделя. Они населяли когда-то ди-

кие пустынные места, и даже при упоминании их имен человека бросало в дрожь. На шотландском берегу, недалеко от острова Скай, обходило дозором полуночный берег чудовище по имени Безголовое Тело. Оно никогда не трогало заблудившихся детей или их матерей. Зато мужчин, случайно забредших в его владения, наутро находили страшно искалеченных и изуродованных. А на юге, вблизи Лейкестера, бродила по ночам Черная Аннис. Считалось, что она происходила от древней кровожадной богини. На мертвенно-бледном лице Черной Аннис сверкал один-единственный глаз. Пальцы ее оканчивались острыми когтями. Она появлялась в Дейн Хиллз и с наступлением сумерек затаивалась на дубе. Это древнее дерево было последним, оставшимся от доисторического леса, покрывавшего когда-то всю землю. И было оно ее домом и убежищем в дневные часы. Черная Аннис терпеливо ждала, пропуская чуть ли не всех припозднившихся путников. Ее излюбленными жертвами были дети. С них, живых, своими загнутыми острыми когтями она сдирала кожу и жадно пожирала нежное мясо. А тонкую кожу ведьма уносила в свою пещеру, известную среди людей как Беседка Черной Аннис, и вешала свой крошечный трофей на холодных каменных стенах, словно празднуя победу древнего мрака над человеком.

И все же была такая сила, которой ни Черная Аннис, ни ее жуткие собратья не могли противостоять. Это — свет. С первым криком петуха, со слабым утренним лучом, с рождающимся на заре птичьим щебетом ночная армия духов исчезала, спасалась бегством. Несясь вприпрыжку, уползая, ковыляя на кривых ногах, злое существа улепетывали и словно проваливались сквозь землю.

Эта суматошная ежеутренняя беготня и суэта утомляли крохотных боглей. Им было не по силам нырять под землю, вылезать по ночам и снова прятаться с первыми лучами солнца. Они слабели, теряли свою лукавую веселость. Шетлендские острова, что рядом с Шотландией, часто, к примеру, посещали маленькие неуклюжие

ночные существа — трау. Они накликали на людей болезни и выкрадывали детей. Трау так стремительно и бесшумно двигались в темноте, что людям удавалось заметить лишь скользящие мимо крохотные тени. Если же трау не успевали скрыться в своих убежищах до наступления утра, то первые же лучи солнца делали их своими пленниками, потому что входы в их жилища закрывались на рассвете. Свидетелями такого странного случая были трое молодых парней на торфяных полях Шетленда. Они допоздна работали на болотистой делянке острова и остались там до утра.

Поначалу их внимание привлекло некое трепещущее в прозрачном утреннем тумане серое пятнышко. И вдруг оно превратилось в крошечную сморщенную женщину с серым, будто неживым лицом. Одета в какие-то лохмотья, она бессмысленно бродила среди зарослей вереска на краю торфяного болота. Казалось, она что-то ищет, наклоняясь, время от времени останавливаясь, опускаясь на колени и прикладывая ухо к земле. И без конца бормотала себе под нос что-то невразумительное, напоминающее птичий щебет.

Парни узнали в этой крохотной старушке трау, застигнутого дневным светом. Вход в его убежище исчез на рассвете, и бедняжка оказался словно бы пойманным в ловушку на земле в человеческом облике. Парни поначалу держались подальше от женщины-трау, но один из них, охваченный любопытством, решил разглядеть ее поближе. Отложив в сторону нож и лопату, он стал осторожно подкрадываться к женщине-трау, стараясь не потерять ее из виду, что было непросто, потому что она стремительно от него убегала, жалобно хныча.

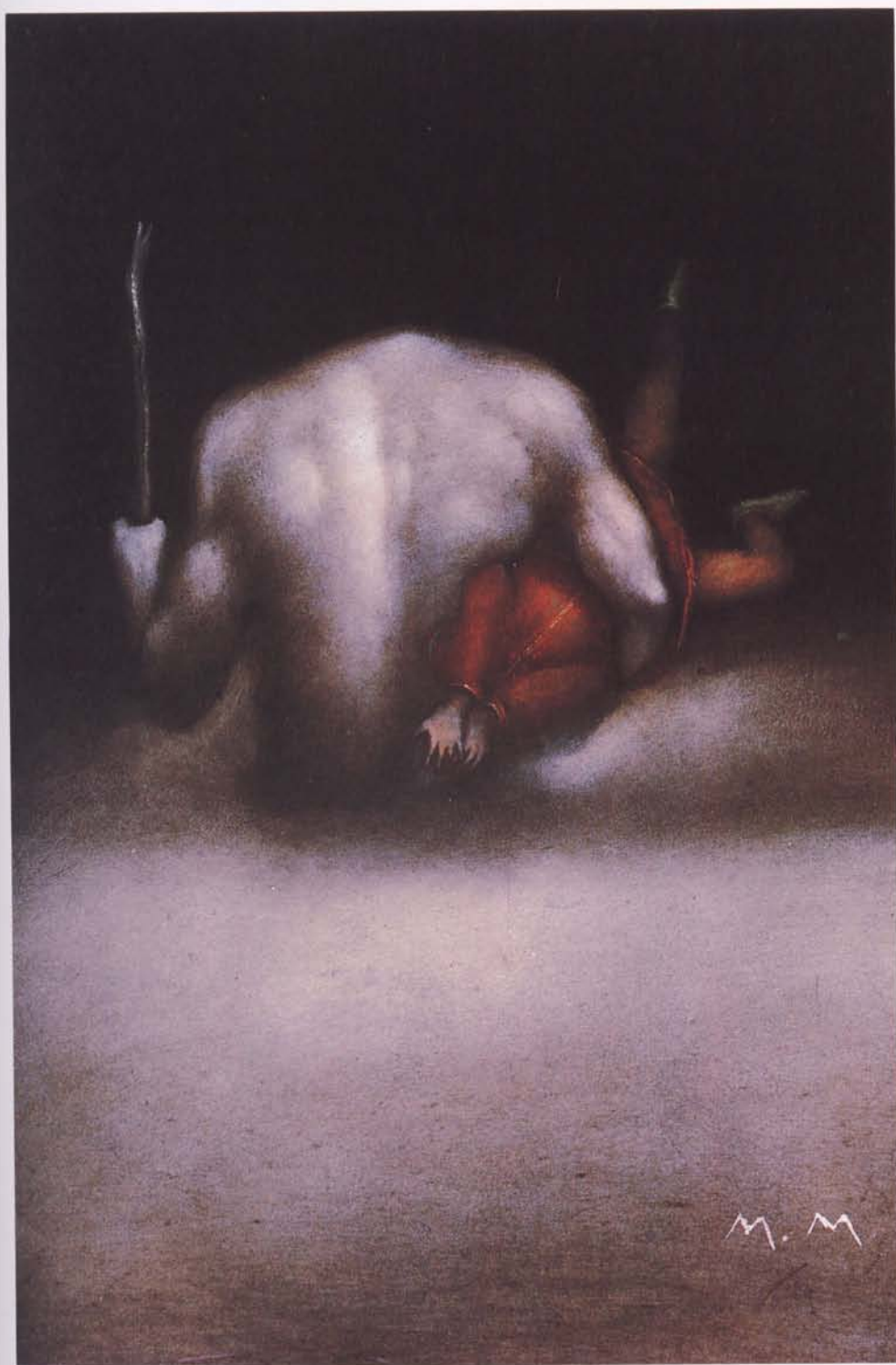
Он никак не мог догнать ее, и когда приблизился настолько, чтобы хорошенько рассмотреть, солнце зашло за горизонт. В ту же секунду земля, казалось, задрожала, и крохотное существо исчезло.

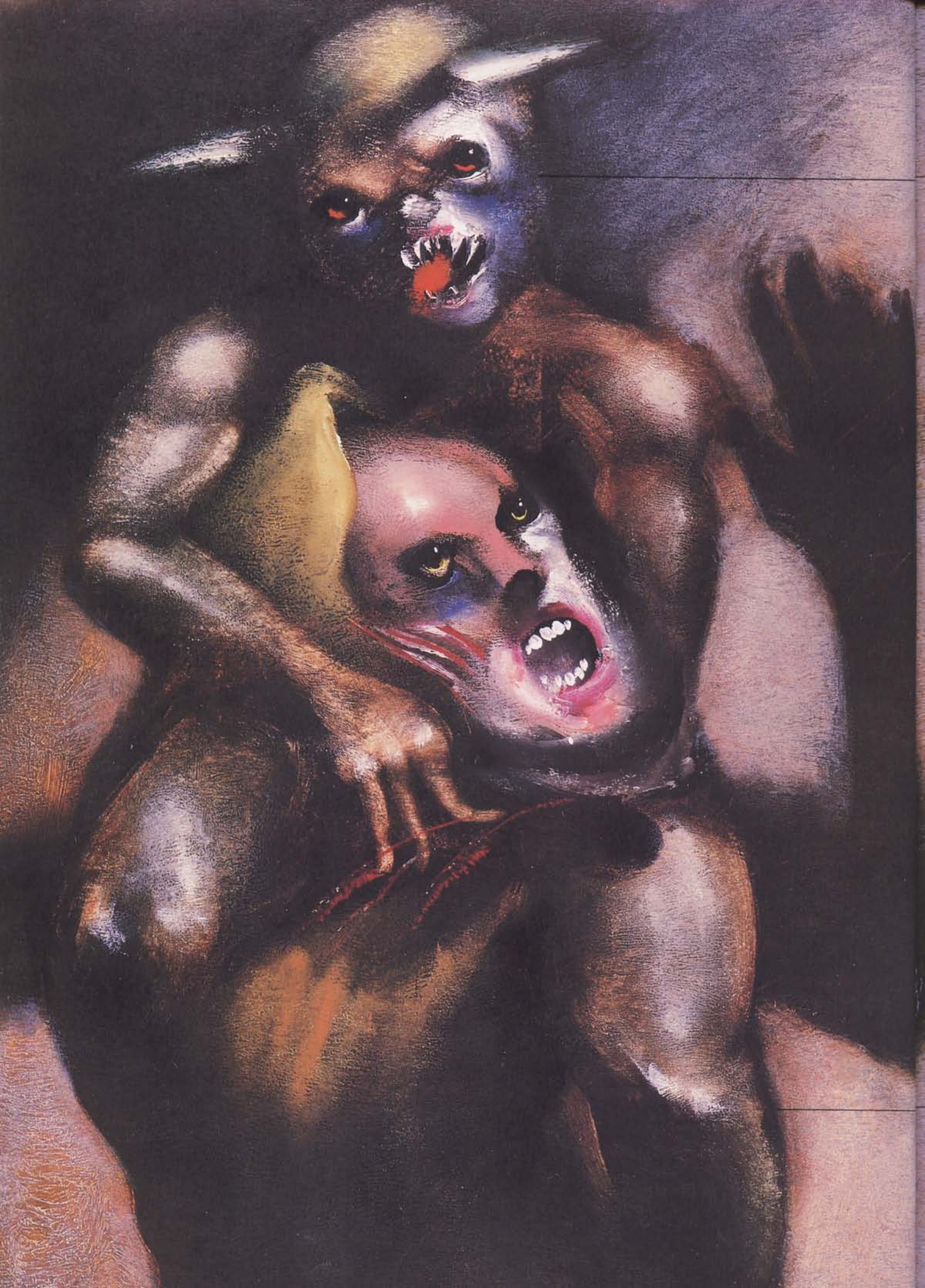
Шетлендские трау были относительно маленькими богами. Некоторые из них даже почти дружили с людьми и мирно делили с ними остров, на котором обитали. Возможно, они частично или полностью лишились своих чар в бесконечной борьбе со светом и стали немного добродушнее. Зато их скандинавские двоюродные братья — тролли, или, что одно и то же, ночные гуляки — были не такими безобидными. Они от природы были настолько злобны, что могли убить человека просто из прихоти, по привычке.

Днем ночные тролли скрывались в пещерах. Но стоило лишь угаснуть последнему лучику света, как они вылезали наружу, чтобы рыскать в темных сосновых лесах и во фьордах в поисках человеческих жертв. Длиннорукие и сильные, они были запорошены землей и покрыты мхом. Глаза навывкате, широкие рты разинуты, распухшие носы-бомбошки постоянно двигаются, приносясь в поисках человеческого запаха. Тролли — существа холодные, и лишь тепло человеческой крови могло согреть их.

Не всегда тролли убивали и пожирали свои жертвы. Они могли схватить и утащить женщину к себе в пещеру, чтобы превратить ее в рабыню, навсегда похороненную во мраке и сырости подземного логова. Она должна была варить человеческие кости и куски мяса, принесенные троллем после его ночных блужданий по земле. Могла она стать и женой тролля. Тогда несчастную ждали побои, безжалостная брань. И так в продолжение долгих месяцев. Наконец, ее натирали волшебными жгучими мазями, и женщина превращалась в ужасное существо. Лицо ее темнело и покрывалось морщинами и оспинами, нос становился похожим на луковицу, нежная кожа ее грубела и покрывалась шерстью, а голос вдруг менялся настолько, что скорее уже напоминал хрюканье. Никогда больше не суждено ей нежиться в лучах бледного северного солнца, никогда она не узнает человеческой любви. Теперь она жена тролля, такая же

Постоянный обитатель шотландских проселочных дорог, дух Безголовое Тело шатался по землям Мак Дональда в Мораре. На женщин и детей он не обращал внимания, но путники-мужчины умирали в его смертельных объятиях.

уродливая и прожорливая, как он, такая же похотливая и в то же время забитая и трясущаяся от малейшего строгого взгляда своего подземного властителя.

Тролли обладали силой, которая во много раз превосходила силу простых смертных, хотя те, как в случае с Гренделем, не страшлись иногда выйти на бой с троллем. Не все из этих смельчаков были прославленными героями вроде Беовульфа. Один даже был до этого объявлен в Исландии вне закона.

Звали его Греттир, сын Асмунда, прозванный Силачом. Родился он в Биарге, что в западной части острова. Смолodu славился бесстрашием, удалью и бойцовским упорством. Все шло хорошо, пока он ненароком не убил ходока — кровожадного призрака, вселившегося в тело трупа и оживившего его. Умирая, призрак проклял убившего его человека. Проклятие свершилось, и удача отвернулась от Греттира. Вскоре после этого он был ложно обвинен в убийстве и отправлен в изгнание. Теперь он вынужден был странствовать вдалеке от родного поселения.

Многие годы бродил Греттир в одиночестве по лесным дебрям, находя ночлег и убежище, где придется, и учась питаться тем, что дарил ему скудная природа ледяных пустынь. Как-то раз, в день зимнего солнцестояния — время, когда ночи самые длинные, а дни короткие — Греттира настигла буря. Ветер завывал. Снег валил тяжелыми хлопьями. Лед стянул коркой бороду и в кровь раздирал ноздри. Глаза его слезились, и слезы тут же замерзали на щеках. Но он упорно шел вперед, склонив по-бычьей голову. Выбора у него не было.

Внезапно из пелены бурана возникла перед ним черная фигура. Греттир остановился и негнущимися пальцами выхватил нож, готовый к встрече с любой опасностью. Фигура оставалась неподвижной, и Греттир медленно продвигался вперед, ей навстречу. И тут, к своему стыду, он увидел, что это был лишь столб от ворот хутора. Дом едва виднелся за стеной ме-

тели. Он добрался до порога и принялся стучать в дверь. Женский голос спросил: кто это? Греттир был изгнанником, и его могли оставить на улице даже в такую жуткую ночь. И он солгал, прокричав сквозь вой ветра:

— Я Гест, странник, ищущий убежища!

Тут же послышался глухой звук отодвигаемой задвижки, и дверь, заскрипев, отворилась. Греттир, наклонившись перед низкой дверной притолокой, проскользнул внутрь. Свет ослепил его.

Э то, очевидно, был богатый хутор. Женщина, впустившая его, была одета в дорогое шерстяное платье, обрамленное вышивкой. Комната, куда он попал, была чистая и побеленная, над большим очагом висел кипящий горшок. Вдоль стены тянулись покрытые узорами скамейки и стоял стол. За низкими дверями виднелись еще комнаты. Он расслышал и приглушенные голоса слуг.

Но женщина, впустившая его, хоть и говорила обычные вежливые слова приветствия, не выказала и доли настоящей приветливости. Даже не улыбнулась.

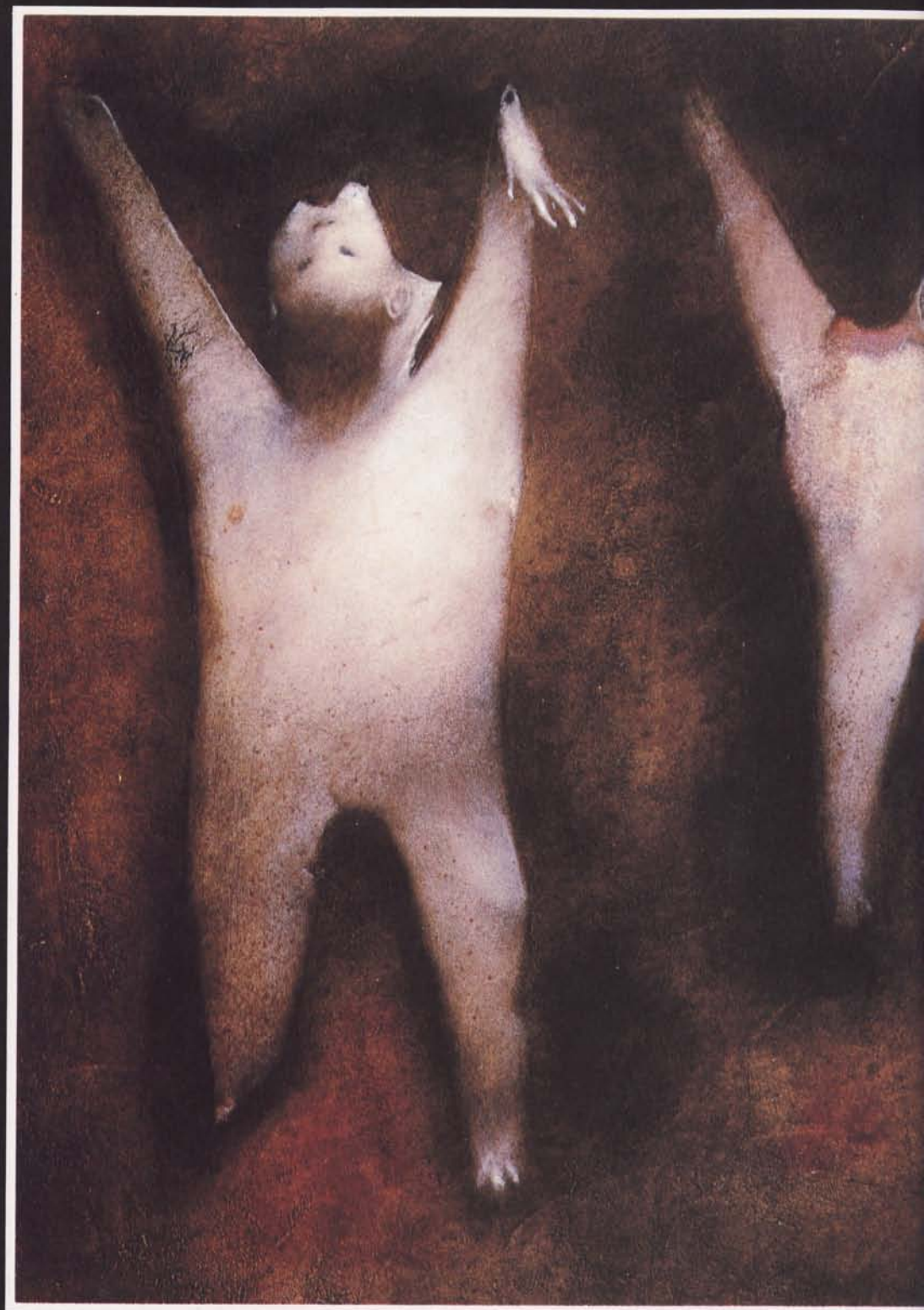
— Дом твой, — сухо сказала она, — и все, что в нем есть, тоже может стать твоим, если пожелаешь. Но защитить себя тебе придется самому.

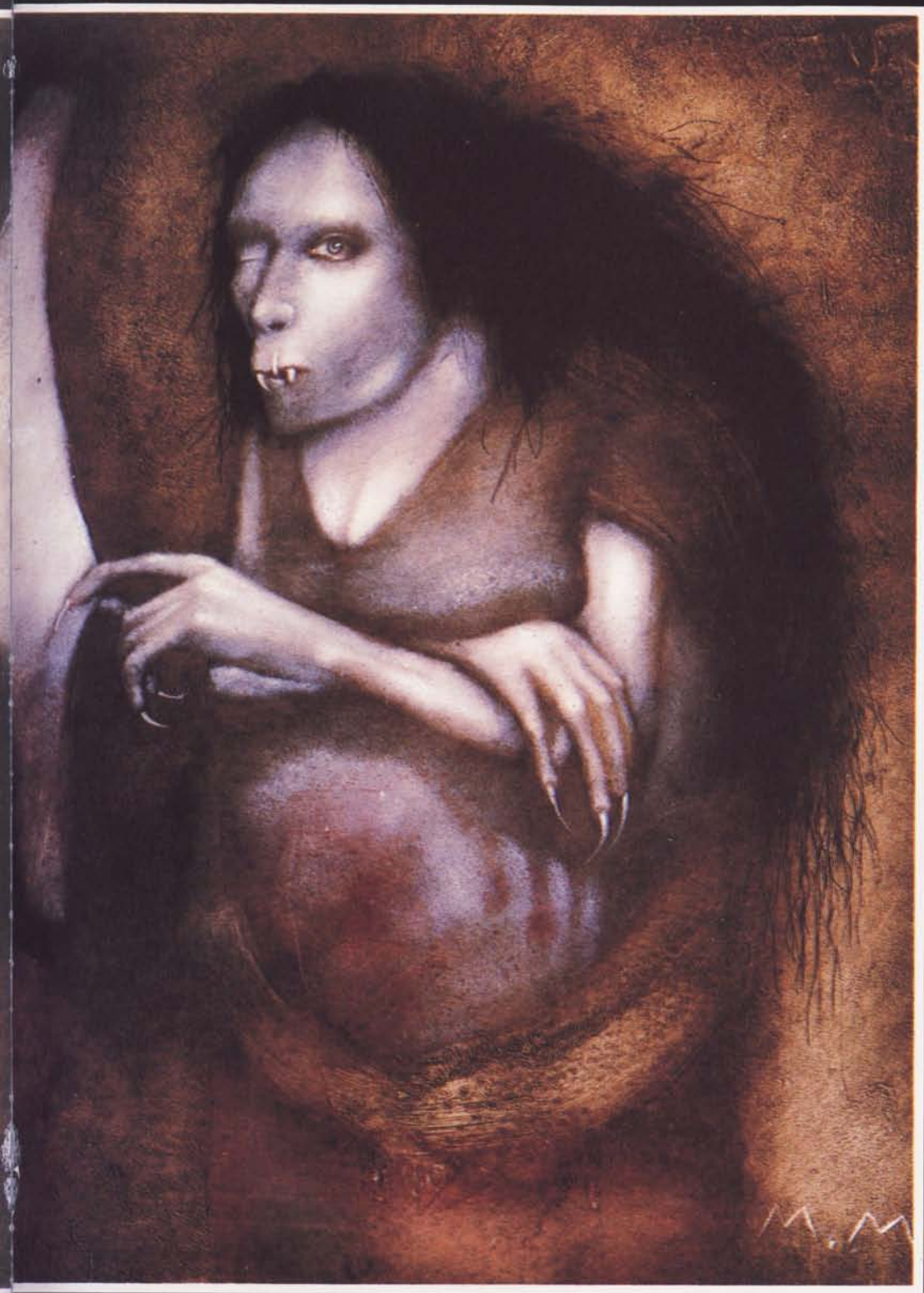
— Как это понимать? — удивился Греттир. — И где хозяин дома?

Ничего не ответила женщина, а усадила его за стол и угостила сытной едой и пряным питьем. И только после этого рассказала свою историю.

Хутор назывался Сэндхогар, или Песчаные Холмы. Когда-то он был богатым и процветающим. Теперь добрые люди избегали его и даже поля вокруг не возделывали. В эти места повадилась великанша. Два года тому назад, как раз в такое же время — в зимнее солнцестояние — мужа хозяйки кто-то уволок в ночь, во тьму. На следующий год, день в день, тоже во время

На многих сельских дорогах скрываются в засаде злые духи, известные как Темные Всадники, или Наездники. Они вскакивают на спину путнику, жестоко раздирая его когтями и опалая огненным дыханием.

Холмы Лейкестера часто посещала ведьма Черная Аннис, жительница древнего мира и враг мира нового. В корнях ветвистого кривого дуба находилась пещера, увешанная высохшими клочками кожи маленьких детей, которые осмелились подойти к ней слишком близко.

Бродившие неспешно по стыллой земле Исландии ночные тролли питались человеческой плотью. В борьбе с таким врагом погибали самые сильные из смертных, но зато малейший лучик дневного света превращал троллей в камень.

зимнего солнцестояния, пропал их домоправитель. Он исчез так же, как ранее его хозяин, и лишь лужа крови осталась от бедняги у самого порога. Нынче женщина ожидала возвращения великанши, и никого не нашлось в доме, чтобы защитить ее.

Но Греттир не боялся ни троллей, ни великанов и приготовился защитить эту женщину.

На следующий день были Святки. Спокойный розовый свет заливал окрестные снега. Греттир отослал женщину и двух ее служанок к ее родственникам на соседний хутор, другим слугам было приказано оставаться в задних комнатах и подпереть двери досками и бревнами. Лишь опустились ранние сумерки, Греттир кинул в передней комнате на пол подстилку, сгреб в кучу угля в очаге, зажег единственную тростниковую лампу, осветившую входную дверь, и уселся ждать.

Ждал он несколько часов, поднимаясь лишь затем, чтобы заменить сгоревшую тростинку в лампе. Прошла ночь, уголья в очаге остыли, и темный дом погрузился в сон. Наконец, Греттир услышал тяжелые шаги незваной гостьи и поскребывание ее пальцев в дверь.

Дверь вдруг с грохотом распахнулась. Великанша ввалилась в комнату, сразу заполнив ее целиком. Это была жена тролля. Ее огромная голова плотно вросла в сгорбленные плечи. Глаза великанши в кровавых прожилках безумно вращались. Грубые наросты и бородавки, утыканые толстыми волосками, усеяли ее нос и веки. В огромных руках она зажала большой мясницкий тесак и деревянное корыто для рубки мяса. Она явилась за добычей. От неожиданности, когда Греттир предстал перед ней с ножом в руке, великанша выронила корыто и тесак. Опомившись, она устремилась к нему. И натиск ее был настолько быстр и силен, что Греттир выкатился из комнаты на улицу. Бой теперь предстоял на ее территории.

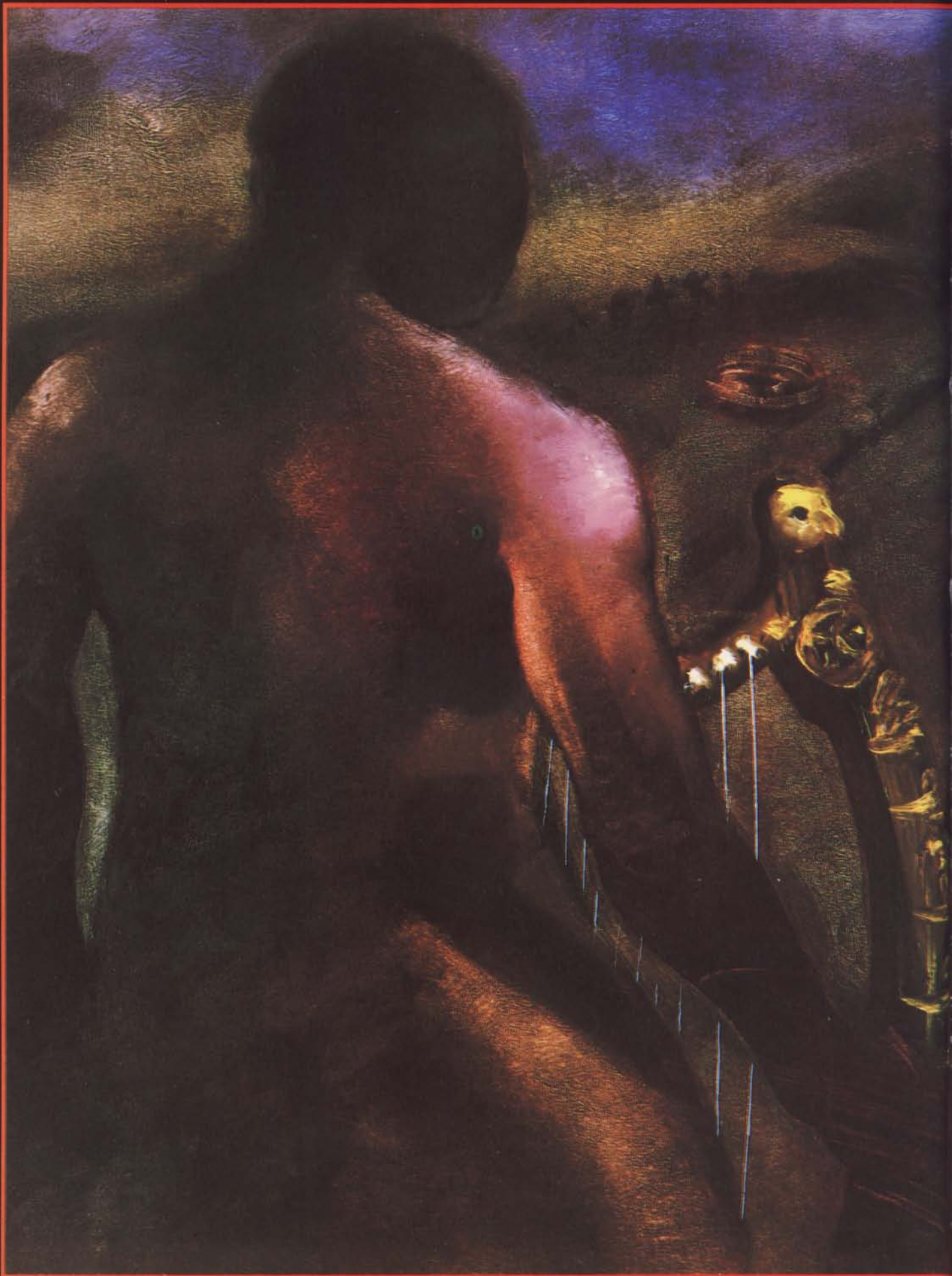
Они катались по всему заснеженному двору, тяжело дыша, хрипя и вскрикивая. Сцепившись, они

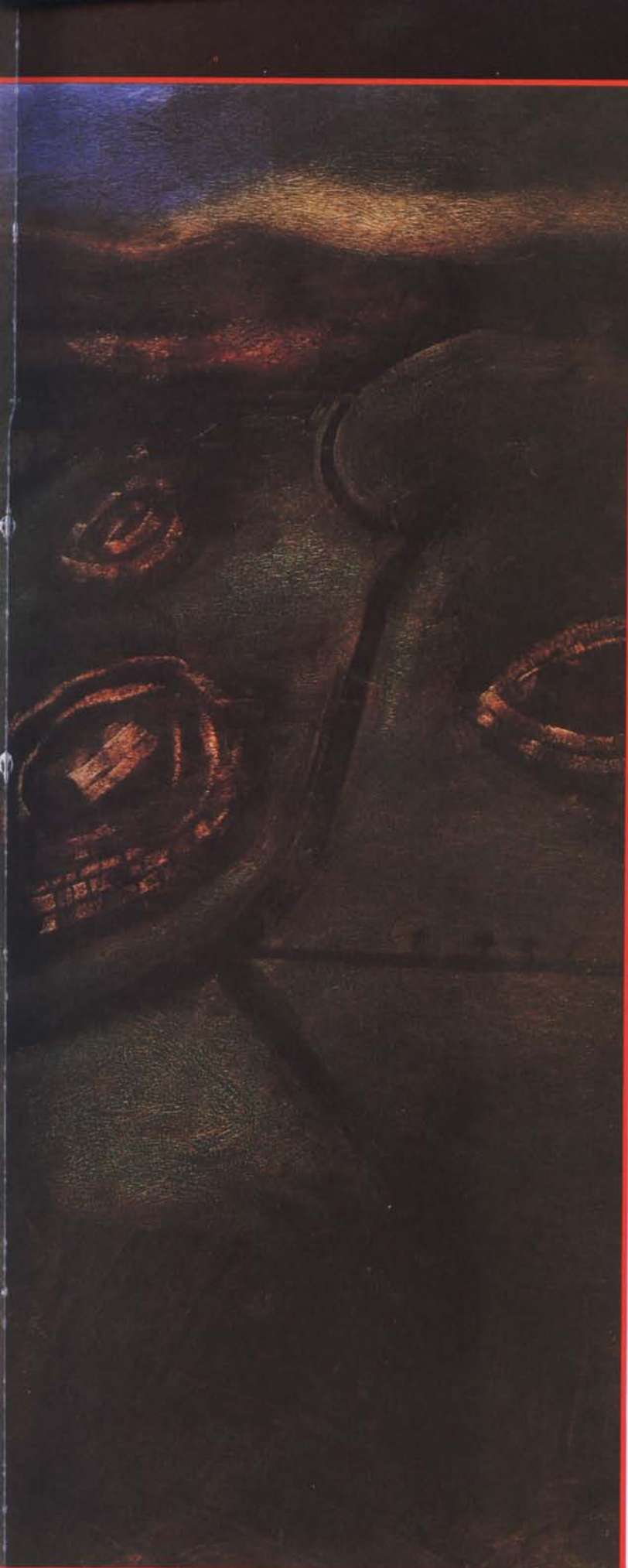
выкатились со двора и оказались в ледяном поле, а потом на берегу реки. И, наконец, Греттир обнаружил, что они уже на самом краю каменной стены, с которой в реку падает ледяной каскад воды. Отсюда на хуторе брали воду. Великанша рычала и что-то бормотала, стараясь стащить Греттира поближе к скользким камням. Могучим усилием он опрокинул ее на снег и вонзил свой нож ей в плечо. Вывыла жена тролля. И в этот момент из-за восточной гряды холмов выглянул краешек солнца. Греттир почувствовал, как сила вновь вливается в его руки.

Все было кончено. С хриплым криком великанша выпустила его. Ее огромное бесформенное тело билось в конвульсиях и раздувалось. Глаза вдруг почернели, и кожа натянулась так, что расправились все бугры и бородавки, и она заблестела, как смазанный жиром сапог. Вдруг громадина эта лопнула, как пузырь, разбрызгивая кровь по камням и снегу. Медленно съеживалась кожа, пока не ссохлась совершенно и не повисла на камне безобразным лоскутком. И валун вдруг оказался лицом жены тролля с разинутым в последнем крике ртом и выпученными глазами. Тролли не могут уцелеть под лучами солнца. Они превращают их в камни.

А Греттир, вечный странник, ушел навстречу новым приключениям. Но люди снова и снова пересказывали историю его смелой схватки. Из самых дальних селений и хуторов, лежащих вниз и вверх по реке, шли и шли люди взглянуть на камень под водопадом, в который превратилась великанша, вынужденная теперь взирать окаменевшими глазами на рождение нового дня каждый раз, как из-за восточной гряды выскальзывал краешек солнца.

Старинное проклятие фианы

В Таре, в самом сердце Ирландии стояла крепость Верховного короля Кормака Мак Арта. Она служила хорошей защитой от любого врага, но была всего лишь хрупким барьером против сил тьмы. Крепость высилась на зеленом холме и грозным силуэтом маячила над равниной. За стенами крепости прятались семь деревянных домов, предназначенных для семьи Верховного короля и для воинов, защитников крепости. Все они были рыцарями фианы, ордена самых смелых, сильных и опытных рыцарей Ирландии. Быстрыми и ловкими были эти люди, проверенные во многих битвах. Они поддерживали порядок во всех ирландских провинциях. И они короля защищали так же, как каменные стены крепости. И все же раз в году в одну из ночей рыцари фианы становились беспомощными, как дети, и бесполезными, словно мертвое войско.

Роковая эта ночь наступала в канун зимы, в тот мерцающий миг смены времен года, когда осень кончилась, а зима еще не началась. В эту ночь порождения тьмы, злобные и непонятные существа освобождались от заклятия и могли свободно бродить по земле. Люди Верховного короля в эту страшную ночь накрепко запирали ворота крепости и укрывались в своих домах. Воины фианы вешали свои бесполезные сейчас щиты и мечи на стену, а сами собирались в пиршественном зале замка и до утра не смыкали глаз. Они громко пели, пировали, веселились.

Голоса их были веселы, но глаза тревожны, а души беспокойны, потому что знали они, что нет защиты против сил ночи и

тьмы, а потому следует покориться судьбе и ждать. И лишь всходила зимняя луна и начала свой медленный путь по небу, в долине вырастала громадная тень. Чья это была тень? Никто не знал. Но она неотвратимо двигалась в сторону крепости Тары. В зыбких руках тени появлялась арфа. Струны рождали мелодию, которая проникала сквозь каменные стены, вливалась в дома. И каждая нота этой волшебной мелодии навевала сон на смертных. Они засыпали один за другим.

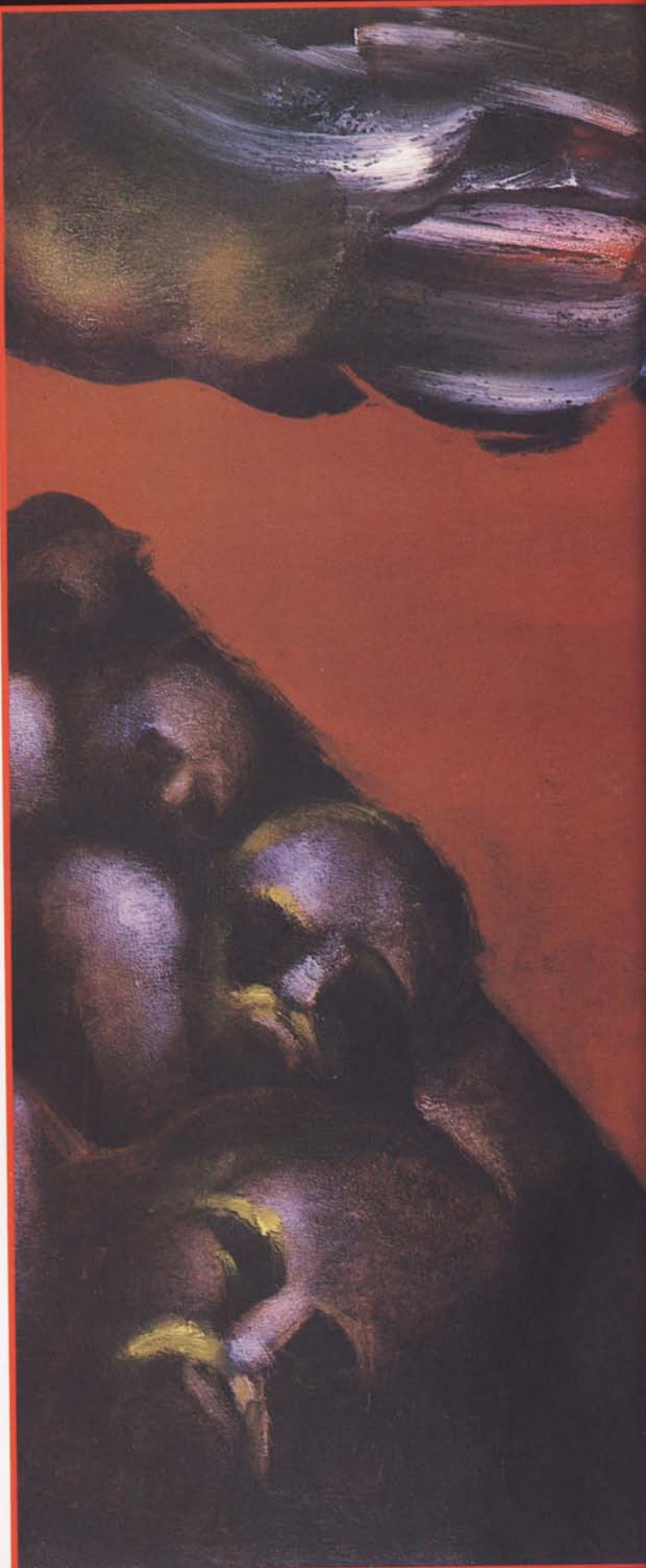
И вот тень, этот бесплотный гигант, беспрепятственно проходивший сквозь стены, проскальзывала в пиршественный зал и застыла над спящими. Из рта ее вырывались языки пламени, сжигавшие и сжиравшие потолки, балки, стропила крыши. Многие воины мгновенно погибали в пекле пламени. Некоторые успевали проснуться, но, застигнутые тайным заклятием, исчезали навсегда. А тень-гигант вытягивалась из пробитых огнем прорех в крыше и улетучивалась вместе с дымом и языками пламени.

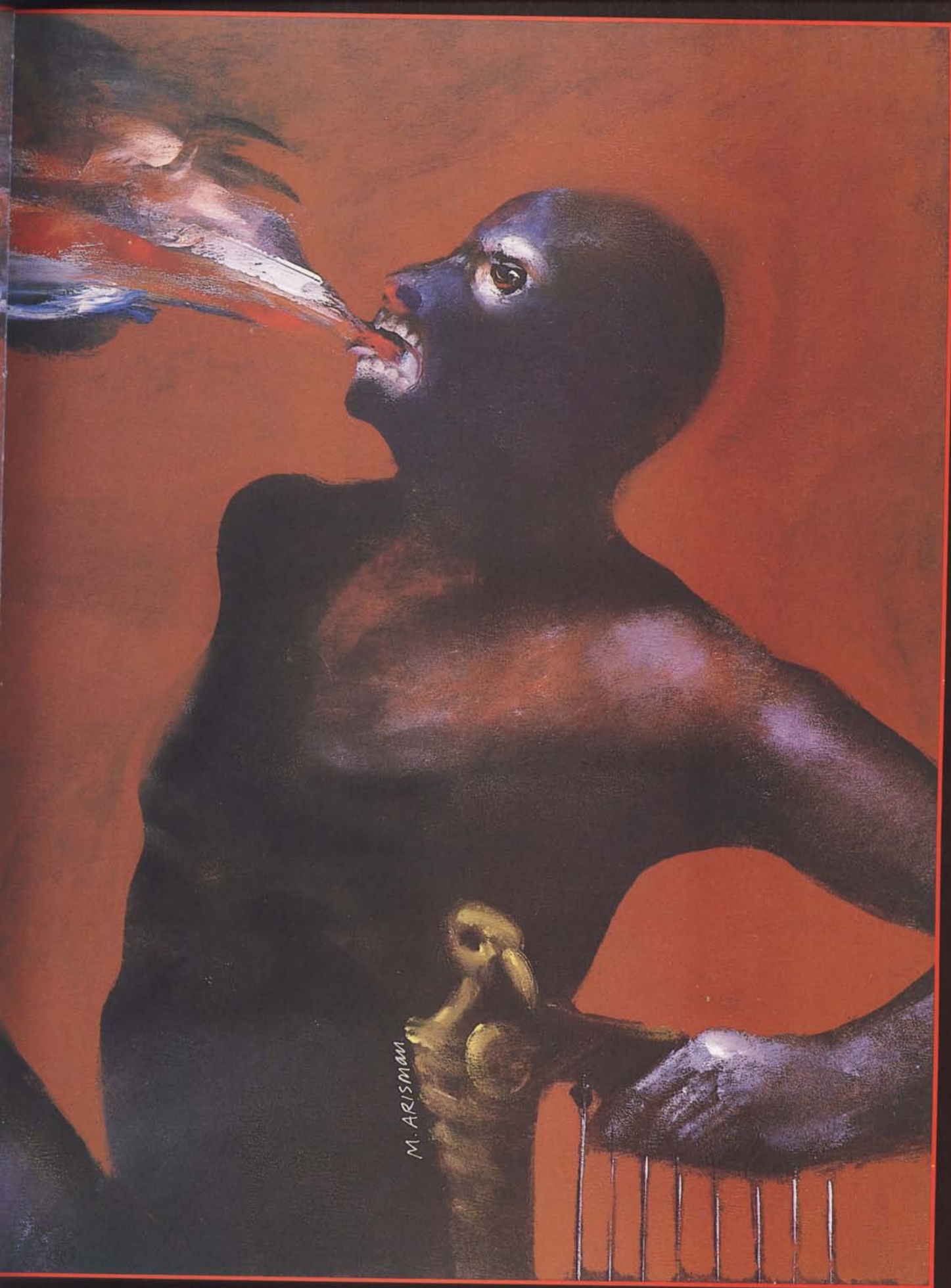
Те, кто хоть раз видел этот темный прозрачный силуэт, пляшущий в алом зареве, тут же вспоминали слышанные ими рассказы о злобещей тени. Существо это звалось Аилленом. Отпрыск древнего скопища духов, давным-давно вытесненных смертными в иной мир, обитал в долине. Раз в год, в канун зимы, Аиллен возникал, влекомый местью, и никто не мог противиться звукам его арфы, ни один смертный не мог спастись от его пламени.

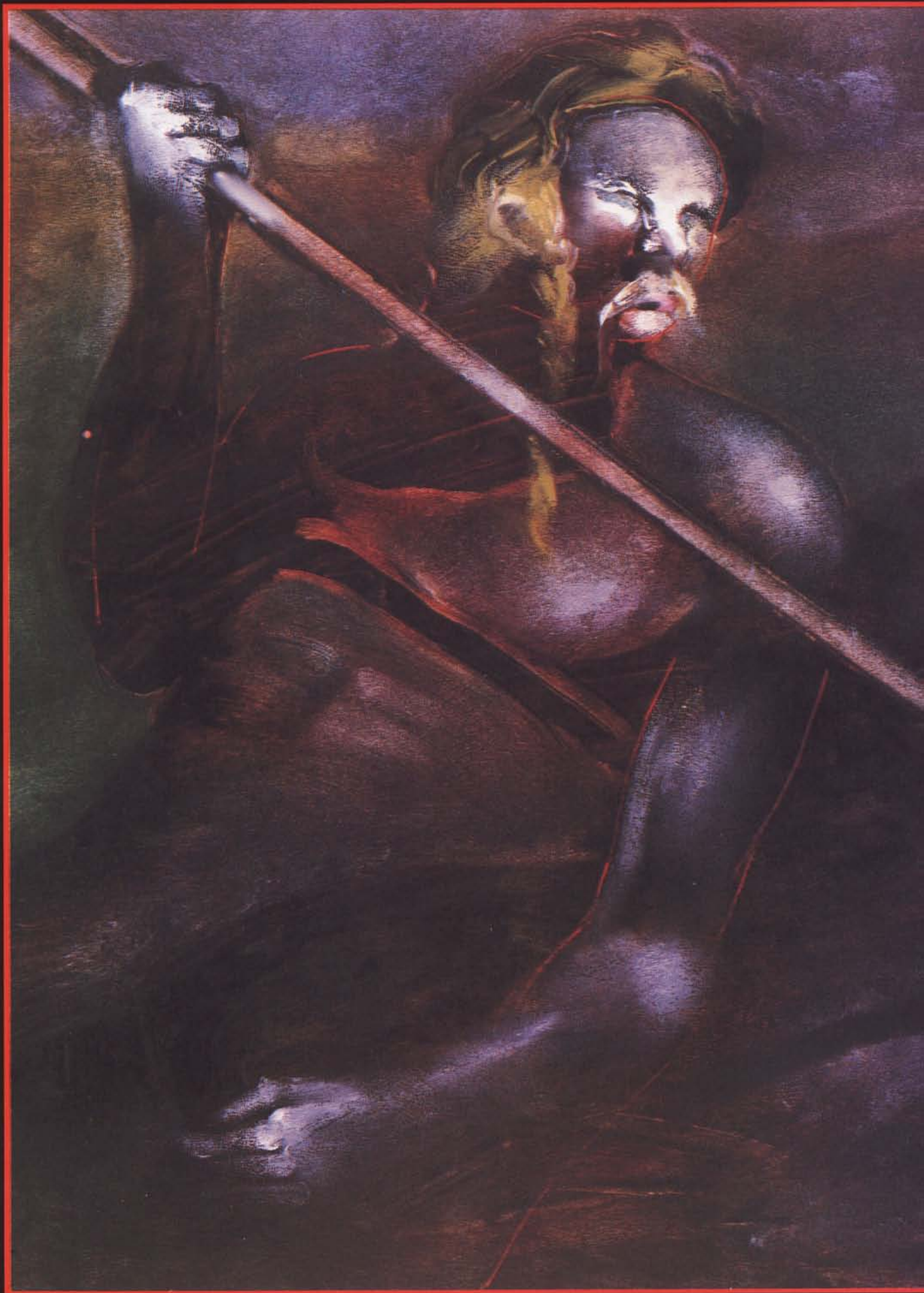
Но настало время явиться человеку, не побоявшемуся выйти на бой с чудовищем. Однажды, когда дни стали укорачиваться и осень близилась к концу, в пиршественном зале замка появился воин и попросил аудиенции у Верховного короля. Был он высоким, крепко и хорошо сложенным юношей. Щит его и копье были отличной работы. Шлем сверкал. Любезно принял его король Кормак и пригласил за свой королевский стол. Спросил король имя юноши, и тот ответил:

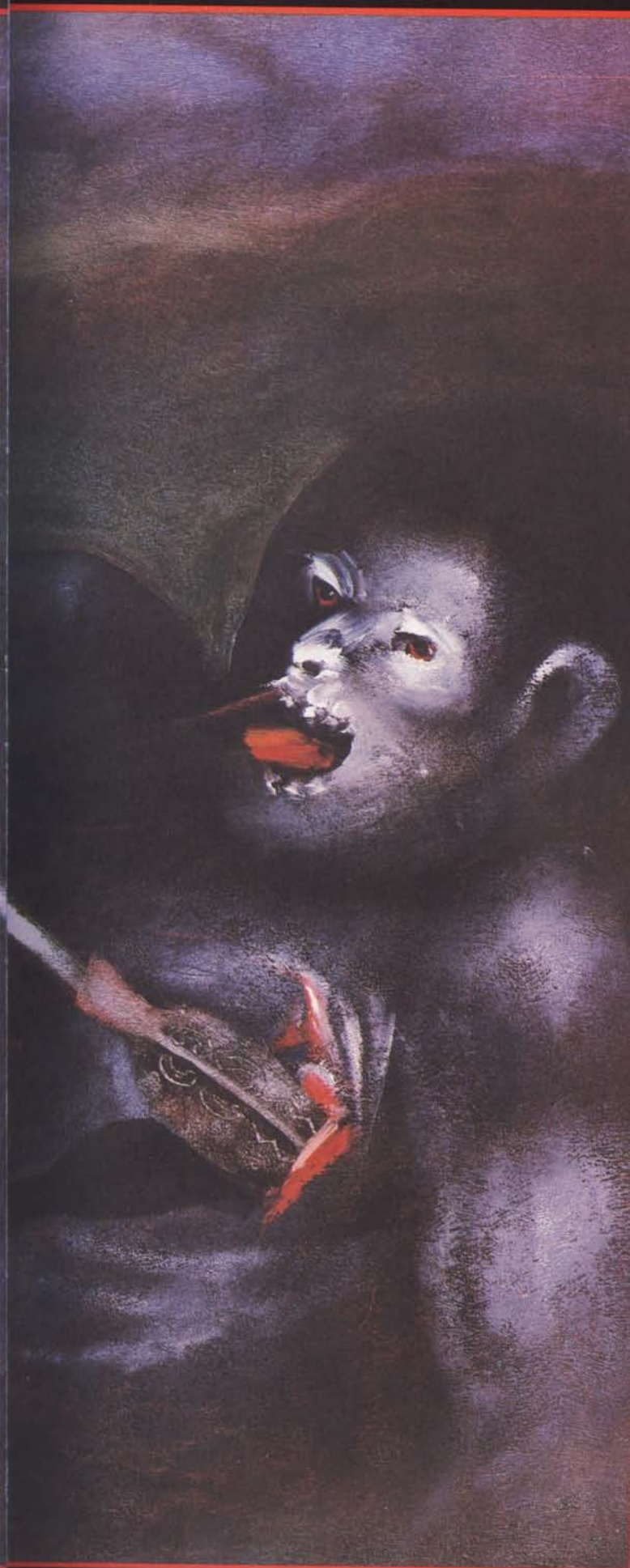
— Я — Финн, сын Кумалла.

Умолкли при этих словах воины фианы. Юноша на самом деле был очень похож на Кумалла, являвшегося когда-то их предводителем, но убитого одним из рыцарей фианы. Сына Кумалла, боясь мести, выслали из страны, и все эти годы никто не видел мальчика.

— Сын Кумалла желанен здесь, — осторожно сказал Кормак. — Но что ты затеял?

— Я хочу вернуть свои права, отнятые у меня смертью отца. Я хочу быть предводителем фианы.

Рыцари, окружавшие короля, встрепенулись. Послышалось недовольное ворчание. Но глаза юноши сверкнули в сторону роптавших, и они поспешно умолкли.

— Я докажу вам, что достоин этого, — сказал Финн. — Когда наступит мерцающая ночь, я убью призрака, который угрожает вам. Если я совершу это, знай, король, я стану предводителем фианы!

Кормак помолчал, размышляя. Потом кивнул:

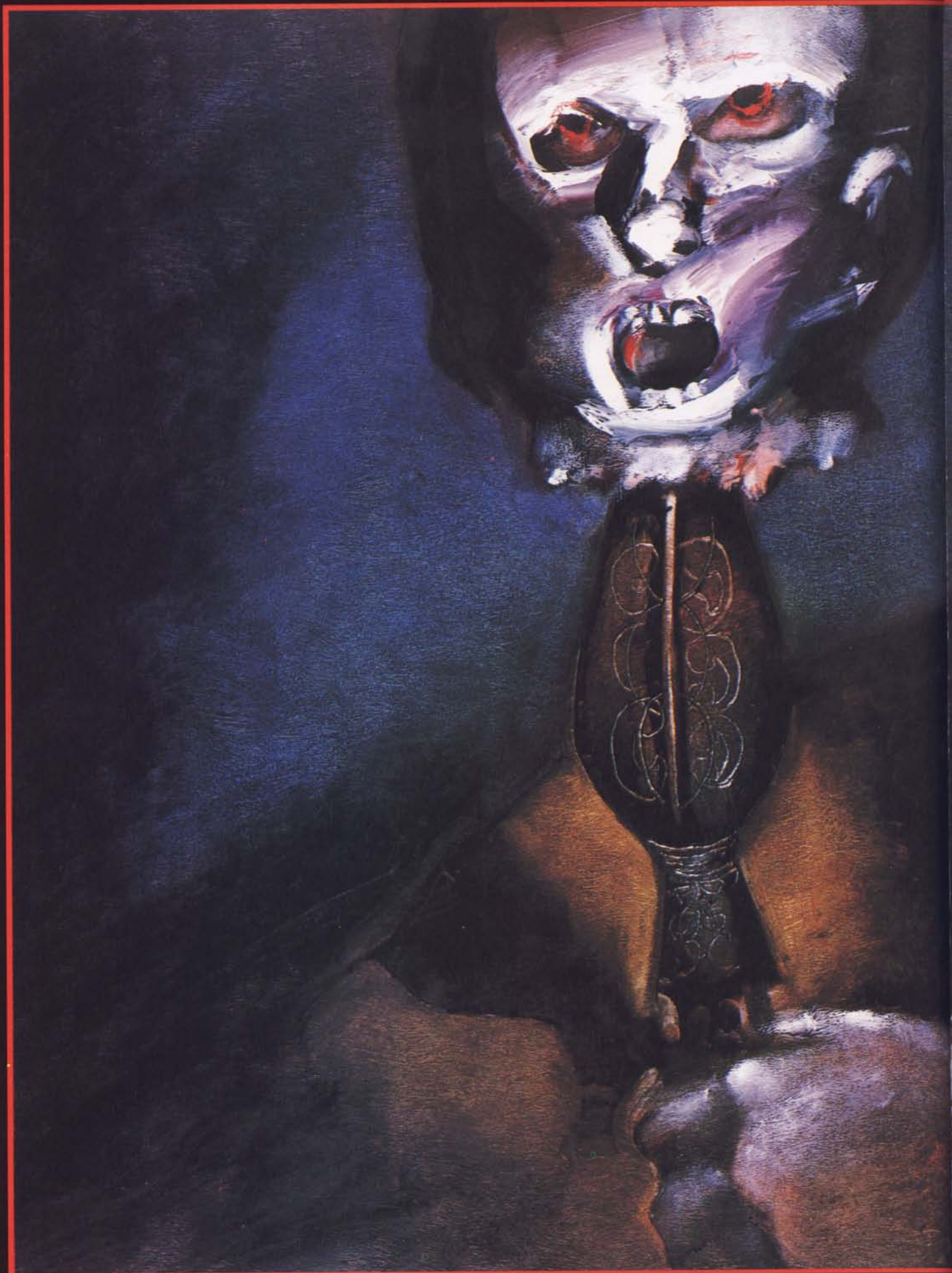
— Годится!

И пришла мерцающая ночь. Большие ворота Тары были заперты на тяжелый засов. Воины собрались в пиршественном зале и затаились. Финн один поднялся на крепостной вал. Сапоги его громко стучали по камням, дыхание превращалось в пар на холодном воздухе. В руке он держал копье, подаренное ему старым воином, другом отца. Тускло поблескивал бронзовый наконечник копья, сверкали золотые заклепки. Необычное это копье, гласило предание, одаряло воина непобедимой силой, наполняло его сердце боевой яростью и поражало любого врага насмерть. Но много лет копье пролежало без дела и теперь должно было послужить Финну против сил тьмы.

Все было тихо. Дороги, ведущие из Тары в долину, сверкали в лунном свете нетронутой белизной. Не видел Финн своего врага, и между тем уже возникала и лилась среди деревьев, тянулась к небу сладостная, усыпляющая мелодия арфы. Звук достиг ушей воина. Он ослабел, закачался и склонил голову к древку копья.

Огромным усилием он заставил себя встряхнуться и открыть глаза — над ним высился призрак! Был он на две головы выше человека, и очертания его казались колышущейся, вспененной тьмой, застилающей свет луны. Лишь крохотные глазки светились красными уголками в неясном силуэте черного черепа. Рот разверст, но ни звука не вылетает из него. Призрак нем. Из тьмы возникли струящиеся руки и попытались схватить Финна.

Юноша поднял свой щит и ударил

призрака копьем. В месте удара вспыхнуло пламя, и жадные языки его стали лизать щит. В мгновение запылало все вокруг, а руку юноши опалило жаркое пламя. Но вновь ударил Финн, и опять ленты пламени обвили его. Но Финн, не уstraшенный, ринулся вперед и еще раз ударил копьем. И тут почувствовал, что наконечник его не прошел сквозь тень, а вонзился в твердую плоть.

В следующий момент он оказался на крепостном валу один. А внизу, пошатываясь и словно бы переваливаясь, катилась по долине черная тень. Призрак уходил, он искал спасения в своем логове.

Увлеченный яростью битвы, Финн устремился следом за призраком. Он выбежал из крепости и ринулся в пустынную, черную ночь. Ветер свистел и бил его в лицо, но он упорно и неустомимо гнался за тенью.

И настиг призрак у самого подножия холма. Мгновенным выпадом вонзил он копьё в сердце существа ночи. Но призрак не умирал. Он рвал юношу когтями, изрыгал сгустки пламени. И тогда Финн ударил в последний раз. Призрак закачался и упал. Тень его вдруг съежилась, закружилась вихрем, потянулась струйкой и растаяла. Лишь арфа еще долго лежала на том месте и уже не играла, а выла, будто собака, потерявшая хозяина.

Прошел час. В пиршественном зале замка Тара ярко горели факелы. Рыцари фианы пробудились от тяжелого сна, навеянного арфой призрака. Они проснулись и отшатнулись при виде ужасного зрелища.

Финн опять стоял среди них. Он высоко поднял свое копьё, на острие которого чернела пронзенная голова с отверстием ртом. Кровь капала с этого страшного трофея и струйками лилась по руке молодого воина. Финн бросил голову на пол к ногам Кормака.

— Я выполнил свое обещание, — сказал Финн Верховному королю.

И Кормак ответил, как и подобает королю. Он сдержал свое слово. И Финн, сын Кумалла, победитель самого лютого чудовища Ирландии, по праву занял место предводителя фианы.

Глава вторая

В царстве призраков

К

огда еще не растаяли снега и, сверкая под зимней луной, покрывали всю Исландию, приехала в Хейстери, что на самом острове северного мыса острова, юная девушка. Она нанялась в прислугу к здешнему крестьянину. Это была смелая и веселая девушка. И это оказалось не лишним, потому что, поговаривали, усадьбу крестьянина часто посещали духи и привидения. Соседи шептались между собой, что здесь бродят ночные тролли.

Тем не менее девушка, а звали ее Гудрун, полюбила свой новый дом и прижилась в приветливой семье. Она приехала из бедной деревушки, а это хозяйство было богатым, с большим зерновым амбаром и отличным каменным домом. Из-за того, что исполнилось ей всего четырнадцать лет и была она нездешняя, слуги относились к ней, как к самой последней чернавке. Но она весело и легко обжилась во флигельке при кухне, мыла посуду, прибиралась, успевала забежать в детскую — и все это делала вприпрыжку и не переставая напевать.

Она не расстраивалась и не жаловалась даже тогда, когда хозяин и хозяйка, слуги и все домашние, укутавшись меховыми одеялами, садились в сани и отправлялись на соседний хутор праздновать Сочельник и веселиться, оставляя на нее все заботы и дела по хозяйству да в придачу маленькую хозяйскую дочь.

И вот сани растаяли в снежной серебристой пелене и превратились в белую точ-

ку. Гудрун заперла дверь на засов, принесла младенца в комнату хозяйки и примостилась у очага, собираясь покормить дитя.

Она чувствовала себя уютно и спокойно. В теплых отсветах огня еще ярче казались разрисованные пестрыми цветами сундуки, радостными бликами играли медные горшки. В глубоких проемах окон мерцали восковые свечи. Малышка довольно сопела и, поев, заснула счастливым сном в покачивающейся колыбельке. Веки Гудрун отяжелели.

Но прежде, чем сон одолел ее, она встрепенулась от странного шума. Что-то, может быть, заблудший зверек, цапалось у порога. Затем скрежет поднялся до дверного засова, а потом и вовсе заскреблсь над дверной притолокой, куда никакой зверь наверняка не достанет. Засов загремел, дверь затрещала, но не открылась, скрип и скрежет прекратился.

Гудрун сунула в ротик младенцу, пробудившемуся от шума и захныкавшему, смоченную в молоке тряпицу. Ребенок снова затих. Ни одного звука не проникало сквозь толстые стены дома, но спустя мгновение свеча на окне задрожала, девушка вздрогнула и обернулась. Огромное лицо ночного тролля с открытым ртом, обнажившимися неровными сломанными гнилыми зубами, прижалось к стеклу, заслонив свет. Жадные зеленые глаза уставились на колыбель.

Гудрун отвернулась от окна. Руки ее вцепились в колени. Она сидела тихо, как мышка, глядя на огонь очага. Вдруг она улыбнулась и произнесла:

— Конь железный, серой масти машет мне льняным хвостом. Мальчик странный, оловянный, на коне сидит верхом.

Дети той страны, где жила Гудрун, давно знали, что ночные существа можно победить, задавая им загадки. Тот, кто не сумел ответить, — проигрывал и сдавался на милость победителя.

В наше время, когда загадки всего лишь детская игра, может показаться странным, что жизнь и спасение человека могли зависеть от правильного ответа. Но в те дни, когда язык еще только рождался, слова были заряжены магической силой, и загадки становились тем ключиком, который опирался перед человеческим умом тайны мира. Отгадка была испытанием этой силы ума. Даже божество могло сказать о себе: «Я тот, кто на загадки знает ответ». Так пел один древний исландский бог мудрости и войны. А среди обычных смертных игра в загадки непременно сопровождала праздники, свадьбы, их загадывали при царских дворах и, как твердят нам все сказки, тогда когда жизни угрожала опасность. У тролля не было иного выбора, как ответить на вызов девочки.

Он хрюкал и брызгал слюной в стекло, потом хрипло, с трудом двигая губами, не привычными к выговариванию человеческих слов, он медленно произнес:

— Железная серая лошадь — иголка. Льняной хвост — нитка. Оловянный мальчик — наперсток!

Потом он побулькал, будто полоскал горло, а на самом деле захихикал. Теперь была его очередь загадывать загадку.

Гудрун ждала. Когда тролль снова заговорил, он уже почти сносно лопотал.

— У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?

Услышав такую легкую загадку, Гудрун только плечами пожала и тут же ответила:

— Восемь!

И загадала она следующую загадку, и

тролль отгадал, и сам загадал загадку, и она отгадала...

Так они перекидывались загадками и ответами всю ночь напролет. На улице, под окном, тролль подпрыгивал от мороза. А внутри, в теплой и светлой комнате девочка качала себе колыбельку и подбрасывала в огонь поленья, чуть только пламя пыталось погаснуть. Она уже охрипла, и голос ее стал похожим на сиплое шипение тролля. Но она продолжала говорить, творя волшебными словами загадок нехитрое заклинание.

Наконец, когда свеча превратилась в лужицу воска, а последнее полено догорало в очаге, тролль загадал такую загадку:

— На красном холме и под красным холмом тридцать лошадок стоят рядком. Каждая лошадка белым-бела. Стучат они копытами, грызут удила. Ждут работы — растоптать кого-то.

Едва живая от усталости, Гудрун помедлила, молчание ее затягивалось. Тролль опять засмеялся своим смехом, забрызгав стекло слюной. И тут Гудрун сообразила.

— Твои зубы! — крикнула она. — И твой хищный рот!

Тролль зарычал. Он отпрыгнул от окна, и девочка увидела тонкую алую линию у самого горизонта. Воспрянув, она вскричала:

— Красный олень на воле! Убегайте, тролли!

От этой загадки тролль завыл, и капли крови брызнули на стекла. Исчез тролль, а луч утреннего солнца скользнул в комнату. Обессиленная, Гудрун опустила на колени перед очагом.

— Красный олень — восходящее солнце, — сказала она малышке в колыбельке, — запомни это.

Дитя глядело на нее круглыми глазками. Гудрун подошла к окну, забрызганно-

му кровью тролля. Прямо под окном в снегу лежал камень, в который превратился тролль, застигнутый дневным светом.

Умная и смелая девочка победила страшного ночного гостя, который прежде с легкостью вторгался в человеческие жилища.

Не всякий тролль или другой ночной пришелец из иного мира бродил лишь по лесам, полям, дорогам, бегущим вдалеке от человеческого жилья. Многие из них, голодные и беспокойные, шатались от деревни к деревне, с хутора на хутор в поисках своих жертв. И ни один даже самый крепкий дом, из прочных бревен и с надежными запорами на дверях, не оставался для них недоступным. Достаточно было щели между камнями стены, прорехи в соломенной крыше, печной трубы, чтобы умеющие стать стружкой дыма или клубом пара ночные существа проникли в дом. Затененные и укрытые от солнца прохладные углы комнат приятны в жаркие дневные часы. Но лишь приходит настоящая, ночная темнота, когда погашены огни и добрые люди ложатся спать, как эти существа начинают заполнять те места, где при свете дня люди находили уютное прибежище.

Безмолвные, как тени, они скользят между спящими людьми, своими будущими жертвами, и касаются их костяными пальцами, дышат чумой и заразой, нашептывают заклинания, приносящие дурные сны. Да, силы ночи так отвратительны, что могут погубить не только человеческое тело, но и душу. Беспокойные, скверные сны были самыми невинными шутками ночных духов, самыми малыми ужасами из тех, что творили и насылали они на людей. Смерть — вот самое страшное, что несли они. Дети вроде Гудрун или малышки в колыбели, только родившись, уже становились будущими жертвами призрачных сил ночи. И что самое удивительное, именно дети будто бы знали и чувствовали это больше самых умных и осторожных взрослых. Возможно, потому, что они еще помнили ту все обнимающую

тьму, из которой пришли в этот светлый мир человеческой жизни. Их уши более чутки, их взгляд острее, чем слух и зрение взрослых. Они могут услышать малейший ночной шорох, заметить слабое, неясное движение — все, что предвещает опасность, выдает ее присутствие. Легкий сквознячок из-под кровати мог подсказать им, что жестокие глаза высматривают и выжидают, когда маленькие голые ножки ступят на доски пола. Шелест простыни, шуршание одеяла или тихий вздох мягкой подушки мог означать, что где-то в постели скрываются острые зубы, волосатые руки, кривые когти, готовые рвать, кусать, душить. Дети знали, что нужно быть начеку, не доверять замершему в ночи буфету или крутой лестнице, где затаились и бродят коварные тени. Они знали наизусть все трещины в стенах, потолках и полах и всегда помнили, что оттуда может высунуться мертвенно-бледная рука, холодная, как снег, и цепкими пальцами ухватить за лодыжку или край ночной рубашки.

Родители, считая, что все это игра детского воображения, старались отогнать пустые, как они думали, страхи. Взрослые просто не верят в ночных существ, ничего не знают о них, живущих под лестницей, под кроватью или в постельном белье. Это детские выдумки, говорят они, неопытный ребячий глаз, который пугается и нарисованного дьявола. Взрослые называют этих пугающих детей ночных существ «детскими богами» и легкомысленно запугивают ими непослушных малышей.

Однако у взрослых были и свои собственные страхи. И хотя они старались не говорить о них, но никогда не отрицали существования ночных пришельцев, охотящихся за детьми. Эти существа могли принимать любое обличье, но чаще всего являлись в человеческом

Дети хорошо знали все ночные страхи. Одно из ночных существ, длиннорукое и таящееся под лестницей, каждую ночь подстерегало свои маленькие жертвы. Малыши называли его Головой с Ободранной Кожей и Кровавой Костью.

облике. Один такой ночной хищник, по виду обычная женщина, обитал в Шотландии.

Вблизи холодного залива Морей на полуострове, что зовется Черным Островом, притулилась маленькая рыбацкая деревенька Кроматри, в которой детям всегда грозила опасность. Знали об этом и мужчины, выходившие в море на ловлю сельди, знали и их жены, остававшиеся дома. Но были они беспомощны перед силой, рожденной тьмой ночи.

Особенно страшной и коварной была эта ночная посетительница деревни, потому что являлась в облике доброй и ласковой женщины. Она бродила по тропинкам в окрестностях деревеньки, неслышно ступая по земле. Те, кто мельком видели ее, рассказывали, что одета она была во все зеленое, как некоторые древние лесные духи, и на руках держала больного, сморщенного бледного ребенка-демона с пылающими глазами и заостренными, словно когти, маленькими пальчиками.

Она подкрадывалась к дому, где находился родившийся младенец, скрывалась, таилась, ждала, пока все домашние не засыпали. Тогда она поднимала задвижку и проскальзывала внутрь дома. Без единого звука, даже вздоха, она склонялась над колыбелькой, в которой тут же начинал слабо хныкать младенец. А женщина в зеленом отходила к очагу и омывала своего увядшего ребенка в тепле тлеющих углей. Нередко она натирала его сморщенную кожу кровью человеческого младенца. Ее дьяволенок расцветал, а младенец в колыбельке так никогда и не открывал глазок, смеженных уже не сном, а смертью.

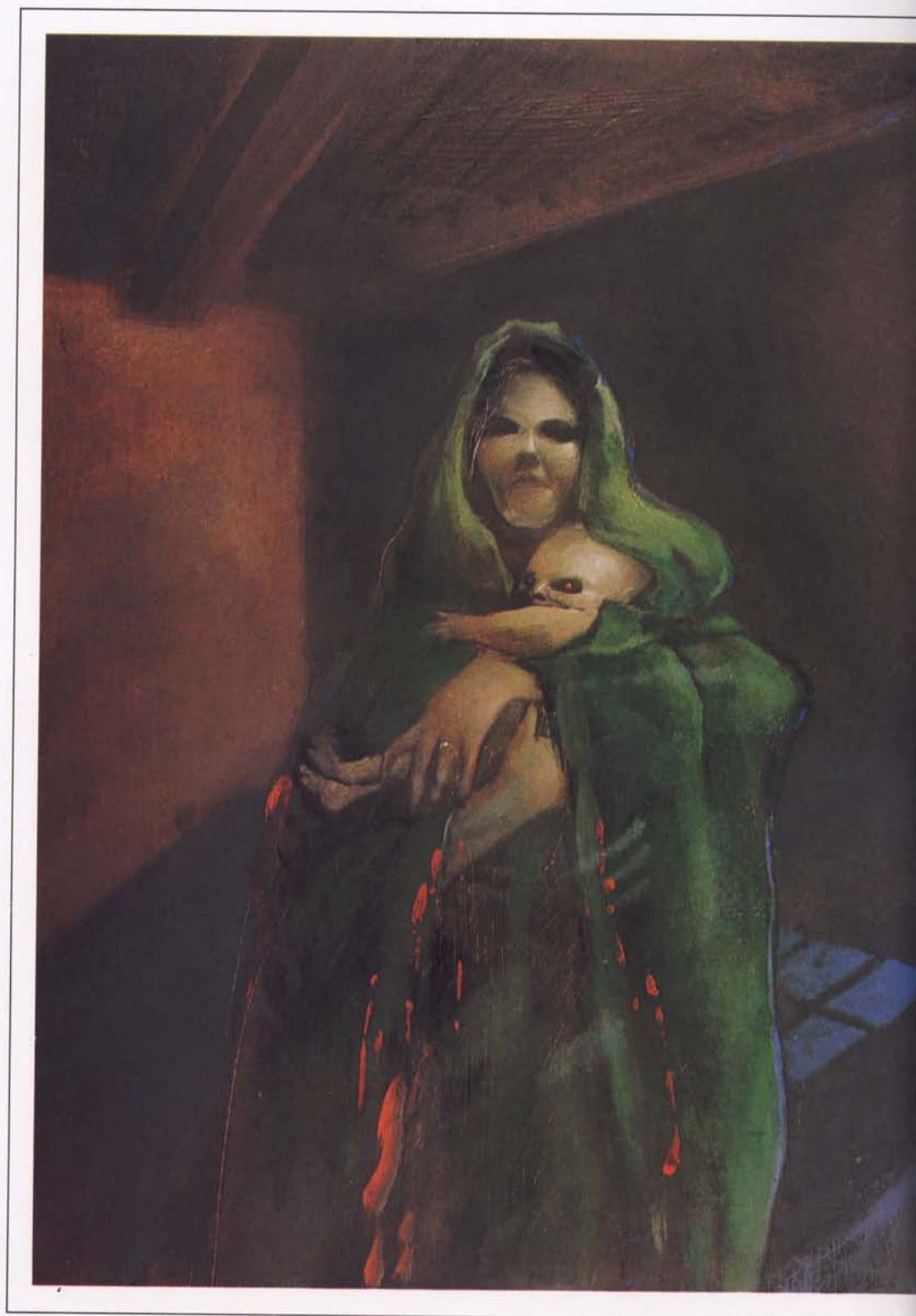
Никто не знал, когда и откуда она явится. Никто и не узнал, почему вдруг, к счастью, посещения ее прекратились навсегда. Никто не мог сказать и сколько младенцев успокоилось в маленьких сосновых гробиках, благодаря ее жутким стараниям. Детские смерти, неожиданные и таинственные, были

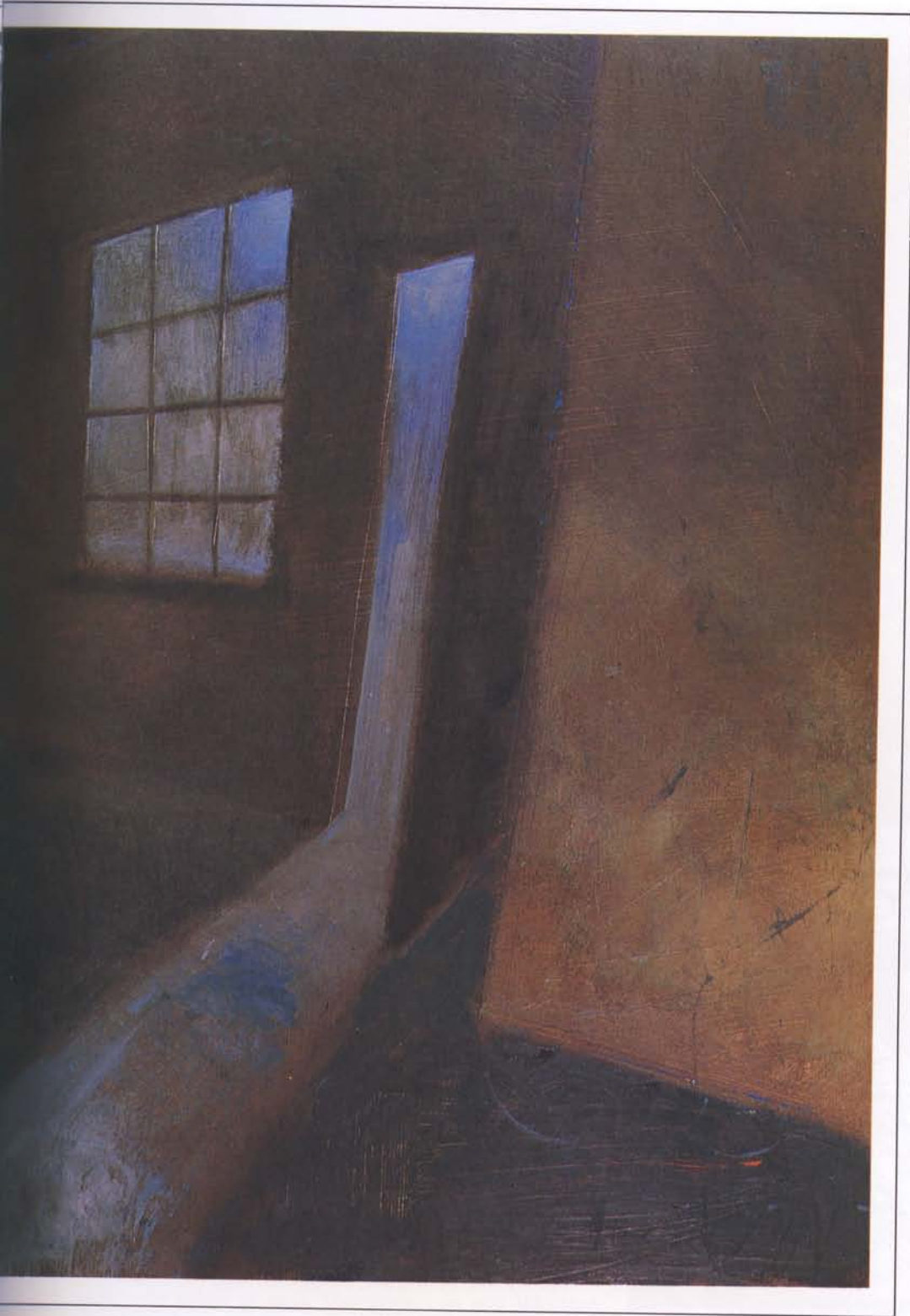
обычными в те далекие времена. Храмы и церкви по всей Европе были безмолвными и печальными свидетелями хрупкости и недолговечности молодой жизни. Земля была покрыта могилами детей. Отцы и матери, в семье которых рождалось до дюжины детей, были счастливы, если хотя бы половина из родившихся младенцев оставались в живых до пяти лет: их убивали болезни, голод и, как верили люди, существа, подобные шотландской ночной бродяжке.

К малышам Болгарии, поговаривали, приходила по ночам ведьма с бычьей головой. Ведьма вползала, проскальзывала в дома и заглядывала в колыбели. Ее гнилое дыхание заражало крохотное тельце бубонной чумой. Дети, которых посетила ведьма, чахли и через день или два умирали.

Леса и поля Польши, Чехии и России населены были похожими существами. Называли их *ночницы* или *ночные ведьмы*. Говорили, что они мучают детей, которых матери не благословили перед сном. Ночница щекотала ножку младенца или пинала его в животик, а то и высасывала кровь из нежных вен. И все это из удовольствия слышать детский плач. Ночная ведьма тут же исчезала, как только взрослый входил в комнату, но оставляла свои отметины на теле ребенка. Лихорадку и болезнь приносила ночница.

Эти напасти, прежде времени убивающие детей, были противны природе, потому что это страшно и неестественно, когда ребенок умирает раньше своих родителей. Но и для взрослого темнота таила опасность, будь это бедный или богатый, знатный господин или простой крестьянин. Лорд и его жена, спящие в кровати под шелковым балдахином, подвергались не меньшей опасности, чем семья хуторянина, уютящаяся на соломенных тюфяках под ветхим одеялом. Все они, пойманные в сети

Никакой запор, замок или засов не защитит от ночных существ — уверены были люди в Шотландии. По улицам спящих деревень кралась одетая во все зеленое фигурка женщины со сморщенным ребенком на руках. Так же легко, как лунный свет, проникала она в дома, высасывая из человеческих младенцев кровь для своего дьявольского дитяти.

сна, были столь же беспомощны, как и дети.

Сон был пугающей тайной. Каждый человек, взирающий на спящих, чувствовал, как отдаляются от него такие знакомые и родные лица, становясь непонятно отчужденными, словно застигнутые вечным одиночеством, которое суждено человеку на этой земле. Каждый испытывал острую, почти болезненную нежность при виде спящего, такого деятельного, сильного и неуязвимого днем, а сейчас, во сне, ставшего беззащитным, как ребенок. Неподвижность спящего становится подобием смерти. Люди называли сон «братом смерти».

Впрочем, все понимали, что это не смерть, потому что жизнь продолжается во сне, когда лишь часть человеческого «я» отдыхает. Вплывая в царство снов, человек как бы уходит из реального мира. Внутри неподвижного тела, в его спящем мозгу мельтешит, танцует, играет толпа бесчисленных образов — волшебные, призрачные видения, которые с пробуждением улетают, как легкий ветерок. Освобожденная от уз повседневности душа парит во сне. Недаром говорится — «когда тело спит, дух пробуждается».

Как же он пробуждается и куда стремится? Что отсылает спящего, в его загадочное путешествие? По-разному объясняют это люди. И не всегда такие объяснения бывают страшными, пугающими. Дети говорят, что сны приносит Песочный Человечек, эльф, одетый в яркие шелка. Он сыплет пыль в глаза, от чего во сне сменяются одна за другой интересные и непонятные картинки. Французские дети думают, что сны им дарит прекрасная женщина по имени Ля Дорметт. А взрослые считают, что во сне душа, освободившись на время от тела, его плоти, костей и кожи, невесомой порхает в ночной тишине.

В Сербии люди верили, что каждую ночь души спящих людей, их собак, кошек, коз и коров вылетают из окон до-

мов, печных труб, сквозь замочные скважины в дверях. Легкие, как воздух, они взвиваются высоко над верхушками деревьев и шпилями церквей и устремляются к одиноким утесам, высящимся надо всем сущим. Здесь эти порхающие души, которых сербы называли здухачи, вступали в яростные схватки между собой. Победители приносили тем спящим, чьими душами они были, здоровье и удачу. Если же здухач погибнет во время ночной битвы, тело этого смертного никогда больше не воспрянет ото сна и не увидит свет дня.

Случалось, что душу, покидавшую спящего, можно было видеть. Она могла вылететь облачком пара изо рта, или бабочкой, или даже маленькой певчей птичкой. В таком обличье душа отправлялась странствовать, и ее приключения вспоминались потом как сны, многие из которых, в свою очередь, превращались со временем в настоящие сказки. Одной из самых ранних сказок была история души Гунтрама, короля франков в шестом веке.

Гунтрам правил небольшим королевством в горах близ Рейна. Королевство его образовалось после распада Римской империи. История эта началась летним днем во время охоты короля в собственных его лесах. Сморенный сильной жарой, он прилег в тени у ручья отдохнуть. Одного из воинов король оставил на страже.

Позже этот воин рассказывал, что некоторое время он вышагивал между деревьями возле спящего короля. Вдруг взгляд его привлекло некое колебание, движение у самого лица короля Гунтрама. В следующее мгновение он разглядел крошечную, сверкающую драгоценным блеском змейку. Подняв голову с дрожащим раздвоенным язычком, она осматривалась кругом, а затем, извиваясь, скользнула в траву и поползла к ручью.

В прибрежных камышах она застыла, голова ее раскачивалась из стороны в сторону. (Продолжение на стр. 51)

Битва с пауком- демоном

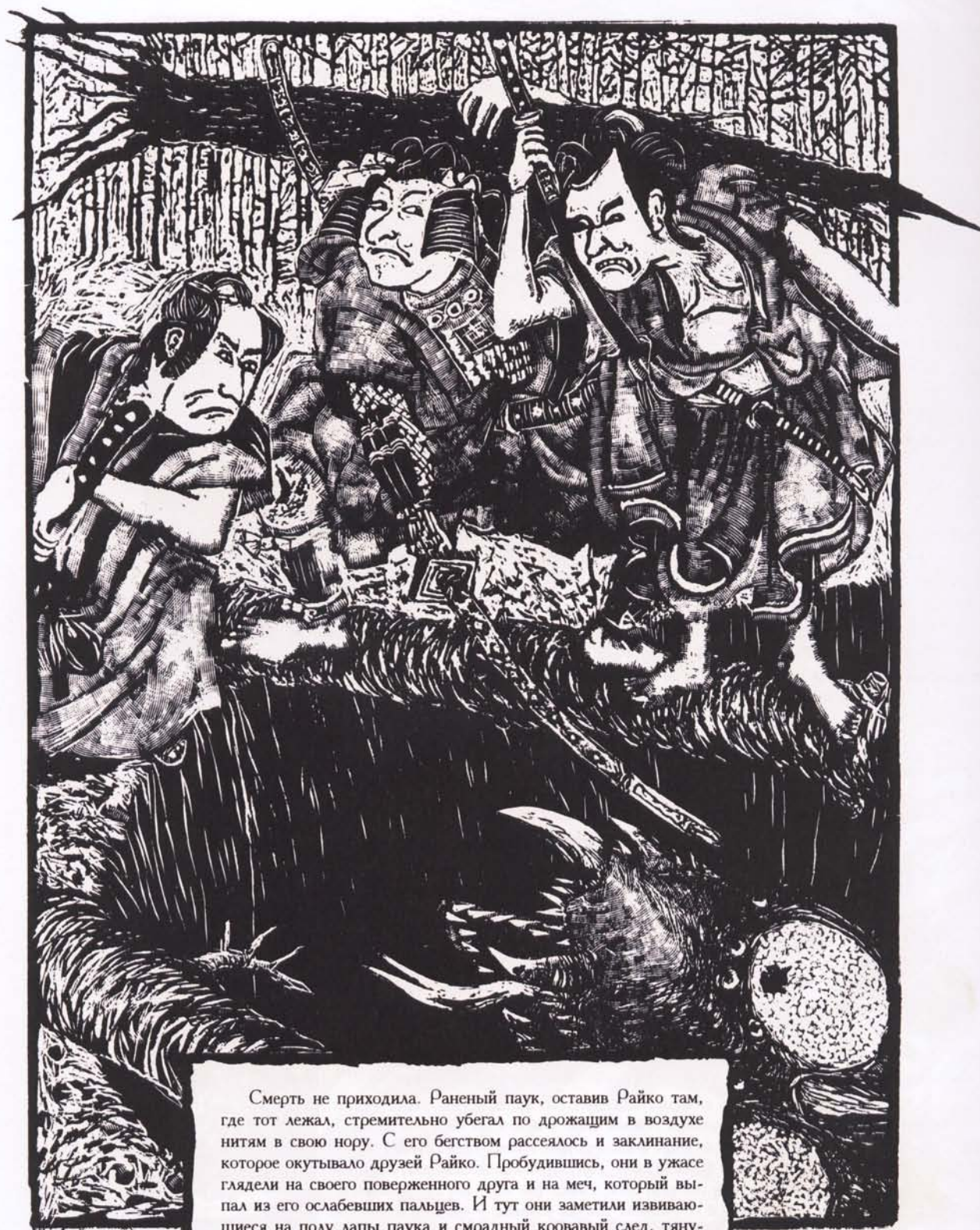
Даже самые смелые из смертных боялись гнева ночных духов. Вот что говорится в одной из сказок древней Японии. В этой стране жил когда-то дворянин, которого звали Райко. Он вызвался освободить город Киото от властвовавших там демонов. Но не успел он вступить в борьбу с ними, как эти порождения тьмы сами напали на героя. Они наслали на него лихорадку. Много дней и ночей лежал он в своей комнате, охраняемый друзьями, но охваченный и одурманенный болезненными фантазиями. И однажды ночью эти видения стали реальностью. Райко проснулся и обнаружил, что прикован к своему соломенному тюфяку тысячами шелковых нитей. В этом сплетении тончайших

нитей над ним колыхались членистые, щетинистые лапы. Огромные глаза сверкали в глубине сети. Райко стал жертвой паука.

Ни одного звука не издали друзья Райко. Они сидели, оцепенев, у стены, не поднимая глаз, безмолвно. Сколько времени находился он в паучьей сети, Райко так и не мог потом сообразить. Не мог и объяснить, откуда взялись у него силы, чтобы схватить меч, лежащий рядом. Но он все же сумел дотянуться до него. Одним взмахом Райко рассек шелковые путы и разрубил на части волосатые лапы. Из паучьей утробы вырвался булькающий вопль. Но воин больше не мог пошевелить рукой. Он откинулся назад, дрожа от слабости, закрыл глаза и стал ждать смерти.

Смерть не приходила. Раненый паук, оставив Райко там, где тот лежал, стремительно убежал по дрожащим в воздухе нитям в свою нору. С его бегством рассеялось и заклинание, которое окутывало друзей Райко. Пробудившись, они в ужасе глядели на своего поверженного друга и на меч, который выпал из его ослабевших пальцев. И тут они заметили извивающийся на полу лапы паука и смрадный кровавый след, тянувшийся во тьму. Побуждаемые чувством мести, они пошли по следу до конца и убили искалеченного монстра. И когда они возвратились, то безмерно обрадовались тому, что Райко жив и уже пришел в себя. После этого случая меч героя, одолевший демона ночи, назвали Кумокири, что значит «Гроза пауков».

Стражник, удивленный странной неподвижностью змейки, положил свой меч, соединив им берега узкого ручья, как мостом.

Маленькая змейка тут же поползла по нему и на том берегу ручья скрылась в норке, окруженной папоротниками.

Через некоторое время изумрудная головка показалась снова, и змея отправилась в обратный путь. Она скользнула вниз по бережку, проползла по мечу с такой скоростью, что стражник не успел и шевельнуться. И в следующее мгновение змейка нырнула в рот спящего короля.

Гунтрам зашевелился и проснулся, как ни в чем не бывало. Он сел, прислонился к липе и с улыбкой рассказал стерегущему его воину свой сон. Он долго путешествовал один, сказал Гунтрам, по пустынной стране с высящимися над головой деревьями, похожими на гигантские камыши, пока не достиг широкой реки. Он стоял перед ней, размышляя, как перебраться на тот берег. И вдруг прямо с неба опустился и перекинулся через реку железный мост. По нему он и перешел реку. Путь привел его к горной пещере, в которой он нашел сокровища великана: серебряные диски, сложенные один на другой, словно высочайшая стена замка, увидел он и массивные цепи, висящие на валунах из рубина, тут же лежали обручи величиной с тележное колесо, на этих обручах были вырезаны танцующие фигурки.

Стражник, воззрившись на Гунтрама, молчал несколько мгновений, не в состоянии понять, что происходит. Наконец он рассказал королю о маленькой змейке, ее путешествии из рта в нору и обратно. Вместе они перешли через узкий ручей и стали рыть землю там, где среди папоротников только что исчезла змея.

Там они нашли сокровища, укрытые каким-то неизвестным, уже забытым лордом. Кучи монет, ожерелья с рубинами, браслеты, украшенные сценами древних

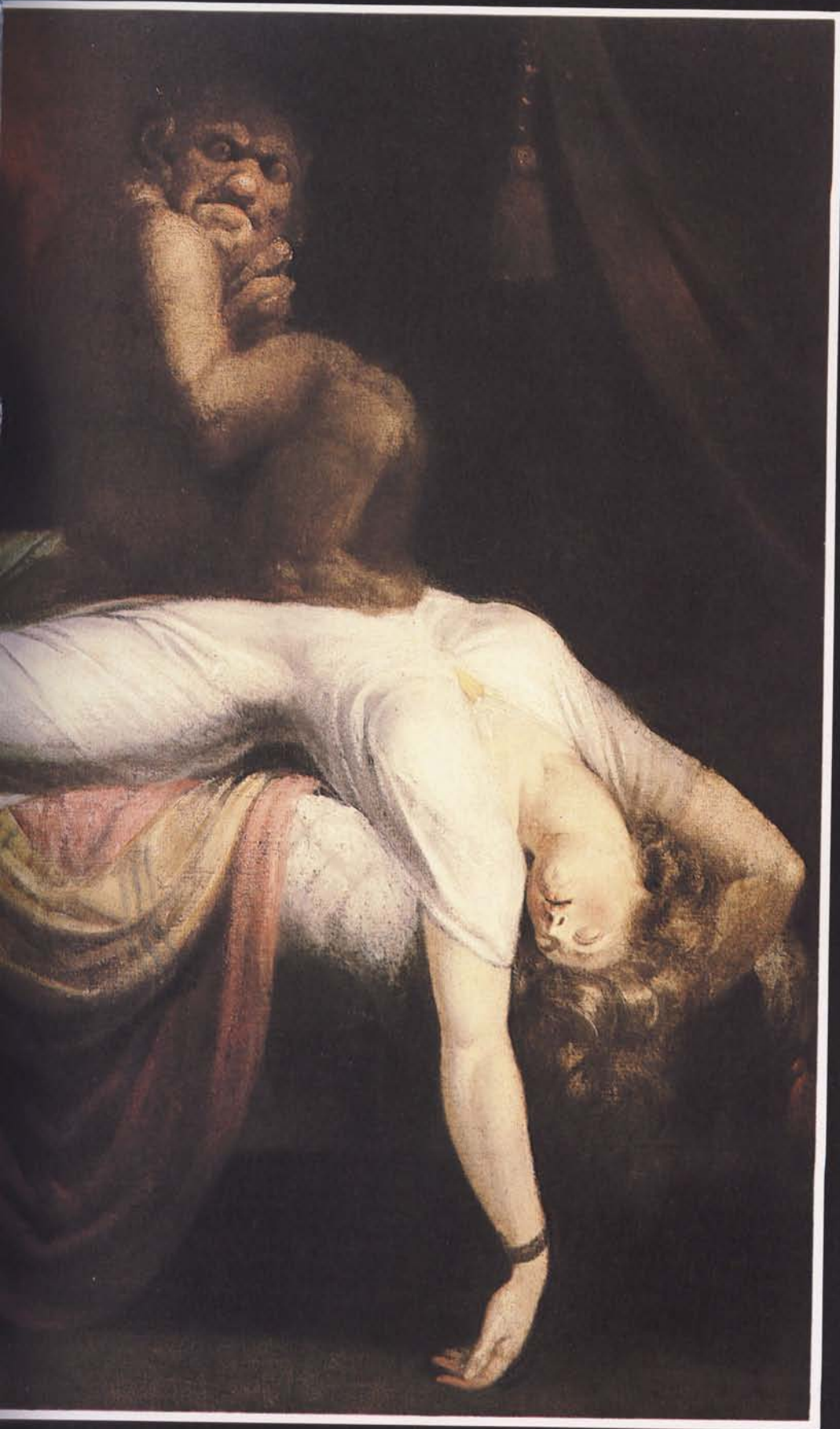
празднеств. Эти сокровища увидел дух Гунтрама, превратившийся в изумрудную змейку. Вот о чем поведала старинная сказка. Такие истории внушали веру в то, что нельзя наносить вред маленьким зверькам. Возможно, они и есть души спящих, которые не проснуться больше, если такого зверька убить. По этой же причине считалось, что человек должен просыпаться медленно, так, чтобы душа его успела вернуться в свое тело. Иначе спящий умрет.

Такие несчастья, однако, случались не часто. Большинство спящих спокойно и безопасно переносились в свои ночные странствия и так же легко и незаметно возвращались в постели, просыпаясь. Освобожденная душа под утро соединялась с телом. Ключки снов, которые зацепились в памяти, всплывали, удивляя и вызывая любопытство. Долгое время сны считались предсказанием будущего. Люди читали книги, где толковались ночные видения и предсказывалась судьба. (См. на странице 62.)

Но сон мог быть и чем-то иным, кроме как предсказанием или блужданием души спящего. Люди верили, что ночь освобождает полчища могущественных существ, хитрых и неуловимых, еще более опасных, чем тролли. Единственной целью их было истощить, испугать, уничтожить смертных. Они вскакивали на грудь спящего, лишая его сил и воли, и навевали ужасные, кошмарные сны. В Англии такие существа звались ночными кошмарами. Во Франции — кошмарцами. В Германии и в Литве — марами. Во всех этих словах единый корень — «мар», что совпадает с англосаксонским словом *мара*, то есть «душитель». Греки называли этого духа *прыгун*.

В каждой стране этих существ боялись. Чего только не придумывали люди в старину, чтобы не впустить их в дом и отвести беду! Одни никогда не спали головой

Хватая и безжалостно сжимая когтями, наваливаясь всей тяжестью и стесняя дыхание, сверля сверкающими глазами, которые навевали страшные видения, ночные демоны, проникая в дом, овладевали человеческими снами.

*Неумолимая похитительница и враг человеческий с сотворения мира,
Лилит-соблазнительница проникала в сны мужчин,
истощая силы своей жертвы и растлевая его дух.*

на север, где, по поверьям, было царство смерти и тьмы, другие ставили свои башмаки у кровати так, чтобы носки их указывали на улицу, надеясь, что это оттолкнет незваного гостя. Третьи клали гвоздь под ножку кровати, так как железо считалось враждебным для существ из иного мира.

И все же все эти предосторожности были лишь слабыми сыпучими барханчиками на пути ночных демонов, голодных охотников за человеческими душами. Безжалостные соблазнители и растлители душ невинных, они подтачивали силу и волю человека, оставляя после себя лишь оболочку — измученное, истощенное тело.

Матерью этой злобной своры была Лилит, порождение самого древнего времени, первых дней сотворения мира. Еврейские предания повествуют, как была создана она из пыли, чтобы стать женой первого человека — Адама, как в гордыне своей и ярости она покинула райский сад и поклялась вечно мстить Адаму и его потомкам. Мраморно красивая, бесконечно соблазнительная, она прожила много веков, и само ее имя Лилит, а по-древнееврейски — Лейлах, означает «ночь». Лилит слыла ненавистницей мужчин и убийцей детей. Она заманивала человеческих детей на потеху и усладу своему гнусному выводку. Ни один еврейский дом не был защищен от ее злобных посещений. Лилит плелась по дорогам изгнания и забредала в самые глухие и отдаленные уголки земли. В ночные часы она пробиралась в детские и душила новорожденных в их колыбельках. Потом она проскальзывала в спальни молодых

мужчин, соблазняла их, и появлялись на свет мерзкие ее отпрыски.

Дочери ее, а их было великое множество, все до единой становились ночными кошмарами, мучившими многие поколения людей. Они становились любовницами призраков, славились, как поедательницы душ, и заманивали молодых мужчин в сети кошмарных снов. Мужчины, которых они посещали во сне, день ото дня мрачнели, увядали и, в конце концов, становились такими же уродливо-мрачными, как и те кошмары, что навевали на них ночницы. Эти люди с отращиванием бежали от света дня и уже не могли никого любить.

В Норвегии носительница ночных кошмаров могла войти в дом в облике ласковой кошки или стать струйкой тумана и просочиться сквозь щель. Лишь мужчина, соблазненный ею, сумел бы схватить ее и вынести на дневной свет, но это было сопряжено со многими опасностями. Об этом повествуется в норвежских сказках.

Начинается история с ночных видений рыбака. Ловил он рыбу в студеной воде у северных морских берегов. Был рыбак тот молодым, крепким и краснощеким парнем, просоленным и продубленным холодными ветрами. Но со временем стали вдруг глаза его тускнеть, руки дрожать, ноги подкашиваться. А жил он одиноко, никто никогда не заглядывал к нему в дом. Зато что-то непонятное и неуловимое стало проникать в его уединенное жилище. Каждую ночь снились ему кошмарные сны, которых днем он никак не мог вспомнить.

Однажды ночью, изо всех сил борясь со сном, он, наконец, увидел своего мучителя. Час за часом проходили в тишине, лишь поскрипывали рассыхающиеся доски пола да дребезжали рамы окон, когда свирепый северный ветер бился в них. Рыбак лежал, не зажигая огня, но даже во тьме он вдруг увидел туманные

призрачные пальцы, проникшие в щель стены как раз рядом с его кроватью. Светящийся, колеблющийся, словно извивающийся сгусток воздуха тянулся к нему, нежными туманными усиками шарил по одеялу.

Рыбак встrepенулcя. Он вскочил с кровати и громко хлопнул ладонью по щели, сквозь которую просачивался туман. В следующее мгновение он плеснул в щель жир и поспешно зажег лампу. Яркий свет осветил то место, где нашел себе щелочку туман.

Но ничего не увидел рыбак. Туман исчез. И вдруг он с удивлением обнаружил, что на том месте стоит деревенская девушка. Она вся просвечивала, будто была соткана из тумана. Туманными прядями ниспадали ей на грудь волосы. Она глядела на него своими светлыми, прозрачными глазами и молчала. Рыбак обнял ее и погасил свет.

Утром он обнаружил, что девушка не исчезла, а лежит рядом с ним в постели. Он грубо окликнул ее и предложил остаться в его доме, быть ему женой и выполнять всю домашнюю работу.

Женщина молча согласилась, без возражений она взялась за дело. Она готовила, убирала, стирала и чинила сети. Своими тонкими прозрачными руками она подвешивала выловленную рыбаком макрель и селедку над коптящей, выложенной морскими водорослями ямой.

Соседи спрашивали рыбака, где он отыскал такую тихую, послушную жену, но он отмалчивался, и вскоре вопросы прекратились. Но все же люди замечали, что эта бледная девушка постепенно становилась румяной и здоровой. Они замечали, как на ее губах появлялась слабая улыбка, когда глаза ее останавливались на рыбаке. Он же, наоборот, с каждым днем мрачнел и впадал в задумчивость. Казалось, он постепенно увядал, лицо его становилось бледным и угрюмым, а в глазах появился чахоточный блеск.

Зимой ни одно окно не светилось в его

доме. Рыбак, сидя у чахлого тусклого огонька домашнего очага, бессонными ночами глядел на свою странную жену и спрашивал:

— Скажи мне, кто ты и откуда здесь появилась?

Но она таинственно улыбалась и неизменно отвечала:

— Я не знаю.

Потом манила его к себе, и рыбак безвольно повиновался. Ночью она была сильнее.

Стал рыбак похожим на призрак. Он начал пить и глядел теперь на свою спутницу глазами полными ненависти. И каждую ночь задавал один и тот же вопрос.

— Скажи мне, кто ты и откуда пришла?

— Я не знаю, — был неизменный ответ.

Спасла рыбака неожиданная вспышка гнева. Как-то ночью, пьяный, он задал свой постоянный вопрос и получил обычный ответ. Вместо того чтобы обнять жену, манящую его, как и каждую ночь, рыбак подскочил к стене и выковырял затвердевший жир, которым он когда-то запечатал щель у кровати. Почувствовав дуновение свежего ночного воздуха, он повернулся к женщине и хрипло пробормотал:

— Ты вошла через эту щель, женщина. Уходи сквозь нее!

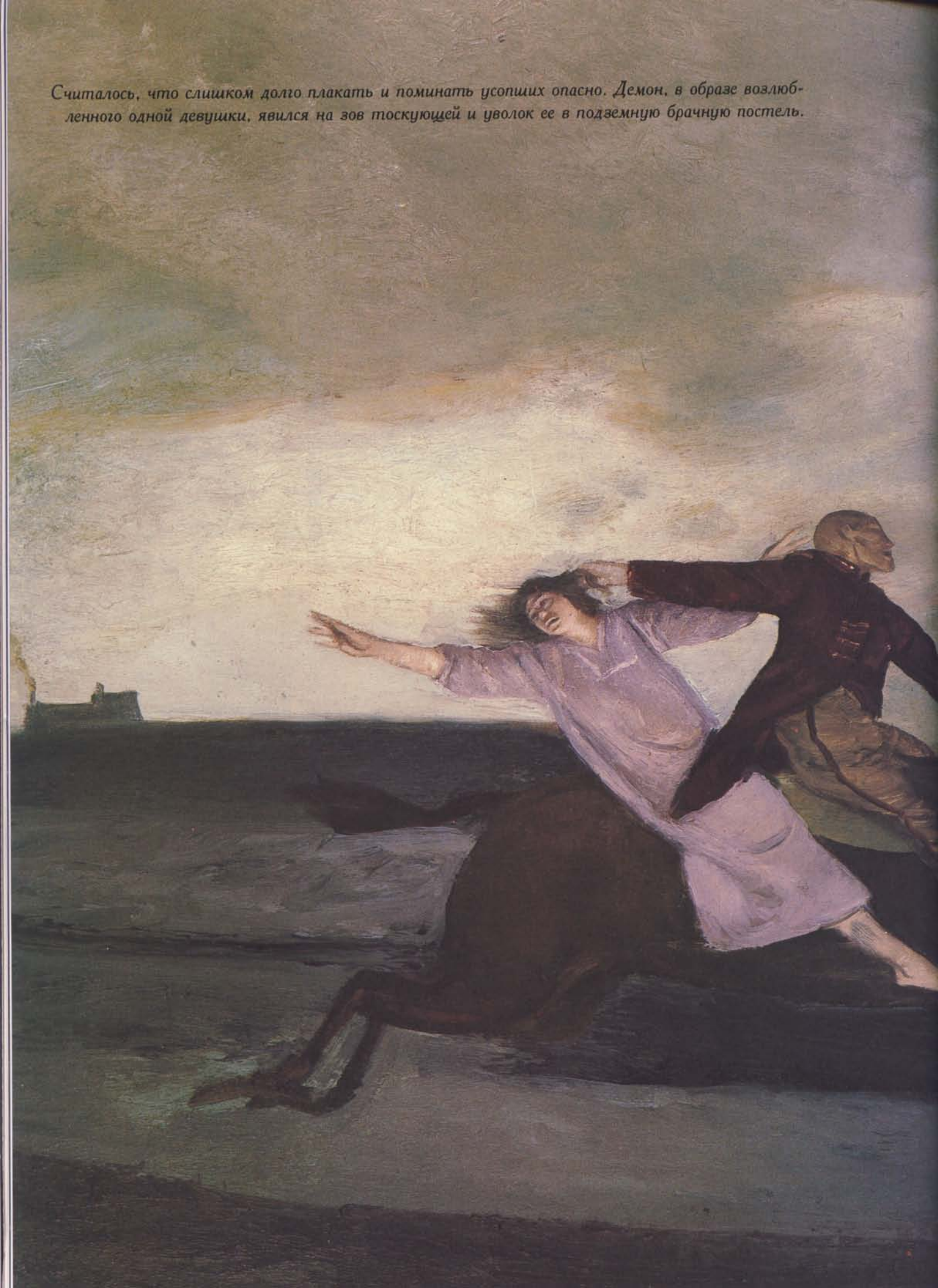
И женщина вдруг задрожала, ее тело стало бледным, прозрачным, заколыхалось туманным облаком и растворилось. Легкая, как воздух, туманная струйка поднялась к потолку, а потом вытянулась, выскользнула сквозь щель в стене. Последнее, что услышал рыбак этой кошмарной ночью, был уносящийся в пространство протяжный, печальный вопль, который, правда, мог быть и завыванием зимнего ветра за окном.

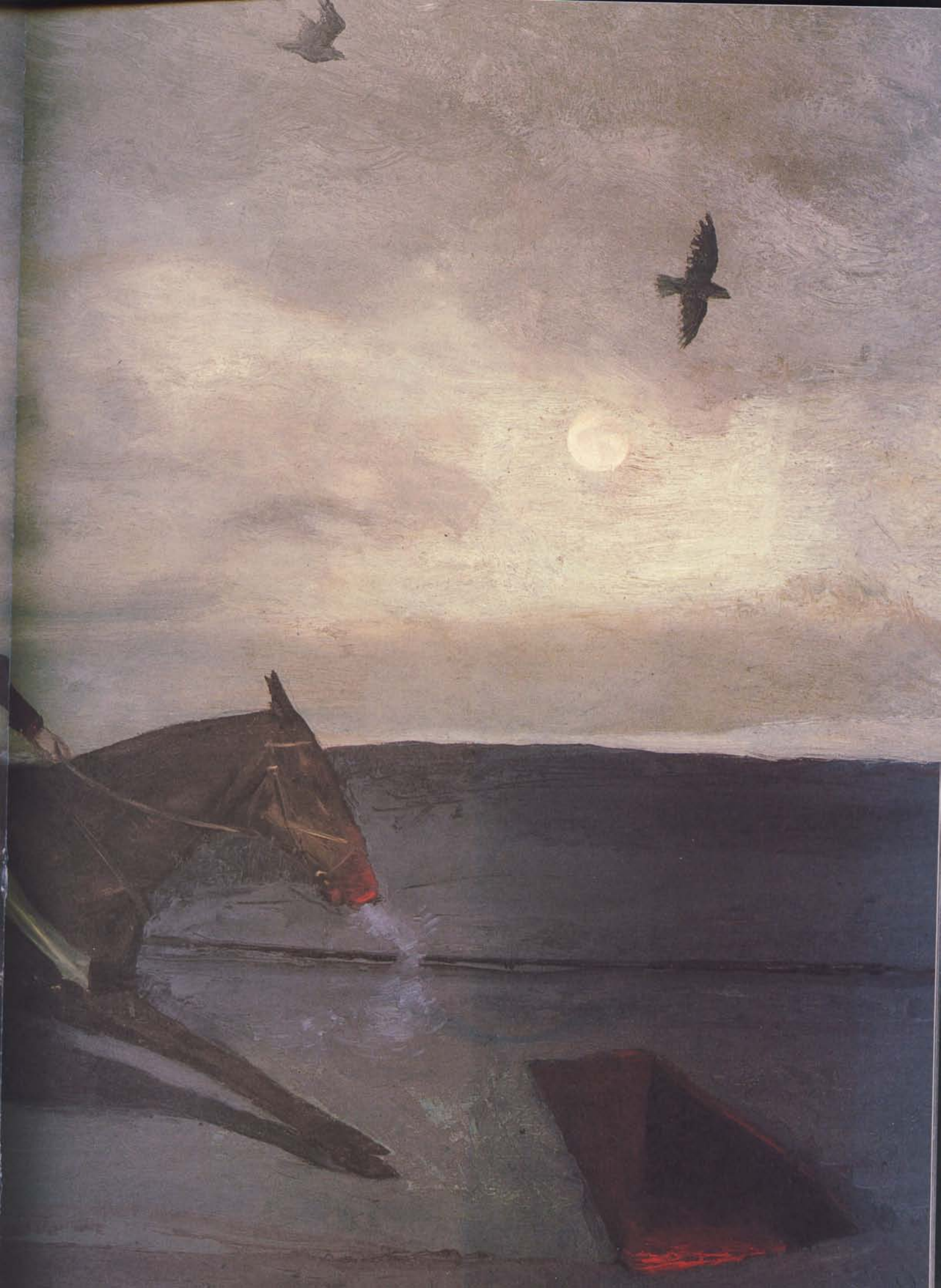
Рыбаку повезло. Попав в сети ночью-

Обольстительница, приходящая во сне, звалась мара и была просто-напросто похитительницей, окутанной тьмой. Превращаясь в туманное пятно, она проникала в спальни сквозь малейшую щель или трещину и принимала облик женщины, которая завладевала душами мужчин.

Считалось, что слишком долго плакать и поминать усопших опасно. Демон, в образе возлюбленного одной девушки, явился на зов тоскующей и уволок ее в подземную брачную постель.

го кошмарного сна, он стал пленником дочери тьмы. А с ее волшебными чарами не могла сравниться никакая земная сила. Долго рыбак подчинялся ее власти, но все же, когда смерть уже приблизилась к нему, смог освободиться от властных чар ночицы.

Немногим выпадала такая удача. Слишком уж сильны были ночные уловители душ. И силы их возрастали, если они являлись не сами, а отвечали на страстный призыв и желание спящего. Никто, конечно, не сумел бы по собственной прихоти вызвать ночного духа, но нечаянно, даже не догадываясь о своих тайных желаниях, люди открывают двери детям тьмы.

Ключом, отворившим эту дверь, могло стать и человеческое горе. Лишившиеся близких мужчины или женщины оплакивали, звали их. И случалось, на этот страстный призыв откликались ночные духи, встреча с которыми означала смертельный риск. А слова в те давние дни были так сильны, что могли вызвать к жизни дух умершего.

Такое случилось как-то в Венгрии, где, как считалось, имя мертвеца, произнесенное вслух, вызывает демонов. Все истории походили одна на другую. Вдова, например, оплакивала своего мужа и жаждала хотя бы час провести с ушедшим в мир иной человеком. И вот в одну из ночей сорвалась с небесного свода яркая звезда. Она словно бы распоролла ночное черное небо и, оставляя за собой мерцающий огненный след, ринулась сквозь тьму. И перед вдовой предстал мужчина — в точности ее умерший муж.

Но он был вовсе не ее мужем, а лишь его подобием, в которое превратился демон. В продолжение нескольких ночей тайно встречался демон с этой женщиной. И с каждой такой встречей она слабела и увядала все больше и больше, пока, наконец, если только не успевала пока-

яться и открыть тайну этих посещений, не умирала и становилась такой же дочерью тьмы. А убивал ее дух по имени *лидерца*, который выпивал ее любовь и насыщался ее болью. Только догадавшись, что это злой дух, могла женщина отвратить неизбежную смерть. А узнать, оканчивается, было просто: одна нога *лидерца* непременно должна была оканчиваться гусиной лапкой.

посещали Европу и другие существа вроде *лидерца*. Но не все они действовали так медленно, постепенно и незаметно. Некоторые несли с собой быструю смерть. О том повествует прусская сказка про девушку по имени Ленора. Жила она на холодной равнине близ Балтийского моря. Мужчин из ее деревни, всех, кроме стариков и маленьких мальчиков, забрали в армию прусского императора, как это часто случалось в те времена. Среди них был и возлюбленный девушки. Под началом императорских офицеров отряд ушел на юг, где шла война, и больше никаких вестей от них не было.

Ленора терпеливо ждала. Ночи сменяли дни, начинались новые и так же таяли в ночи. Она смотрела на большую дорогу, которая шла мимо деревни, и, наконец, увидела, что солдаты один за другим возвращаются. Пришли мужья и отцы ее сестер и подруг. Некоторые из них были слепыми, другие лишились ноги или руки. Однако все они были просто счастливы, что вернулись домой. Но возлюбленный Лены так и не появился.

Он погиб на поле битвы далеко от родных мест, и так и не получила девушка от него ни одной весточки. Опечаленная Ленора затворилась в своей комнате и в одиночестве, с сухими воспаленными гла-

морке из угла в угол, никого не слыша, не говоря ни слова. А ночью, когда вся деревушка засыпала, она плакала и рассказывала о своем горе молчаливой тьме. Она звала своего возлюбленного. Она призывала смерть, как избавление от мук и облегчение непроходящей сердечной боли.

Смерть не приходила. Так тянулись одна за другой бессонные ночи. Но как-то поздним зимним вечером, когда все в деревне спали, двери домов были закрыты на крепкие засовы, окна темны, по булыжной мостовой застучали подковы. Звук этот замер около ее дома, и она услышала голос своего возлюбленного. Он звал ее по имени. Сама собой растворилась дверь, и знакомые шаги послышались на ступеньках. Ленора кинулась встречать его.

Он не улыбнулся, не протянул к ней руки. Как деревянный, стоял он на лестнице, и на застывшем лице его не было никакого выражения. Голос его, когда он заговаривал, был резким, словно он отдавал приказ:

— Поехали со мной, — сказал он. — Я приготовил нашу брачную постель.

Измученная бессонными ночами, обесиленная пролитыми за столько дней слезами, Ленора подчинилась. Тут же, в ночной рубашке, она спустилась по темной лестнице и последовала за своим возлюбленным на улицу. Покорно села она на лошадь и обвила руками его опоясанную кожаным ремнем талию. Лошадь пронеслась по деревенским улицам и вылетела на широкую дорогу. Впереди серебрилась снежная равнина.

Дрожа от холода, девушка сильней прижалась к своему возлюбленному, но от него не шло никакого тепла. Он словно бы застыл в ледяном молчании. По обеим сторонам дороги в лунном свете безмолвно качались черные ветки деревьев. Ленора слышала лишь громкий стук копыт и пронзительные крики ночных сов.

Она окликнула своего возлюбленного по имени. Ответ его подхватил стылый ветер, и до нее донеслось:

— Мы должны скакать быстро и успеть, пока не пропоет петух.

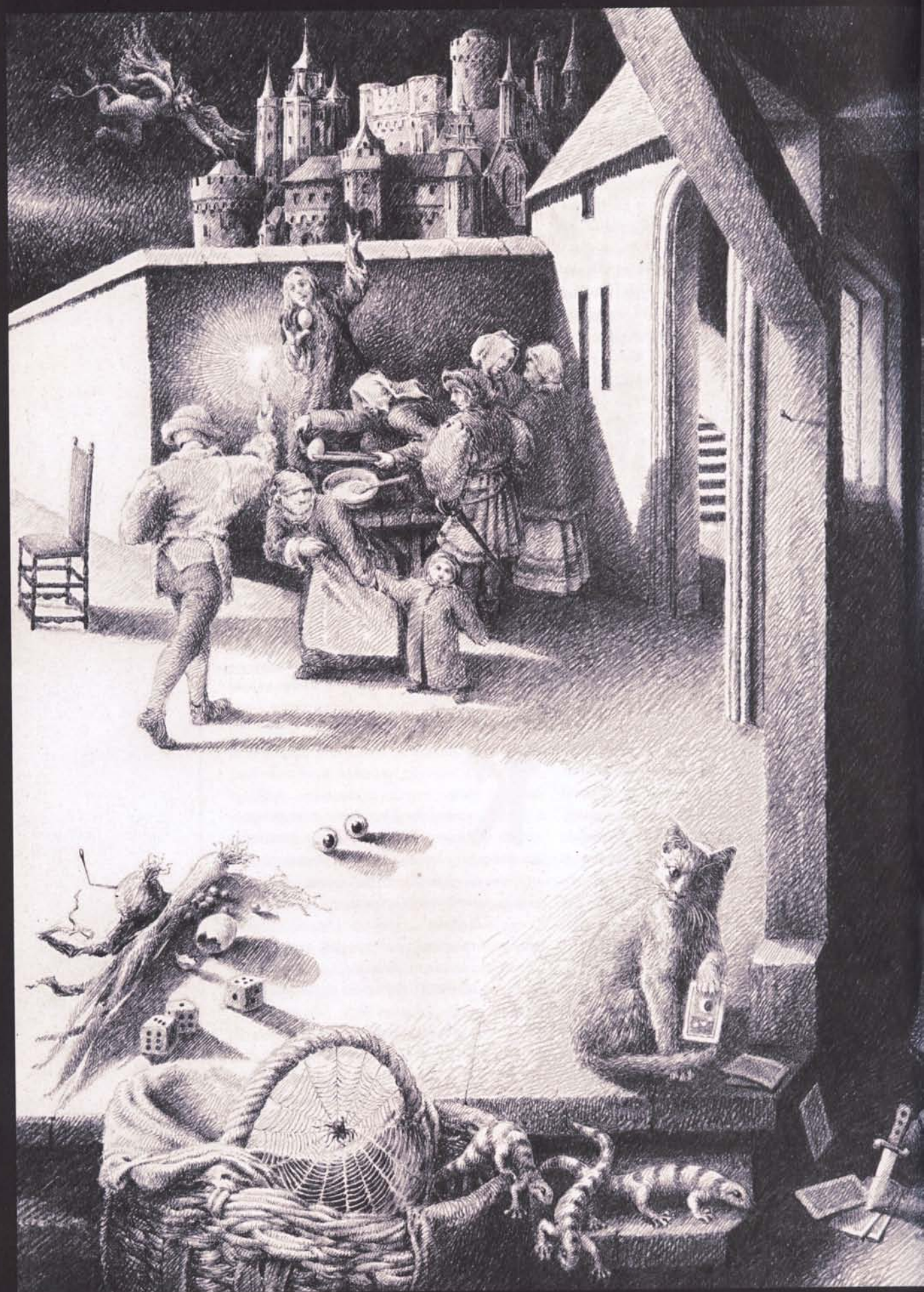
И в самом деле они неслись быстрее ветра, так что стволы деревьев сливались в одно темное пятно.

Наконец, после нескольких часов бешеной езды, конь замедлил бег. Они оказались в незнакомой местности, мрачной и бесплодной. Железные ворота, заскрипев, растворились перед ними, и лошадь легким галопом въехала во двор церкви.

Здесь толпились какие-то фигуры в темных одеяниях. Они окружили лошадь и холодными руками тянули, дергали девушку за рубашку, хватали ее за руки. Они стащили ее с лошади, возлюбленный прыгнул на землю следом. Теперь она разглядела на нем ветхий саван и вспушшее лицо его, расплывшееся в ледяной улыбке.

— Это свадебный пир, — сказал он, — и это наше брачное ложе. — И он указал ей под ноги, где зияла разверзнутая могила.

Конец этой истории поведал церковный сторож, проснувшийся на рассвете, чтобы, как обычно, обойти могилы за церковью. Во дворе церкви он нашел замученную лошадь, от которой уже несло зловонием смерти. Рядом он увидел свеженасыпанный холмик земли, хотя накануне никакой могилы здесь не было. На могиле лежал обрывок кружева. Сторож не дотронулся до него. Он знал, что, убрав колдовскую могилу, он всколыхнет демонов и злых духов. Но следующей ночью могила разверзлась и выпустила из своего чрева нового призрака, обреченного бродить среди смертных.

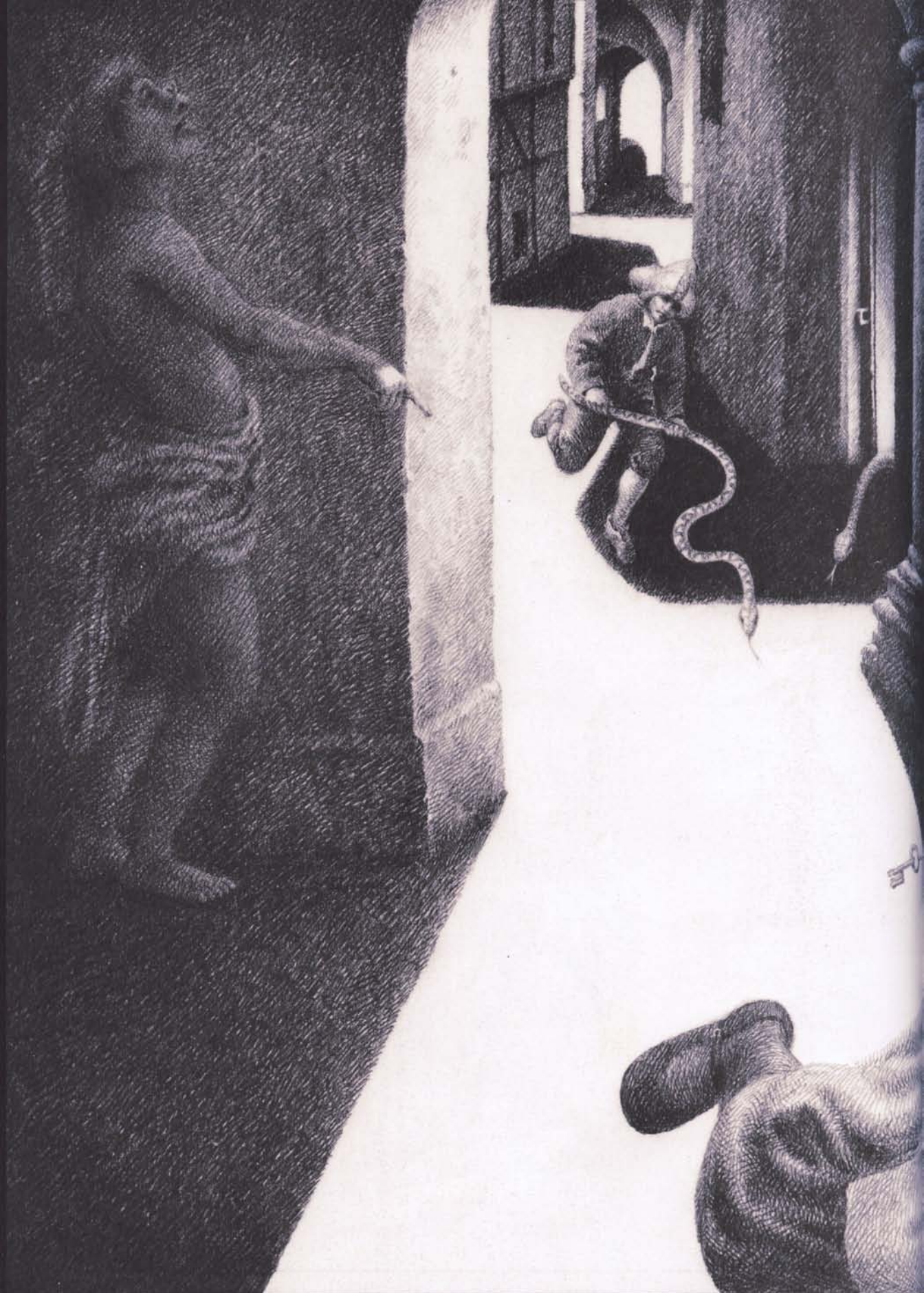
A black and white photograph showing the head of a horse, possibly a draft horse, looking out from a dark stable doorway. The horse's face is partially illuminated, showing its eye and mane. The background is dark and indistinct.

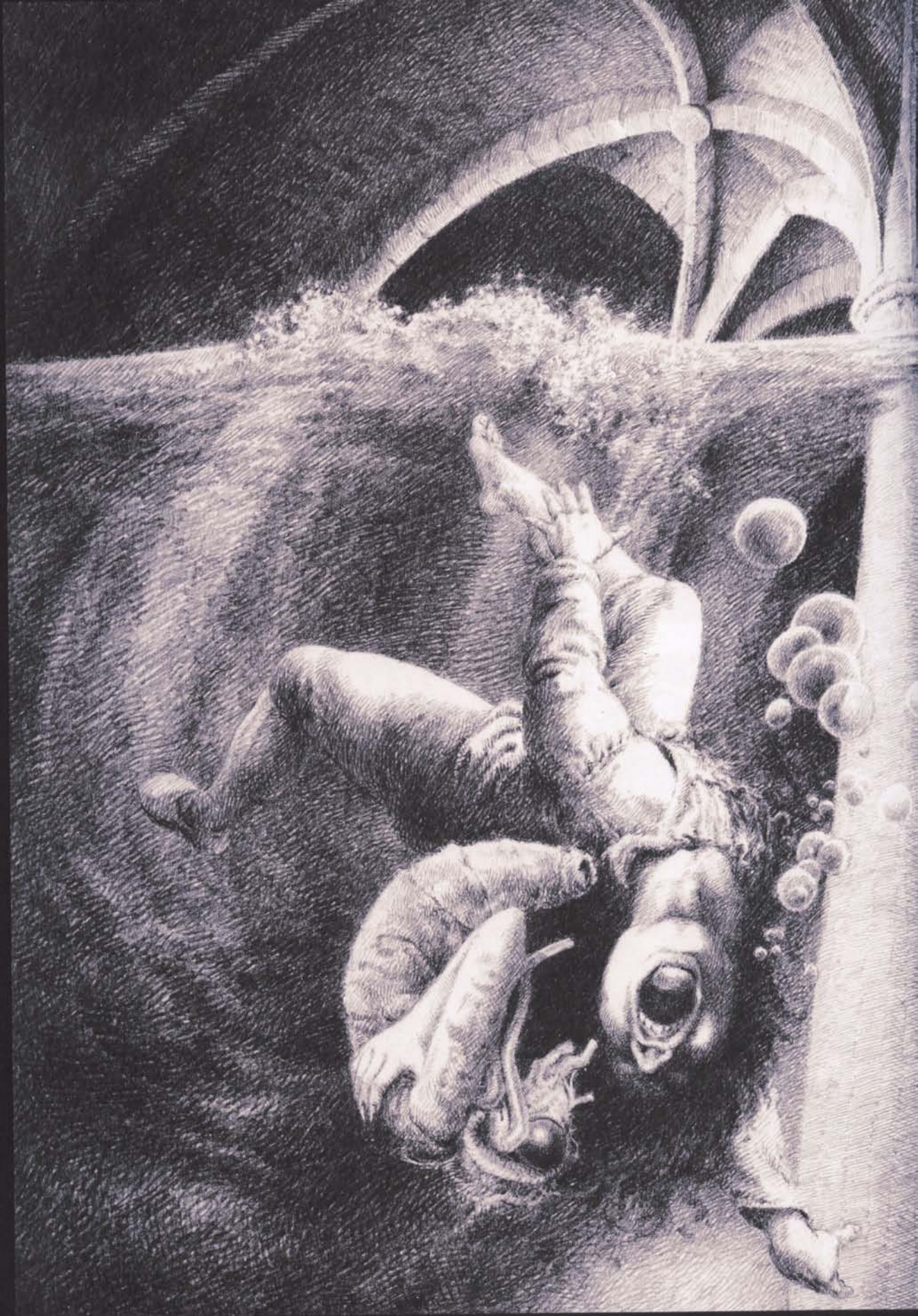
Летать во сне при помощи крыльев, порыва ветра или просто так считалось признаком будущей удачи.

А что означал сон, в котором человека преследовал призрак? Это предвещало волнения и неприятности днем.

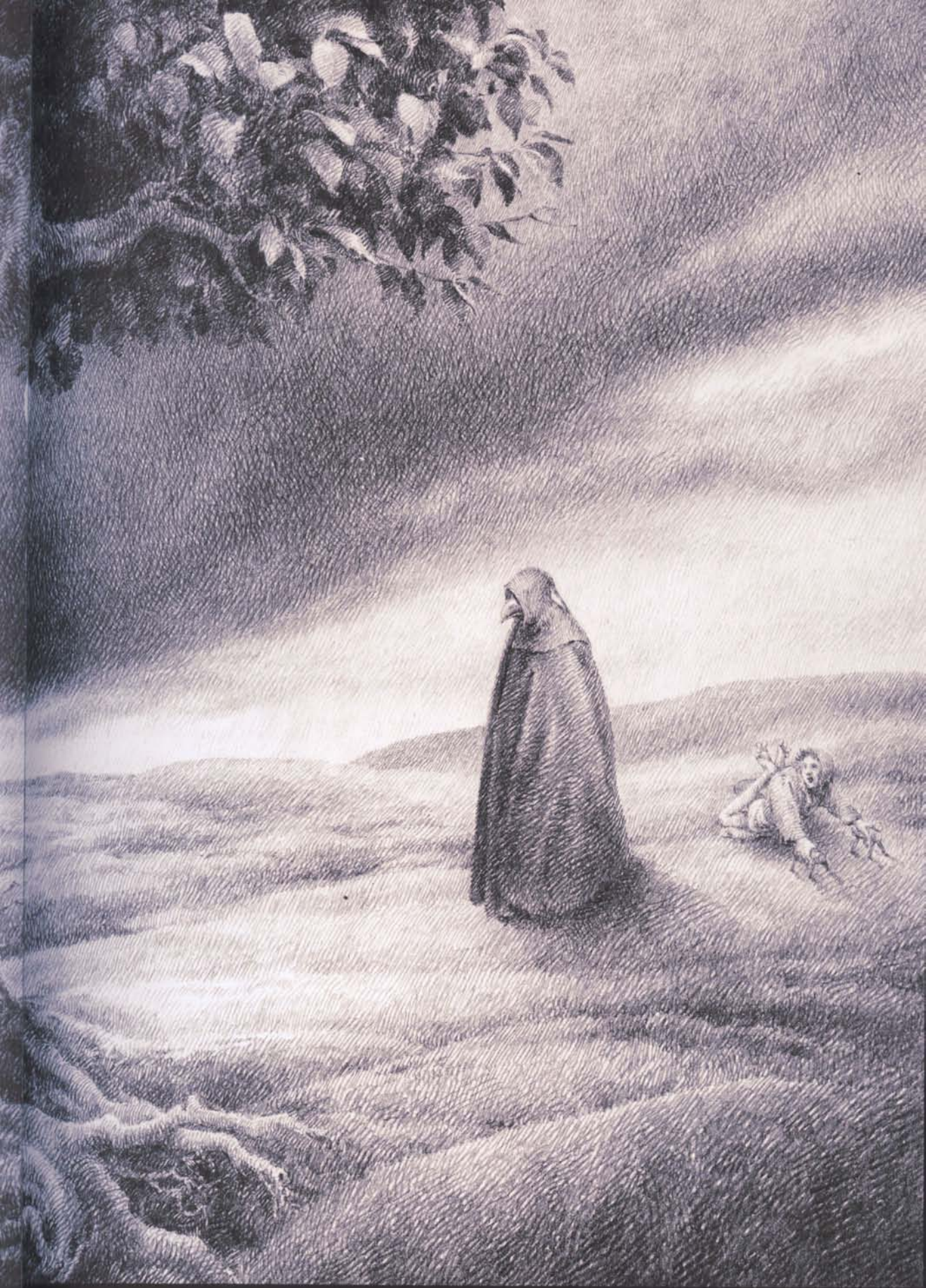

Говорили, что во сне погружение в воду означает грядущую бедность.

Гадалки объясняли сны о тишине и шуршащих листьях, о солнце, согревающем обсыхающее тело,

о ногах и руках, превращающихся в сплетение ветвей, надвигающейся болезнью.

Глава третья

А

Кровавые праздники проклятых

случилось это давным-давно. Летом. Когда в садах Багдада всю ночь пели соловьи, и воздух был напоен ароматом роз.

Некий купец перестал доверять жене, которую любил. И из-за этого ступил он на дорогу, которая привела его в самое сердце тьмы. Вот его рассказ.

Звали купца Абул-Хассан, а ее — Надиля. Он был богатым и могущественным. Она — дочь старого ученого, чей невзрачный маленький домик затерялся в бедном квартале города. Но когда весной богатый купец впервые узрел ее, красота этой женщины заворожала его. Вскоре после этого он забрал Надилю от ее тихого, робкого родителя и сделал своей женой.

В доме, куда он привел ее, было бесчисленное множество комнат и внутренних двориков, но Надиля, казалось, мало этому радовалась. Она лишь забивалась в самые тенистые, темные уголки и все жаркие летние дни заботилась лишь о том, чтобы укрыться в прохладных тенистых местах подальше от солнца, которое ослепительно сверкало на белых стенах и упрямыми лучами просачивалось сквозь густые веера пальм. Она почти ничего не ела. В какой-то полусонной задумчивости она не замечала прислуживавших ей людей. Нехотя, словно заставляя себя, она выходила из своего укромного убежища, чтобы встретить мужа.

Но когда исчезал дневной свет и зажигали лампы, Надиля оживлялась. Освежающий вечерний бриз, казалось, возвращал ее к жизни, возрождал, и становилась она той нежной и ласковой женой, какую желал Абул-Хассан. С игривой улыбкой манила она его в постель. Восхищенный Абул-Хассан забывал ее дневную апатию, объясняя это изнуряющей дневной жарой. И силы ее восстанавливала, считал он, вечерняя живительная прохлада. Сон купца каждую ночь был глубоким, спокойным и без всяких сновидений.

Но однажды Абул-Хассан вдруг внезапно проснулся среди ночи. Его жены не было рядом, не нашел он ее и в других комнатах. Некоторое время Абул-Хассан лежал неподвижно. Но постепенно мягкий шелест пальмовых веток за окном снова навел на него сон.

Проснулся он опять только тогда, когда тягучее пение муэдзинов поплыло над городом от минарета к минарету, призывая праведных мусульман на утреннюю молитву. Надиля только что возвратилась. Он тайно из-под ресниц наблюдал, как она снимала плащ и покрывало, и даже не шелохнувшись, притворяясь спящим, когда она нырнула в постель.

На следующую ночь она исчезла опять. На третью ночь он последовал за ней.

Она легко бежала по улице, минуя сады и исчезая за углами, будто на тайное желанное свидание. Абул-Хассан не отставал. Она же устремилась вниз по извилистым

улочкам вдоль тихой теперь аллеи базара и, наконец, остановилась у ворот обнесенного стеной дома в самом старом квартале города. Ворота, казалось, сами перед ней открылись.

Держась в тени, таясь, Абул-Хассан последовал за своей женой во внутренний двор, по крутой каменной лестнице и в длинный коридор. Здесь он вдруг остановился, поняв, какое он совершает святотатство. Это был семейный склеп. По стенам в ряд стояли саркофаги.

Он медленно продвигался вперед, следуя за слабым позвякиванием серебряных браслетов, которые носила на лодыжках Надиля, и за шорохом ее шелковых шаровар. Довольно скоро он достиг прохода под аркой. Позвякивание стихло. Растерянный, он остановился и стал оглядываться вокруг.

Перед ним открылся каменный склеп, слабо освещенный укрепленными в нише стены похоронными светильниками. И там, среди груды человеческих костей и погребальных жертвоприношений, стояла на коленях его жена. Когда Абул-Хассан разглядел, что она делала, сердце его заби-лось.

Тяжело дыша и постанывая, Надиля выдирает из гроба тело покойника. Она выдернула оттуда руку и с жадным рычанием впиалась своими маленькими острыми зубами в серую мертвую плоть.

Абул-Хассан замер. Опомнившись, он выскользнул из склепа и помчался домой. Всю эту длинную ночь он лежал без сна, терзаясь мрачными и беспокойными мыслями. На рассвете его жена снова скользнула в постель, покрасневшая и с тяжелыми, набрякшими от бессонной ночи веками. Ничего он ей не сказал, но весь

следующий день пристально наблюдал за нею. Она была такой же, как и прежде — отсутствующая, вялая, прячущаяся в тени и воспрянувшая, лишь тени удлинлись и наступили сумерки.

Абул-Хассан предложил ей поесть. Она отказалась, но ласково улыбнулась ему. И тут, увидев хищный проблеск ее белых острых зубов, он не смог сдержаться:

— Может быть, ты желаешь мяса мертвецов, жена? — спросил он.

Она одеревенела. Глаза ее сверкнули, губы широко раздвинулись в ужасной усмешке, исказившей ее хорошенькое личико. И вдруг, легкая, как кошка, она прыгнула на него.

Абул-Хассан был готов к этому. Своим кривым ножом он заколол жену. Похоронил он ее тут же, без подобающих церемоний за стенами своего дома, чтобы не осквернять его. Если слуги и заметили что-либо, они не посмели и рта раскрыть. Абул-Хассан был суровым хозяином, а странная и молчаливая женщина, которую он привел в дом и сделал своей женой, не снискала ни их любви, ни расположения.

Но на этом злоключения Абул-Хассана не закончились. Он понял это на третью ночь после убийства. Когда он, пробудившись от беспокойного сна, смотрел в окно на мигающие между листьями пальм ночные звезды, жена его, или, скорее, некое призрачное подобие его жены, пришла к нему.

Она возникла у изножья кровати и поднялась среди подушек и ковров, устилавших пол. Белая рубашка окровавленными лохмотьями прилипла к ее телу, кровоточила рана в боку, которую нанес ей Абул-Хассан, одна рука висела неподвижно, лицо было похоже на застывшую маску, губы отвисли, глаза глубоко запали. Она двигалась, но не как живая — резкими толчками, угловато, как марионетка.

Скверное зловоние разлагающегося тела исходило от нее.

Нежно ухмыляясь мертвым ртом, она потянулась к постели, где лежал дрожащий от ужаса Абул-Хассан. Она тяжело поползла к нему, хрипя и что-то бормоча. Тошнотворное зловоние становилось все сильнее, хрипение все громче. Она склонилась над ним, и острые ее зубы почти коснулись его шеи.

Абул-Хассан сбросил призрака с кровати и сам вскочил на ноги, призывая слуг и требуя огня. Через мгновение комната наполнилась людьми, и призрачное существо исчезло.

Но Абул-Хассан уже понял, что произошло. Надиля еще при жизни воссоединилась со злыми силами. Человеком рожденная, она, однако, пряталась от дневного света и расцветала лишь во тьме и к тому же пристрастилась к мертвечине. После смерти она полностью попала в плен сил тьмы, и они использовали ее в своих мрачных целях и для удовлетворения своих гнусных желаний. Женщина стала вампиром, бездушным трупом, питающимся человеческой кровью.

Абул-Хассан отправился к отцу Надили и заставил его рассказать все, что он знал о своей дочери. Старик сознался, что дочь его была ведьмой, которая отдала душу сатане и с тех пор стала рабыней тайного порока. И такова была дьявольская его сила, что даже собственного отца она вынудила молчать и терпеть.

Вдвоем отец и муж вырыли тело и сожгли его, а золу развеяли, чтобы не осталось ничего, что могло бы подниматься из земли и бродить по свету, когда добрые люди спят. Абул-Хассан кинул прах в реку, чтобы течение унесло его на

юг к Персидскому заливу и растворило в огромном море, омывающем края суши.

Надиля больше никогда не беспокоила живых. Но она была не одна. Еще долго толпа призраков носилась по миру своей тайной дорогой тьмы. Эти существа рождали страх в человеческой душе, они существовали наперекор живой и светлой природе.

Каждому было известно, что жизнь — это путешествие только в одну сторону: живые неуклонно шествовали от колыбели до могилы, и как только земля принимала их, они исчезали навсегда. Их души свободно взлетали в те тайные пределы, которые никому не были ведомы. А тело, ею покинутое, становилось прахом.

Но иногда этот обычный природный порядок искажался, и земля отвергала погребенного. Мертвое тело, оставшееся без души, то есть просто гниющая плоть, поднималось из могилы и превращалось в вампира. Те, лишенные души, не отражались в зеркале и не отбрасывали тени. Считалось, что и отражение, и тень — это образы человеческой души.

И хоть вампиры были лишены тени, коварством, силой и непреодолимой волей они обладали с избытком. Ни одна могила не могла удержать вампира в своем чреве, ни один дом не мог противостоять их напору и не пропустить внутрь. Упорно они прокапывали себе выход из глубокой могилы, откуда являлись на землю призраками, чтобы начать охоту. В поисках своих жертв вампиры, если это было необходимо, могли проскользнуть сквозь замочную скважину или трещину в стене. Настигая свою несчастную жертву, они меняли облик, летали совой, крались неслышным котом.

Что же это за существа, жаждавшие крови мужчин и женщин? Сказать никто не мог. Алчущие крови духи часто посещали землю. И были то еще не вампиры, а их жуткие предшественники. Древ-

Ускользая из могилы, восставшие из мертвых каждую ночь поднимались в поисках жертвы. Неутолимый голод и жажда крови гнали Надилю и толкнули на самое ужасное предательство жизни и любви — она напала на собственного мужа.

ний Вавилон, например, терроризировала экимму, мертвая душа, которая питалась человеческой плотью и кровью. Евреи древнего мира подвергались нападению мириад демонов, потомков Лилит — королевы ночных кошмаров, которые впивались в вены маленьких детей и высасывали кровь.

Вампирами становились человеческие трупы, которыми овладели жадные до крови духи. Тело смертного было всего лишь оболочкой духа, который не имел никакой формы и не мог бы передвигаться по земле в поисках своей жуткой пищи. Легче всего дух вселялся в трупы тех людей, которые, как Надиля, продались злу еще при жизни.

Превращение в вампира было своего рода проклятием. Самый известный из вампиров румынский граф Дракула (имя это означает «дракон», или «дьявол») был ожившим трупом некоего ничтожного правителя, по дикой своей злобе сажавшего врагов на кол. За эту жестокость люди дали ему имя Влад-Протыкатель, или Сажальщик На Кол.

Проклятыми были и те мужчины и женщины, которых казнили за преступления или же совершившие самоубийство — тяжкий грех перед Богом. Преступники, качающиеся на виселицах со связанными ногами, с выклеванными воронами глазами, и самоубийцы, зарытые в неглубоких могилах за оградой кладбища, становились добычей дьявола, в чьи тела он вселялся. Считалось, что тела грешных, похороненные на развилке дорог, не могут освободиться из могилы, даже если в них вселился злобный дух.

Но не только грешная жизнь отдавала смертных во владение дьявола. В Греции, например, проклятый при жизни че-

ловек, умирая, не мог найти покоя, труп его становился сосудом для отвратительного духа тьмы. Человека, подвергнутого проклятию, все избегали, считая, что он обречен после смерти стать ночным монстром.

Страх перед вампирами был настолько велик, что любое отклонение от нормы в живых людях уже считалось знаком восприимчивости к вампиризму. Среди таких предполагаемых жертв были и незаконнорожденные дети, и дети, отмеченные родимыми пятнами, неровными губами или заячьей губой, и дети, рожденные в сорочке — пленке, которая покрывала их головы, и даже просто седьмой сын или дочь. Верили, что дети, рожденные матерями, на которых во время беременности, в особенности в последние три месяца, смотрели вампиры, уже в утробе матери были осуждены стать вампирами.

Дети, родившиеся на Рождество, тоже считались открытыми духам тьмы, как и дети, умершие некрещеными, или любой другой человек, ушедший из этого мира без отпущения грехов. В южнославянских странах, где большинство людей были черноволосыми и темноголазыми, рыжих и голубоглазых, как считалось, после смерти ждет участь вампиров. В Болгарии верили, что подобное проклятие распространяется и на всю семью рыжих и светлоглазых. И, конечно же, полагали, что те, на кого напал вампир, сами становились вампирами и после смерти вставали из могил, чтобы питаться кровью других людей.

Страх перед вампирами был, пожалуй, даже сильнее ужаса встречи с самим вампиром. Поэтому и в самых обычных случаях соблюдались бесконечные ритуалы, сопровождающие смерть и погребение. Все это делалось для

того, чтобы мертвое тело близкого человека не подверглось вторжению злого духа.

Эти похоронные ритуалы начинались в самый момент смерти, так как считалось, что тело наиболее уязвимо и открыто для вторжения духов именно до захоронения. Тело непременно на несколько дней выставлялось на показ в комнате, где двери и окна были завешаны куманикой, которая предотвращала вторжение злых духов. Непременно выгонялись из этого помещения животные, в особенности кошки, которые могли быть проводниками этих духов. Считалось, что если кошка вспрыгнет на мертвеца, то он обязательно поднимется из могилы.

Этот страх перед злыми духами породил обычай бодрствовать около тела до тех пор, пока его не похоронят. Сидящий у гроба становился как бы сторожем беспомощного тела. В Ирландии подобное бдение превращалось в шумное действо. В России бдение около мертвого сопровождалось присутствием плакальщиц, которые участвовали и в церемонии отпевания и оставались рядом с гробом всю ночь, произнося нараспев псалмы как защиту против темных сил. Плакальщицы были уверены, что в эти ночные часы мертвый мог шевелиться в гробу, шурша своим саваном и царапая крышку гроба, пытаясь покинуть свою деревянную темницу. Известно даже, что русские крестьяне брали с собой в церковь петухов, чтобы не заснуть. Кроме того, если бы мертвец вдруг зашевелился, они могли ущипнуть птицу, чтобы та закукарекала и таким образом обманула мертвеца, посчитавшего, что наступил рассвет: вампиры были беспомощны при свете дня.

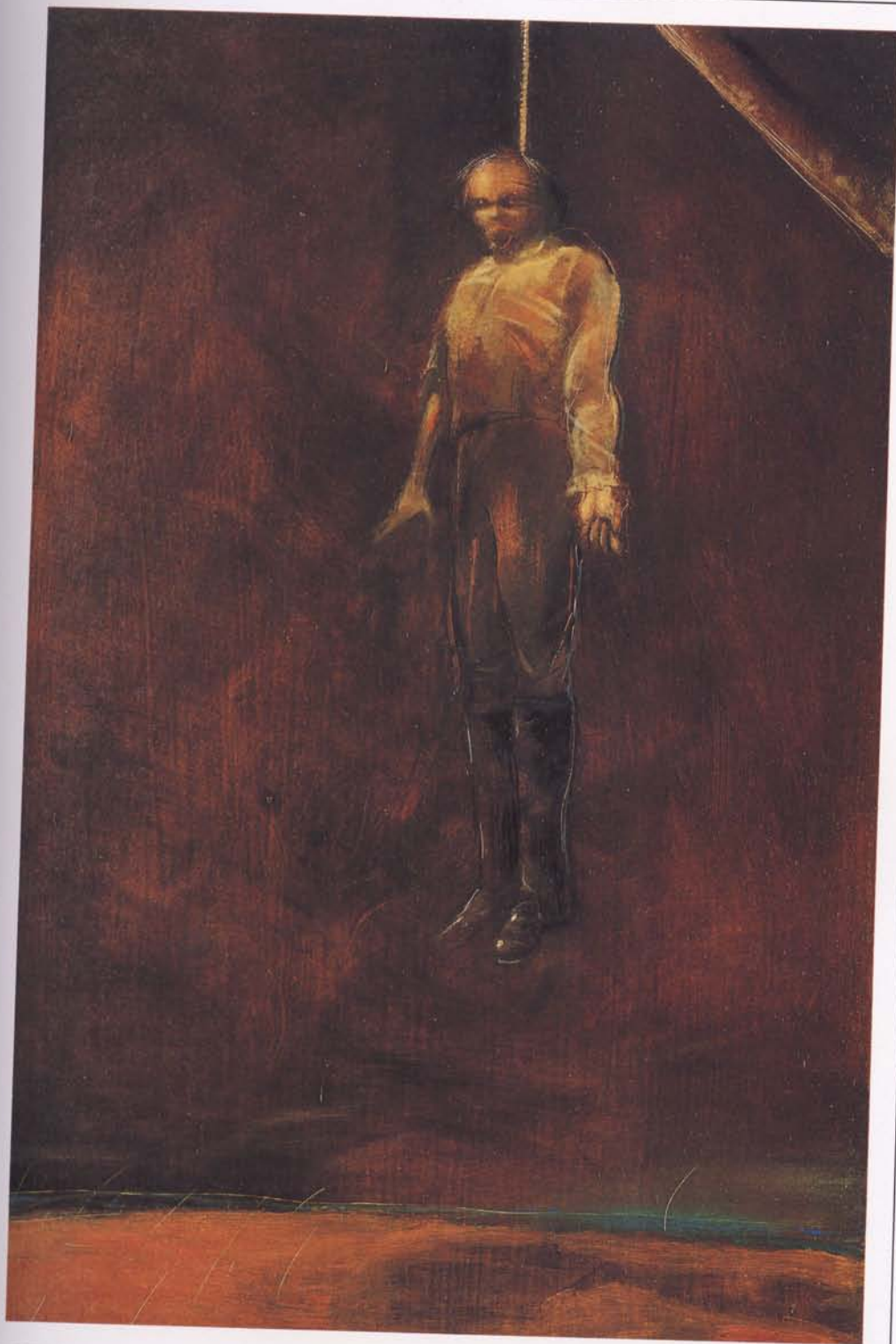
Особый ритуал существовал и при захоронении. Во многих странах особенно заботились о том, чтобы охранить живых от посяганий духов во время похорон. В России, например, плакальщицы, сопровождающие гроб, часто надевали маски, чтобы смерть не узнала их. Похоронная процессия покидала место захоронения извилистыми, окольными дорогами, чтобы мертвец, восставший из могилы, не смог бы найти своих прежних близких.

Все ритуальные подробности были тщательно разработаны в Греции, где человек мог быть приговорен к смерти просто гневным проклятием, что уже само по себе закрывало возможность праху мирно успокоиться. К тому же существовавшая там кровная месть между остротными семьями приводила к вековой вражде и могла, считалось, вызвать из могилы мертвеца для ужасающей расправы с виновниками убийства. Страх перед убитыми, в сущности, приводил к тому, что греческие убийцы страшно увели тела своих жертв — отрубали руки, ноги и засовывали их под мышку трупа или привязывали к груди веревками, чтобы восставшие из гроба мертвецы не могли двигаться или душить своих мучителей.

Многие похоронные ритуалы были предназначены не для того, чтобы уберечься от мертвеца, а, наоборот, помогали уберечь мертвое тело от надругательства и облегчить путь останков человека в мир иной. Украшенное оливковыми ветвями и сопровождаемое толпами рыдающих плакальщиков тело опускали на его последнее ложе. Во время всего пути поливали дорогу из глиняных урн, которые потом разбивали, чтобы живые не могли ими воспользоваться.

Саму могилу щедро снабжали одеждой и едой — медовыми пирогами и ри-

Те, кто совершил грех при жизни, могли стать носителями зла после смерти. Поэтому люди старались не допустить их возвращения на землю. Преступников вешали на дальних перекрестках дорог, чтобы, движимые ночными духами, вселившимися в их тела, они не могли найти дорогу к своему дому.

сом, украшенными цветами и лентами, мисками с вареной пшеницей — чтобы обеспечить мертвеца в другой жизни. И, наконец, телу давали охранный амулет — в умолкнувший рот клали маленькую монетку. Это не был, как многие считают, знаменитый «обол Харона» или плата за перевоз души в ад. Это была просто охранный ладанка, которая лишала демонических духов возможности проникать в мертвое тело через рот и возвращать его в страшную ночную жизнь.

Защищенного таким образом мертвеца предавали земле на вечный отдых, и лилось на землю, укрывающую его, погребальное вино. Часто оставляли около могилы светильник — неугасимый свет, который называли поэтому «незасыпающая лампа». И оставался этот свет здесь три года, пока, по поверьям, плоть не сгниет и не превратится в безвредную пыль. Если в течение этих трех лет не появлялся вампир, семья выкапывала оставшиеся кости, обмывала их в вине и уже окончательно

хоронила, возвращая навечно в подземную постель.

Тихое и мирное исчезновение во тьме — вот самое лучшее, что можно было желать умершему. Но бывало, что тело оставалось почти нетленным. Раздутое, с лоснящейся кожей, цвета сажи, оно, хоть и похожее на захороненного здесь мертвеца, теперь стало собственностью сил зла. «Надутый, как барабан, и черный, как тысяча лет», греческий вампир — вот кто это был теперь. Звали его вриколакс, что означает «барабаноподобный». Тело и впрямь гудело глухо и протяжно, если по нему ударить.

Древние вриколаксы были ужасны, но не всегда злодейски опасны. У них еще не возникла потребность в человеческой крови. Дьявол не до конца заполнил мертвое тело, и оно словно бы застыло на полпути от жизни к смерти. Поговаривали даже, что некоторые вриколаксы пытались проникнуть в свои прежние жилища, чтобы починить башмаки детям, наколоть дров, принести воды из колодца или даже вспахать поле, которое без них

Первые часы и дни после смерти были самыми опасными. Если тело не стерегли от бродячих духов, оно могло стать вместилищем зла и разорвать оковы гроба и могилы.

оставшиеся в живых родные обработать были не в состоянии.

Но все же большинство вриколаксов навещали домой для совсем иных, темных и злых дел. Они могли стать орудием мести за те злодеяния, которые совершили люди по отношению к их семье или к ним самим при жизни. Часто рассказывают истории о ревнивых мужьях, уличивших своих жен в неверности и убитых ими с помощью любовников, а теперь мстящих за вероломство и свою поруганную честь. В этом случае их трупам не было покоя. Каждую ночь мертвые уродливые лица возникали в окнах дома, наводя на неверную жену трепетный ужас. Это возвращение призраков в собственный дом случалось так часто, что появилась даже грубая греческая поговорка — «Вриколакс начинает со своей собственной бороды».

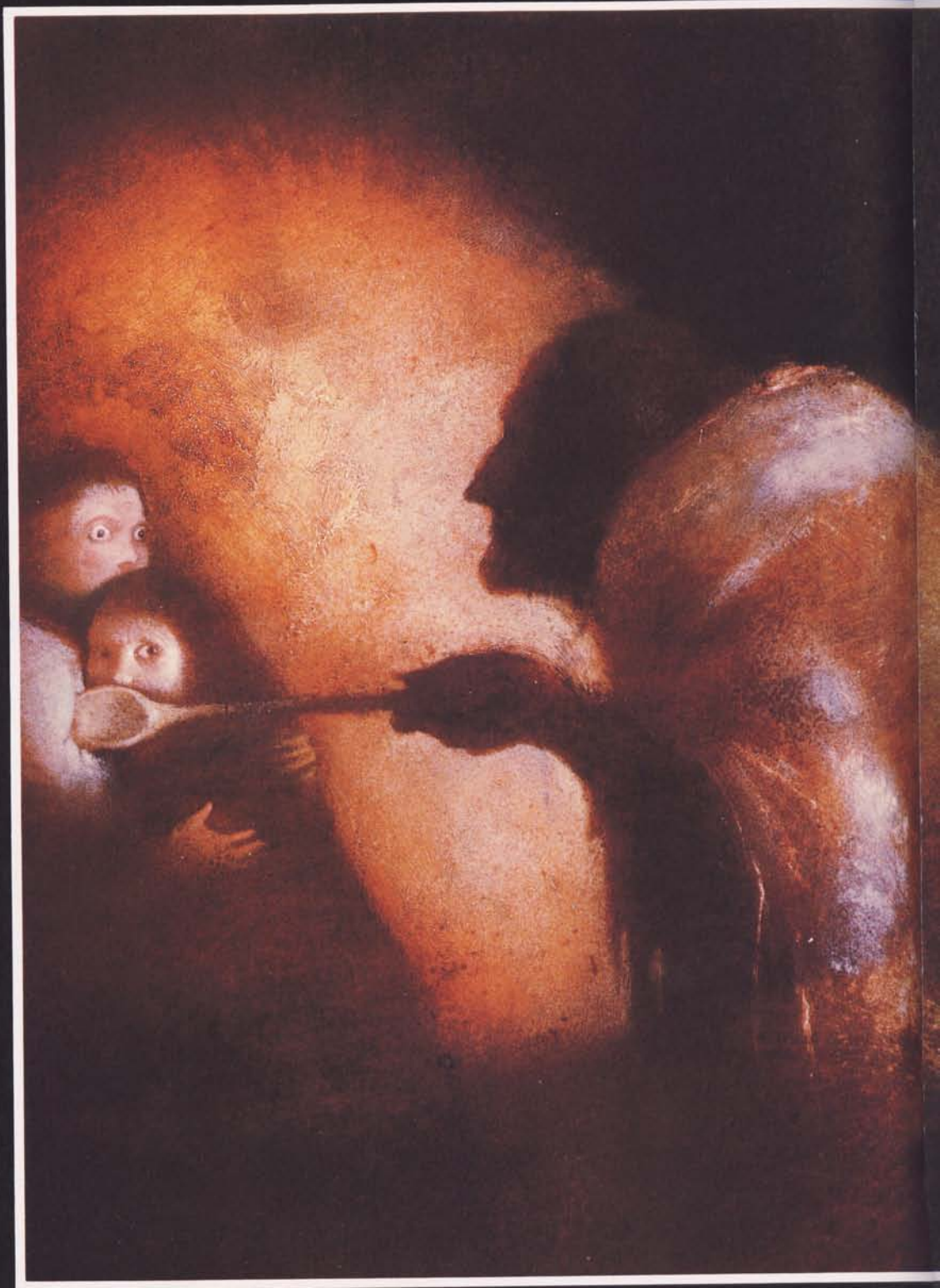
Но бывали случаи и совершенно обратные, когда нарушение обета, зло, причиненное близким людям, обрекало трупы на странствование по чуждой теперь им земле в поисках прощения или оправдания. Вот что произошло когда-то на одном из греческих островов, где над гаванями на поросшие соснами холмы взбираются маленькие каменные домики.

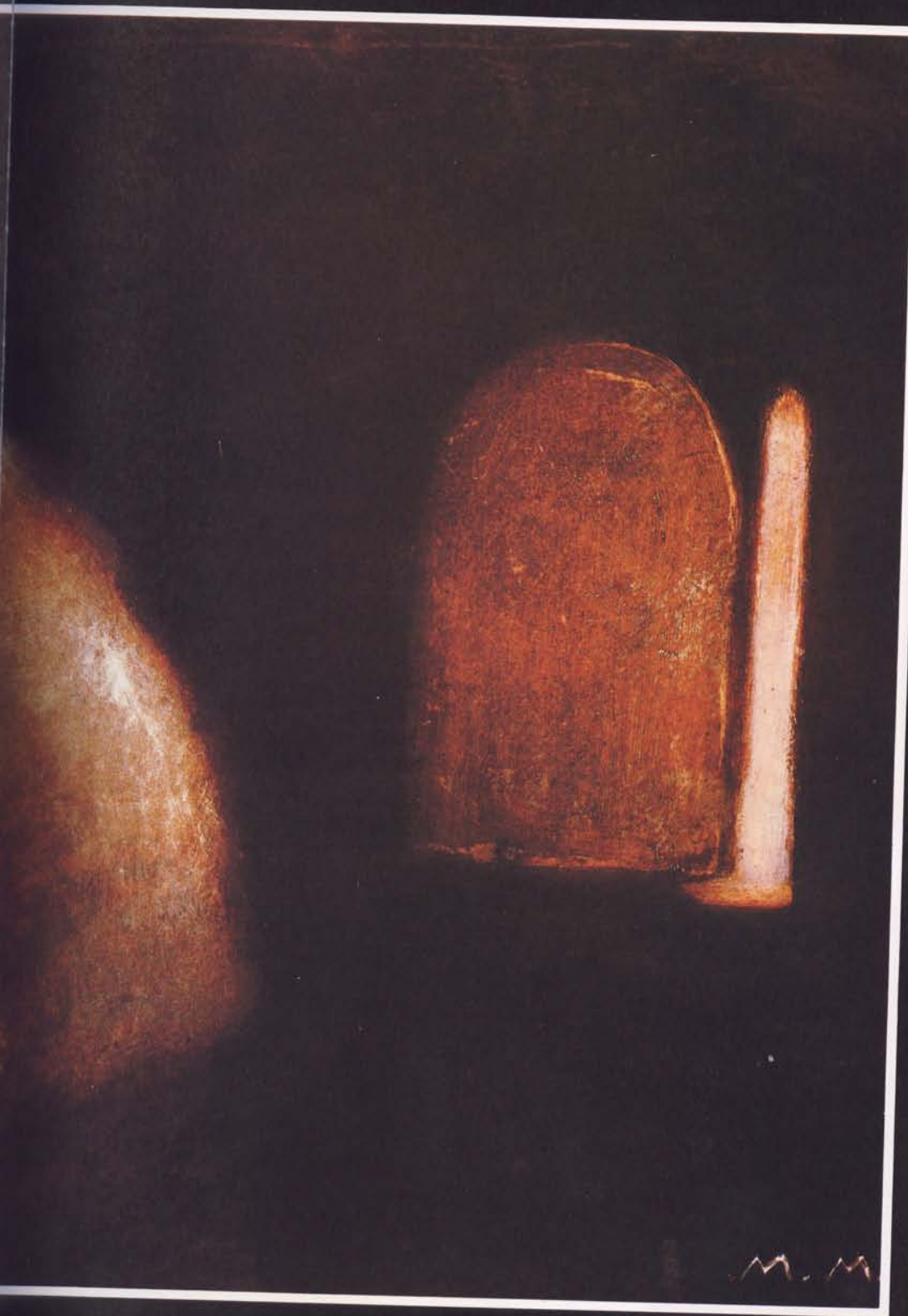
В одном из таких домов жила пожилая, согбенная женщина, облаченная в траурные вдовьи одежды. Ее видели повсюду, во всех уголках этого сурового острова. У этой вдовы было девятеро сильных сыновей, работавших в оливковых рощах за городом, и одна дочь, которую звали Арете.

Женщина собирала приданое своей хорошенькой дочке. И вот посватался к ней морской торговец. Мать долго колебалась, хотя человек он был добрый и благородный и к тому же обещал прекрасный свадебный выкуп. Но он собирался после свадьбы Арете далеко — в Персию, откуда был родом. Стала мать советоваться со своими сыновьями. Самый юный, Константин, уговорил ее отпустить девушку. Он улыбался своей милой, ясной улыбкой и уверял мать, что как только она захочет повидать Арете, будь то радость или горе, он сам приведет сестру домой.

Наконец, Арете вышла замуж и покинула остров. Мать и сыновья продолжали жить, как и прежде.

Пожиратель детей из черного леса

Большинство детских сказок окрашивают мир в радостные, светлые тона, и лишь некоторые заглядывают в самые глубины зла. Одна из таких сказок повествует о брате и сестре, которые попали в лапы вампира.

Дети — Ганс и Гретель — были оставлены родителями в лесу в те голодные дни, когда немецкие крестьяне не могли прокормить даже себя, не говоря уж о детях. Брошенные дети безнадежно бродили среди молчаливых деревьев. Так бы они и погибли от голода и усталости, если бы не набрали на маленький домик с резными украшениями и завитушками. Из трубы шел дым, а из домика доносился аппетитный запах еды. Дети робко постучали, надеясь выпросить кусок хлеба.

Пара длинных рук немедленно втащила их внутрь. Существо, схватившее их, оказалось древней каргой с кирпично-красным морщинистым лицом. Она заперла дверь, и дети стали ее пленниками.

Старуха накормила их и потом, день за днем, пичкала детей овсяной кашей. Каждое утро, что-то бормоча себе под нос, она щупала их костлявыми пальцами, щипала их, тыкала под ребра, как будто проверяла, насколько они поправились. Наконец наступил день, когда она принялась растапливать печь. Время от времени она заговаривала с детьми, повторяя зловеще и таинственно: «Люблю мясо вареное, люблю мясо печеное». Когда огонь в печи разгорелся, а вода в котле закипела, она потащила детей к разверстой пасти печи. Но теперь окрепшие от еды дети были сильнее. В сказке рассказывается, как они сумели победить каргу и изнудить ее в печь.

Затем Ганс и Гретель нашли золото старой карги и отнесли его домой своим родителям и никогда больше не голодали. Но такой конец мог быть и выдуман для смягчения жестокой правды этой страшной истории.

Изменчивость вампиров

Вооруженные тайнами ночи и зла, вампиры умели с необыкновенной легкостью менять свой облик. Во все не обязательно они должны были превращаться в летучих мышей. Эта легенда, скорее всего, литературного происхождения, возникшая в те времена, когда появились завезенные из Нового Света летучие мыши, питавшиеся кровью живых существ. Но зато вампиры, скрываясь от людских глаз, могли расплываться, растворяться туманом, плыть по воздуху совами и бежать по земле волками и кошками.

Вампиры Японии особенно любили принимать человеческий облик. Эти ночные бродяги, как утверждали, часто посещали дворы древних японских принцев, являясь к ним под видом соблазнительных девушек и, лаская, выпивали кровь из своих легкомысленных возлюбленных. Если же их удавалось напугать, они, убегая, уменьшались в размерах и выскальзывали из складок кимоно большими быстрыми кошками. Отличало этих ночных кошек от настоящих то, что у них

хотя женщина никогда не переставала скучать по своей дочери и оплакивать разлуку с ней. Она подолгу теперь стояла у моря и страстно звала дочку, будто это желание само по себе уже приведет Арете или принесет от нее весточку из-за моря. Но море возвращало ей только свое молчание, и единственным утешением матери были ее сыновья да еще давнее обещание младшего, Константина.

Но пришло время, когда и этого она лишилась. Занесенная одним из кораблей бубонная чума обрушилась на остров. Она распространялась быстро и беспощадно. Один за другим сыновья женщины заболели и умерли. Теперь в своем маленьком домике она чувствовала себя одинокой, старой и никому не нужной. И больше, чем обычно, стала тосковать по Арете. Она гневалась и роптала на покойного Константина, который не сумел сдержать обета.

Пытаясь облегчить и умерить свою

печаль, она как-то ночью пришла в сосновую рощу, где были похоронены ее сыновья. Часами стояла она перед могильными холмиками и сама не заметила, как стала шептать, говорить все громче, а потом и просто стенать. Наконец, она подошла к могиле Константина и прокричала старинное проклятие греков:

— Константин, неверный сын мой,— плакала она,— слушай слова матери! Желаю тебе никогда не иметь покоя и оставаться нетленным. Желаю, чтобы земля не приняла тебя. Желаю, чтобы черная земля исторгла тебя!

Обессиленная, она замолчала. Подождав и не получив никакого ответа, женщина повернулась и потащила вниз по склону холма. За спиной у нее земля над могилой вдруг стала вспухать, подниматься и вздрагивать. Наконец она разверзлась, и в трещину посыпались сосновые иглы. Из расселины высунулась рука, пошарила в темноте, и за ней показалась голова, почерневшая и уродливая. И труп Константина восстал из могилы. Он стряхнул землю и заковылял среди деревьев, держа в тени. Он вприпрыжку побежал по склону, устремляясь к гавани.

Но мать ничего этого не видела. Измученная, истерзанная своими проклятиями, она медленно брела к дому, вошла, закрыла дверь и легла на скамейку около стены, желая одного — умереть. Три ночи она лежала без сна, неподвижно, глядя в потолок. Ничего она не ела и ничего не пила.

На четвертую ночь дверь ее дома внезапно распахнулась. На пороге стояла дочь ее Арете, усталая, с растрепанными ветром волосами и словно бы не понимавшая, что с ней произошло. Черного существа, стоявшего за ее спиной, девушка не видела.

Но мать сразу заметила его и узнала.

Сердце ее забилось от радости при виде дочери, но не забыла она и свой долг перед молчаливым призраком, который был ее сыном, верным сыном, выполнившим свой обет. Женщина знала, что делают в таких случаях. Она поднялась, кинула полную пригоршню соли в кувшин с водой, который стоял в комнате, и вылила воду на вриколакса, громко выкрикнув:

— Как растворяется эта соль, так пусть растворится и мое проклятие. Отдыхай и не вставай больше.

Черное существо задрожало. Распухшая плоть расслоилась и расплзлась, обнажая кости, потом и кости рассыпались, раскрошились. Лишь слабое постукивание и потрескивание послышалось в комнате, и все стихло. Тело Константина превратилось в горсть пыли.

А мать, отпустив сына на вечный покой, умерла на руках своей дочери.

Как вриколаксы достигали своей цели и выполняли свои обещания, никто сказать не мог. Может быть, они летали. Но обещания свои выполняли всегда и неизменно. Как и многие вампиры тех давних времен, они поднимались из могил лишь по призыву и принуждению живых, а не со злыми намерениями.

Но проходили годы, и мир был осквернен злом, пришедшим из восточных стран Европы. С равнин и с гор Болгарии, Румынии и Венгрии являлись потерянные души, выискивавшие мертвых, чьи тела стали бы их прибежищем и дали им силу. Они просочились в Грецию, и тут характер вриколаксов стал резко меняться. Они превратились в убийц, выискивая среди живых свои жертвы, что

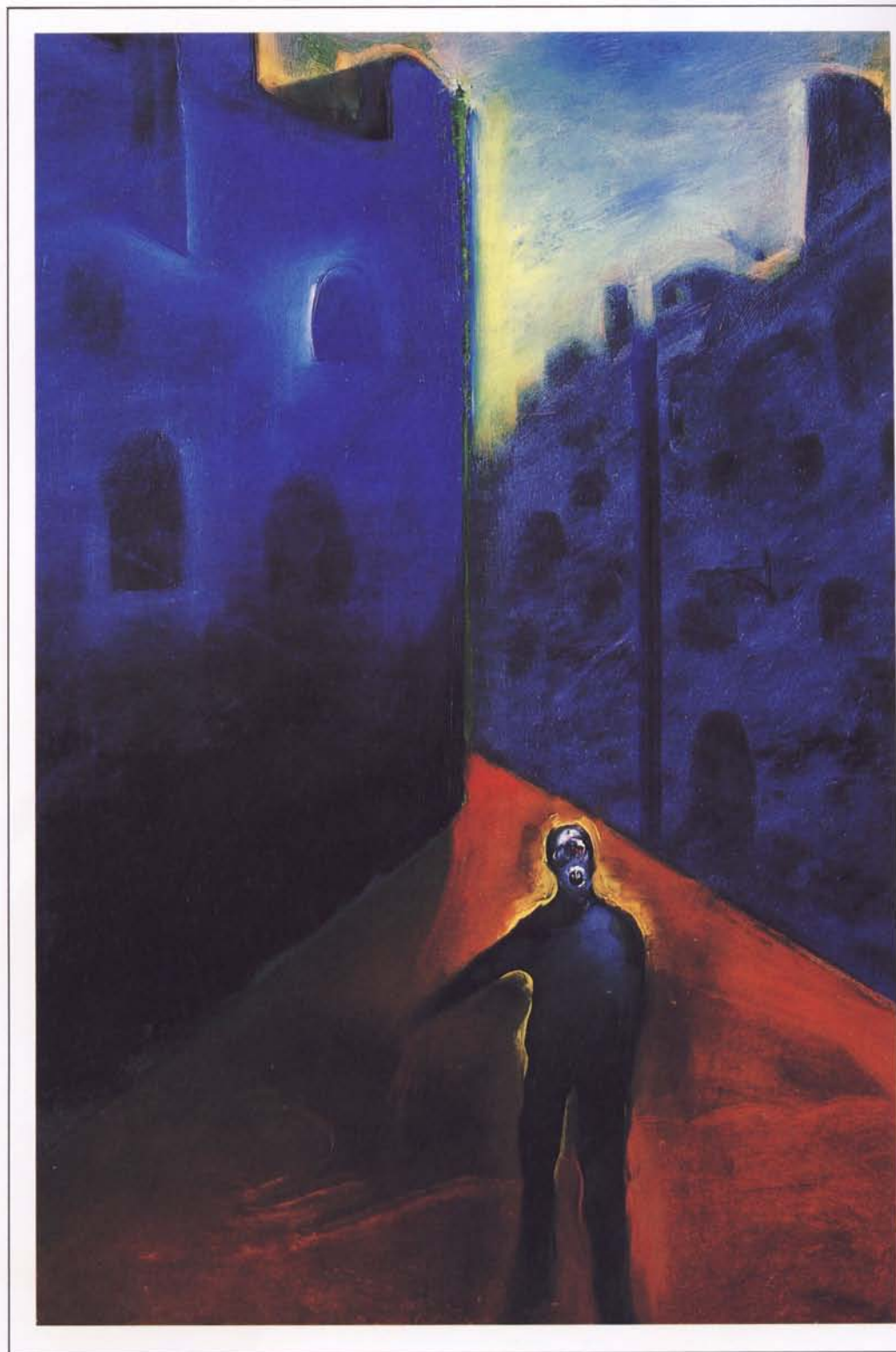
и делали обычно вампиры северных земель.

Здесь, на севере, инстинкт убийства был силен, а вампиров было такое множество, что можно было говорить уже об армии ночи. В Болгарии, например, чуть ли не в каждой семье были известны случаи, когда умерший поднимался из могилы через девять дней после похорон, но не во плоти, а лишь как тень, как фантом, который возникал в ночи снопом искр. И звали его обур. Слишком слабые, чтобы убивать, эти существа бродили по деревням, пугая жителей пронзительным визгом и завываниями. Они мазали стены коровьим навозом и оставляли на полу кровавые плевки.

Обуры были отвратительными, но они не угрожали жизни. А по истечении сорока дней обуры возвращались в свои мертвые тела, но после этого могли восставать из могил и бродить среди людей, уже угрожая их жизни. Они охотились ночью, оставляя после себя умерших — животных или людей.

Они убивали, потому что лишь глоток свежей крови мог продлить жизнь вампира. Вечно жаждущие человеческой крови, вампиры были отвратительны. Вместо ногтей на пальцах — кривые когти, которые хватили и держали жертву, острые зубы, которые погружались в артерии и вены, толстые губы, которые высасывали пульсирующую кровь, их пепельно-серая кожа становилась розовой, пышущей здоровьем, перетекающим из жил несчастной жертвы.

Эта зависимость вампиров от человеческой крови отражала наиболее глубокие верования людей. С давних времен человечество верило в живительную силу крови и считало ее рекой жизненной силы. Самым главным жертвоприношением всегда была кровь живого существа. Алтари богов всегда были ок-

Если болгарский крестьянин видел тень, неясно напоминавшую человеческую, но при этом никого, кто бы ее отбрасывал, рядом не было, он знал — это вампир. Пока он еще не набрал силу и был неопасен. Но стоит ему окрепнуть в ночи, как вампир станет убийцей.

роплены алой кровью, и крестьянские поля перед пахотой пропитывались ею. У норвежцев был обычай даже корабли освящать кровью. Викинги перед плаванием давили своими кораблями тела пленных, и кили их кораблей выкрашивались в красный цвет. Так они чтили своих морских богов. С тех пор остался обычай окроплять спускаемый на воду корабль бутылкой с вином. И это отголосок тех давних жертвоприношений.

Ценность крови увеличивалась еще и оттого, что люди верили, будто кровь любого существа может передавать его силу, здоровье и все остальные качества тому, кто ее выпьет. Воины-викинги пили медвежью кровь, чтобы обрести дикую силу животных. Вот и мертвец, выпивший кровь живого, считалось, обретает нечто от самой жизни.

Мифы поведали, что греческий герой Одиссей посетил мир мертвых, чтобы найти прорицателя Тиресия и узнать от него свое Будущее. Одиссей нашел только тени — бледные, порхающие бесформенные существа, у которых не было даже сил говорить. Только в том случае, если живой человек убивал овцу и поил ее кровью призрак прорицателя, Тиресий обретал плоть и голос. Так он поведал герою об опасностях его будущего путешествия, с которыми он столкнулся на самом деле на самом деле.

Медленно тянулись века, а вампиры все странствовали по земле в своем бесконечном поиске жертв. По Ирландии бродила Деарг-дью, или Алая Алчущая Крови — бледная молодая женщина, которая затаивалась ночью на кладбище, подстерегая неосторожных прохожих. Красота ее была непреодолимо притягательной, но стоило ей поцеловать свою жертву, как она впивалась ему в шею и вместе с кровью высасывала жизнь.

В Шотландии такие существа называ-

ли ваобан сит. Они вместе с себе подобными скрывались в диких горных местностях. У шотландцев есть немало сказок о встречах с этими существами. И сказки эти были не из веселых.

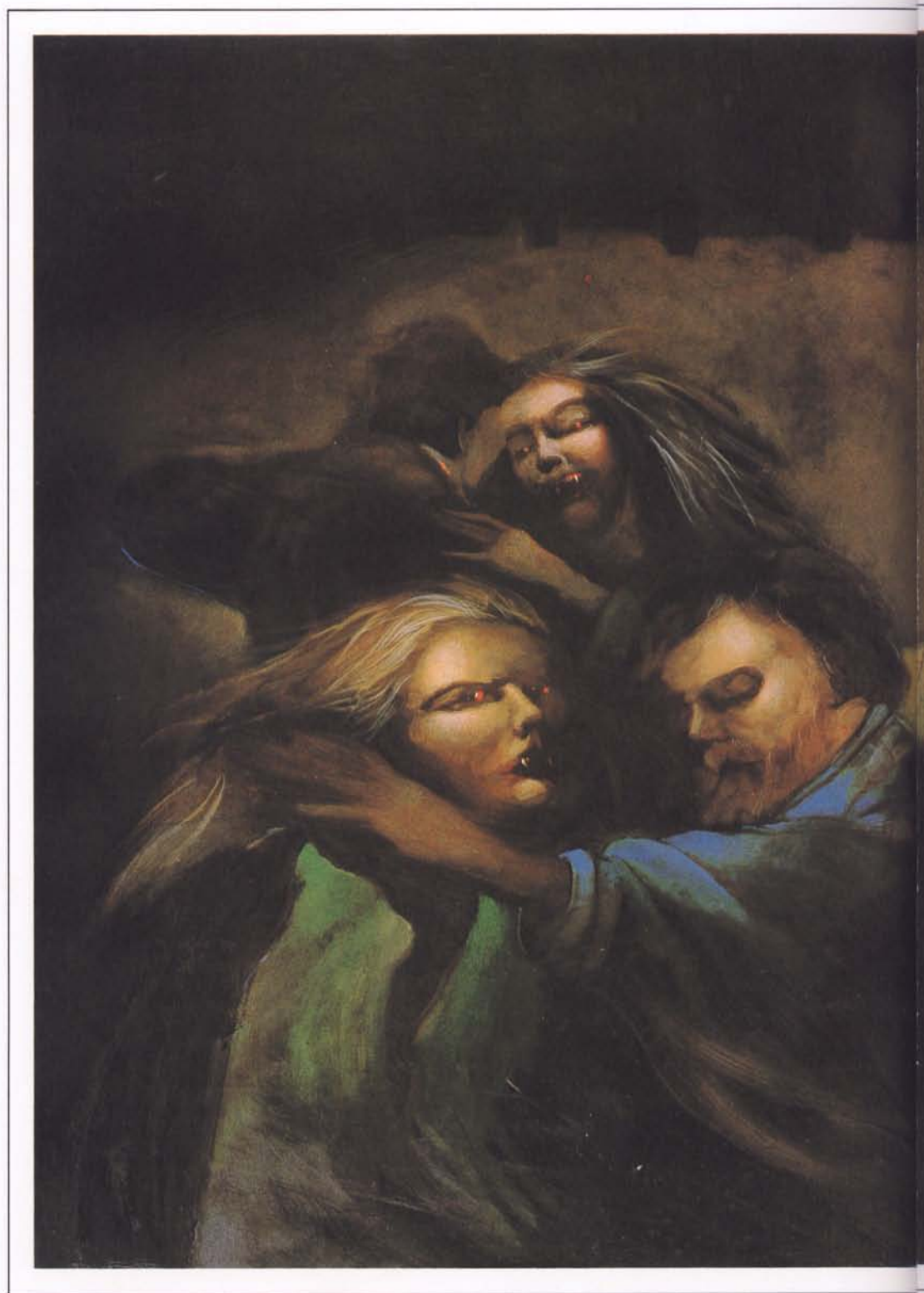
Человек по имени Мак Фи рассказывал, как однажды зимой он охотился с тремя друзьями в западной части гористой Шотландии. Вечер застал их за много миль от дома, и мужчины решили укрыться в заброшенной пастушьей хижине — нехитрой деревенской постройке, которую в тех местах использовали для овец в летний пастбищный сезон. Они развели небольшой костер, чтобы зажарить подстреленных кроликов, и темная маленькая хижина вскоре стала уютной и теплой. Кувшин с вином переходил из рук в руки. Развеселившийся Мак Фи стал насвистывать любимую песенку жителей гористой Шотландии. «Пиирт-абелль», — выводил он забавную мелодию. Спутники его поднялись и пустились в пляс в полутьме хижины.

Раскрасневшиеся и возбужденные от выпитого вина, они кружились, неуклюже топоча и заливаясь смехом. Мак Фи замолчал, чтобы перевести дыхание, и его запыхавшиеся приятели тоже остановились.

— Немалый путь мы проделали, — заметил Мак Фи.

— Еще бы! — подтвердил один из охотников и, подмигнув, добавил: — Неплохо было бы, если бы здесь оказались еще и хорошенькие девушки.

И тут снаружи поднялся ветер. Собачья свора залаяла. Лошади охотников затопали у коновязи и заржали.

Однажды ночью, как говорится в шотландской сказке, несколько охотников стали жертвами женщин-вампиров, которые бродили в горах Шотландии. Вампиры закружили мужчин в танце смерти и выпили кровь у обессиленных людей.

Вампиры в Шотландии

В Шотландии, как и в других странах, существовали легенды о вампирах. В 18 веке в Шотландии появились рассказы о женщинах-вампире, которые бродили в горах и нападали на охотников. Эти женщины-вампире были известны под названием «Блэк-Девил» (Черный Дьявол). Они были описаны как высокие, худощавые женщины с длинными темными волосами, которые носили черные платья и высокие шляпы. Они были известны тем, что нападали на людей в темноте и выпивали их кровь. В 18 веке в Шотландии появились рассказы о женщинах-вампире, которые бродили в горах и нападали на охотников. Эти женщины-вампире были известны под названием «Блэк-Девил» (Черный Дьявол). Они были описаны как высокие, худощавые женщины с длинными темными волосами, которые носили черные платья и высокие шляпы. Они были известны тем, что нападали на людей в темноте и выпивали их кровь.

Вдруг дверь распахнулась. Мужчины быстро обернулись и были несказанно удивлены.

Четверо хорошеньких девушек, все одетые в зеленое, стояли на пороге. Одна из них уставилась на Мак Фи сверкающими глазами, словно бы обведенными красными кругами, мелкими шажками она приблизилась к нему. Потом положила руку ему на плечо и кивнула. Будто бы замороженный, он снова стал насвистывать свою песенку.

Его спутники, как зачарованные, поднялись и опять пустились в пляс. Но теперь они выглядели медлительными, неуклюжими, словно сонными, потому что каждого из них держала за руку девушка. Все вместе они закружились в бесконечном танце. Не было произнесено ни слова. Единственными звуками, наполнявшими хижину, было шелканье каблучков девушек, шелест их платьев да нескончаемое гудение Мак Фи, из последних сил высвистывающего свою танцевальную мелодию.

Как долго он свистел, а его приятели танцевали, Мак Фи сказать не мог. И вдруг в какой-то миг песня словно бы застряла у него в горле, девушки вдруг приникли своими пухлыми губами к шеям мужчин, и кровь заструилась по их маленьким подбородкам, запятнала рубашки несчастных охотников.

С диким криком ужаса Мак Фи бросился вон из хижины. Он выбежал из двери в ночную тьму, а девушка, стоявшая рядом, погналась за ним. Он летел без оглядки, но все же потом клялся, что видел ее мелькающие ноги, и они были похожи на оленье копыта. Мак Фи чувствовал ее дыхание у себя за спиной, ее

острые когти уже впились ему в руку. Из всех сил он рванулся, вырвался и устремился к привязанным неподалеку лошадям.

По причине, которую он так и не сумел объяснить, она не могла к нему приблизиться, когда он стоял среди животных. Здесь он затаился, приникнув к крупу лошади, и так простоял весь остаток ночи. В темноте он слышал шаги и свистящее дыхание, но с первым проблеском утренней зари девушка исчезла.

Однако Мак Фи сдвинулся с места лишь тогда, когда над вершиной горы возшло солнце. Он осторожно отошел от лошадей, все время оглядываясь и вздрагивая при каждом звуке. С опаской заглянул он в хижину. Костер угас. В хижине было темно и мрачно. Мак Фи вошел вовнутрь и увидел своих спутников. Они лежали на полу — бледные, бескровные трупы. Разорванное, растерзанное горло каждого из них уже покрылось засохшей кровяной коркой.

Подобные посещения и убийства не были редкостью и происходили довольно часто. Вампиры словно заволакивали свои жертвы, которые беспрекословно покорялись им. Некоторые вампиры выпивали всю кровь, мгновенно убивая человека. Другие же тянули понемногу ночь за ночью, так что мужчина или женщина, чьей кровью они питались, чахли медленно день за днем. В славянских странах были случаи, когда вампиры делали своей жертвой всю деревню. Все население в этих краях постепенно исчезало, люди умирали, совершенно обескровленные.

В дневные часы вампиры, как правило, исчезали, но иногда принимали облик своих соседей или животных, и потому люди с опаской обходили молчали-

вого человека или непонятно ведущее себя животное. Для защиты от злого духа многие носили амулеты. Вещи из железа, например, были проклятием для ночных врагов. Чаще всего этой защитой служили металлические распятия. Никто не мог сказать почему, но чеснок тоже считался сильнодействующим средством защиты не только против яда и заразы, а также и отгонял вампиров. Чесночные зубчики носили на шее в небольших кистях.

И все же этого было недостаточно. Самым действенным считалось отловить вампира днем, когда он был беспомощен. Сначала, конечно, вампира нужно было обнаружить, чему помогал неожиданный оклик, заставлявший его врасплох. В постоянно посещаемых вампирами Балканских горах жило множество охотников за вампирами, большинство из которых являлись знахарями. Были среди них и ведьмы, которые утверждали, что могут заманивать духов в бутылки. Они ловко обставляли свои действия всевозможными таинственными деталями и требовали за обман изрядную мзду. В Сербии тоже появлялись подобные ловцы вампиров, называли их *дампирами*. Они считались сыновьями вампиров и поэтому были, как сами утверждали, одарены особой силой и владели тайной ночных духов. Дампиры искали вампиров днем и вступали с ними в смертный бой. Но так как обычным смертным вампир не виден, а является только своим отпрыскам, то и бой этот выглядел странно — битва с невидимым врагом.

Найти вампира на самом деле было трудно. Во-первых, они могли вселяться в тела бывших своих возлюбленных, а, значит, имели их облик. Во-вторых, вампиры

не отбрасывали тени и не отражались в зеркалах. Когда этого ночного духа обнаруживали, можно было легко проследить его путь до могилы, где он таился. Вампиров, бывало, замечали в тот момент, когда они скрывались в своей земляной постели. Случалось, что люди знали имя человека, в чье тело вампир вселялся. Тогда его трудно было обнаружить. В других случаях приходилось тщательно обыскивать склепы на кладбище в поисках явных признаков присутствия вампира.

В некоторых странах существовали особые ритуалы. Например, маленького мальчика сажали на чистокровную белую лошадь, которую еще никогда не случали с жеребцом, и эту невинную пару вели на кладбище. Животное чувствовало могилу, в которой находился вампир, и обычно шарахалось от нее. Тогда охотники за вампирами разрывали эту могилу, доставали гроб и снимали с него крышку. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить — в труп вселился вампир. Живой мертвец не поддавался гниению, он лежал в гробу розовый и, как правило, распухший, как пьянка, от выпитой крови.

И тут есть несколько способов избавления от вампира, прекращения его странствований по земле. Самый простой — это повернуть тело лицом вниз и снова похоронить его. Тогда вампир, пытаясь выбраться наружу, будет рыть землю, все больше углубляясь в ее недра и, таким образом, закапывать себя. В некоторых странах прямо в сердце трупа втыкали кол, или, что еще ужаснее, отрезали голову и клали ее в ногах захороненного тела. Но наиболее надежным способом избавления от вампира считалось сжигание тела дотла, но это не всегда проходило гладко, как повествует одна русская легенда.

Это случилось на Украине с казаком, который как-то раз возвращался из дома

Зловещие приметы

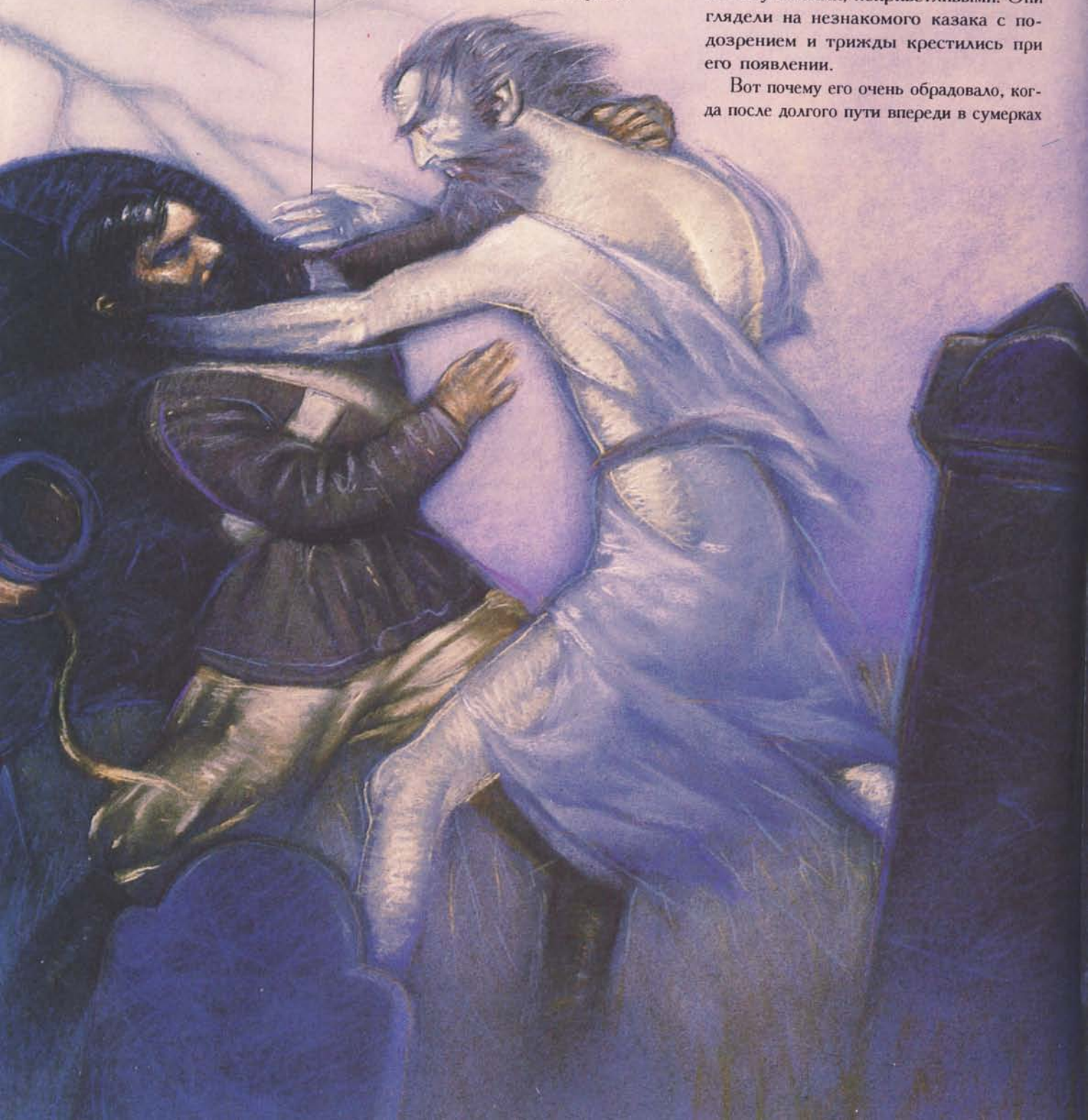
Люди старались самыми жестокими мерами оградить тело умершего от проникновения в него злых духов. Могилы подозрительных трупов разрывались, чтобы проверить: совершило ли гниение свою разрушительную работу? Если вдруг оказывалось, что тело осталось свежим и набухшим от крови, люди знали, что оно стало убежищем вампира. Чего только ни делали напуганные люди! Доказательство этому — останки мертвых в древних могилах. Чтобы лишить труп возможности передвигаться, перерезались сухожилия на ногах. Иногда отрезали головы и помещали их отдельно среди погребальных вещей. Могли пригвоздить тело к земле колом из боярышника или ясеня, вбив его в грудь на месте сердца или в череп. Чаще всего это делалось железным гвоздем — самым лучшим средством против проникновения в тело вампиров. Предания говорят, что кровь из таких трупов была фонтаном.

в полк после побывки. Много дней шел он по дороге вдоль обширного пшеничного поля, уже сжатого и усеянного потемневшей соломой. Вокруг было безлюдно, наступили холода, и небо над головой затянулось серыми тучами. Иногда с шумом пролетал клин гусей, устремлявшихся в теплые страны.

Кое-где казак еще замечал на полях крестьян. Изредка набредал на деревню, где отыскивал амбар для ночевки и немного еды, прежде чем продолжить свой путь. Но деревни были далеко разбросаны одна от другой, а люди, жившие отчужденно, выглядели испуганными, неприветливыми. Они глядели на незнакомого казака с подозрением и трижды крестились при его появлении.

Вот почему его очень обрадовало, когда после долгого пути впереди в сумерках

В России рассказывали о казаке, который однажды ночью вступил в рукопашную схватку с вампиром. И лишь рассвет заставил вампира скрыться в могиле. А жители деревни попытались положить конец его злодеяниям...

блеснул огонек человеческого жилья. Казак, не теряя времени, свернул с дороги и заспешил на огонек. У костра сидел мужчина в лохмотьях и чинил поношенный башмак. Незнакомца нельзя было назвать трусом — он развел костер рядышком с кладбищем.

— Привет, брат, — сказал казак, протягивая озябшие руки над пламенем костра.

Незнакомец поглядел на него запавшими темными глазами и ответил, что не ждал никаких родственников. Потом снова склонился над своим башмаком. Привыкший к настороженности чужих людей, казак не смутился и продолжал греть руки. Наконец, незнакомец поднялся, надел башмаки и, не говоря ни слова, закидал костер землей, чтобы загасить. Когда последний язычок пламени исчез, он повернулся спиной к казаку и двинулся по дороге.

— Я пойду с тобой, — сказал казак и зашагал рядом с незнакомцем. — Куда ты направляешься?

Незнакомец пожал плечами и загадочно ответил:

— Иду искать развлечений.

Уже в скором времени казак понял, какого рода удовольствий искал незнакомец. А пока впереди замаячили огни деревни, и в ночном воздухе разлились звуки протяжной песни.

Ускорив шаги, путники вскоре добрались до избы, двери которой были приветливо распахнуты навстречу ночи. Они поспели к свадьбе, которая была в самом разгаре. В избе стоял шум, гам, веселая суета. Ярко горело пламя печи. Невеста в праздничном платье и фате смущенно улыбалась и радушно приветствовала незнакомых гостей. Люди за столом пели свадебные и величальные песни.

Обрадованный казак приготовился хорошо провести время. Он подсел к столу и тут же включился в хор веселых голосов. Несколько часов он веселился и совсем позабыл про своего спутника, который, казалось, предпочитал оставаться в тени и в стороне от шума и людей, будто стыдился своих лохмотьев.

После полуночи незнакомец подошел

... Жители деревни сожгли дотла пойманного вампира. Но даже тогда, когда тело сгорело, дух демона освободился и пытался ускользнуть в облике змеи и других юрких гадов...

к невесте, окруженной гостями. Он опустился перед ней на колени, словно выказывал почтение или просил о чем-то. Когда она протянула руки, чтобы поднять его, он уткнул лицо ей в ладони и замер на несколько мгновений. В отблеске огней казак наблюдал странную картину: раскрасневшаяся девушка и бледный, в лохмотьях, бродяга, стоящий перед ней на коленях, а вокруг смеющиеся лица гостей.

И вдруг все переменялось. Лицо незнакомца порозовело. Он резко встал и выбежал из избы. Лишь только он исчез в дверях, девушка упала замертво. Ее тут же окружили испуганные люди, а казак, помнивший так неожиданно порозовевшее лицо полумертвого бродяги, бросился за ним вдогонку.

Казак нашел незнакомца уже далеко от деревни. Шел тот быстро, но не так споро, чтобы казак не мог настичь его. Спустя мгновение, казак схватил бродягу за руку и остановил его.

— Я знаю, кто ты, — тихо сказал он.

Незнакомец резко вырвал руку. Ужасающий запах тлена исходил от его лохмотьев. Губы его были плотно сжаты, сгустки крови запеклись в углах рта.

— Оставь меня, смертный, — холодно сказал он. — Я насытился и обрел силу. Но могу ведь снова захотеть крови!

Казак рассмеялся и ударил бродягу. Тот пошатнулся и пустился наутек. Казак преследовал его по пятам.

Они добежали до того места, где у ограды кладбища еще тлели угольки костра. Незнакомец вдруг остановился и стал яростно защищаться.

— Знаешь, что мы делаем с вампирами? — воскликнул казак. — Мы сжигаем их!

И он снова ударил незнакомца, что есть силы.

Тот расхохотался.

— Дух, живущий во мне, может улететь от огня и вновь ожить в другом теле, глупец! — закричал он и обхватил казак своими длинными руками.

Казак угодил кулаком прямо в лоб вампиру и почувствовал, как затрещали кости. Кровь запузырилась на губах страшного существа, челюсти его разомкнулись. Он повалил казака на землю. Тяжело дыша, борющиеся катались по земле среди могил, ударяя один другого, сжимая пальцы на шее.

Позже казак утверждал, что не может сообразить, сколько времени прошло с момента смертельной схватки. Битва продолжалась, но они оба устали, руки ослабли, удары были не такими сильными и частыми.

Спасло казака пение петуха. Оно долетело из деревни при первом проблеске света. Как только послышался пронзительный крик, вампир замолчал на месте. Затем резко оттолкнул казака и покатился в сторону и нырнул в ближайшую могилу.

Казак медленно брел обратно к деревне, осматривая свои раны и ушибы. Он разбудил жителей деревни и рассказал обо всем. Вскоре все мужчины деревни, вооруженные косами и лопатами, собрались вокруг могилы. Рядом стояли телеги, груженные ясеневыми и березовыми поленами.

Они раскопали могилу и подняли гроб. Крышка не была прибита. Люди откинули крышку в сторону и увидели того самого бродягу. Челюсть у него была сломана, голова неестественно свернута набок, но глаза открыты. Они злобно сверкали и словно бы пронизывали склонившихся над ним людей. Вампир не двигался, ни единого звука не вылетело из его пухлых алых губ.

...Если из погребального костра вампира убежит всего лишь одно крохотное существо, дух выживет. Он очень быстро найдет другое тело и встанет, чтобы вновь бродить среди живых.

Жители деревни сложили погребальный костер и вилами вытащили ненавистное тело из гроба, швырнув его затем в костер. Не один час стояли они над костром, пели молитвы, подбрасывали в огонь дрова, выкрикивали проклятья. Постепенно кожа вампира обуглилась, покрылась волдырями, лохмотья превратились в золу. Наконец, даже скелет его стал крошиться и рассыпаться в прах. И тут высокий гортанный вопль взлетел из самой середины пылающего костра и, казалось, долго парил в воздухе.

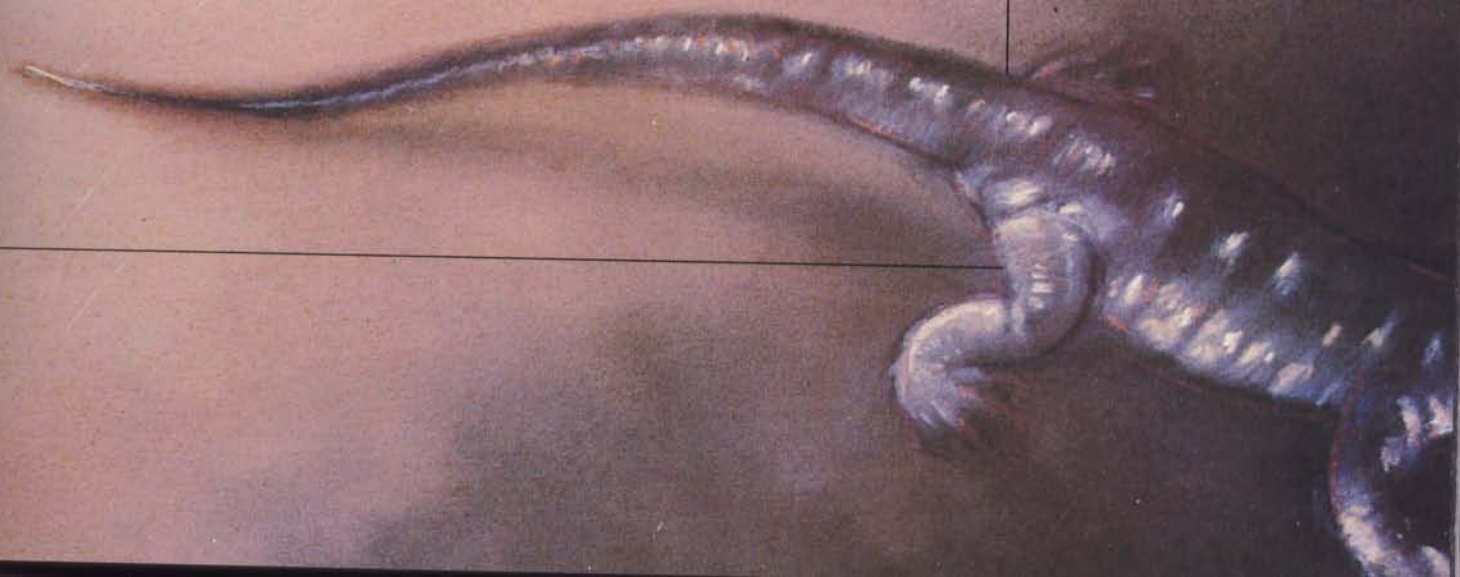
Вдруг послышались другие звуки — шуршащие, удаляющиеся. Из огня стала выползать толпа паразитов — змеи, ящерицы, черви, распухшие крысы, ширококрылые птицы-мусорщики. Косами и лопатами крестьяне били, рубили, секли этих гадов, отрубали им головы, пербивали позвоночника. Они сгребали корчащиеся маленькие тела в пламя костра. Но чем больше они убивали, тем больше гадов выползало из костра. Они стремительно скользили по земле, улепетывали, стремительно увертывались от ударов и проскальзывали между ног, стараясь скрыться в просторах осенних полей, в темнеющем неподалеку лесу, укрыться в тайном и безопасном месте.

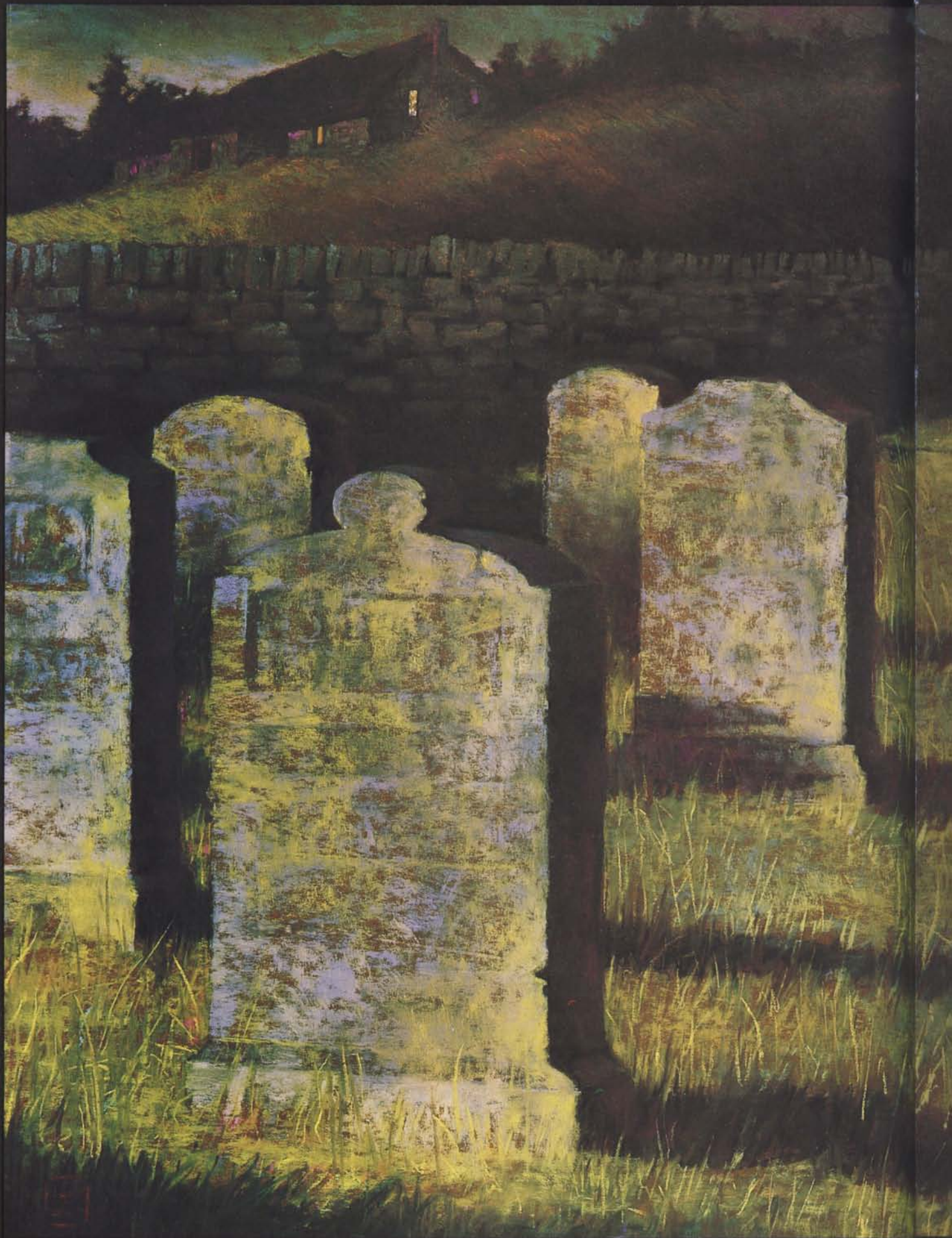
Много часов продолжалась эта крова-

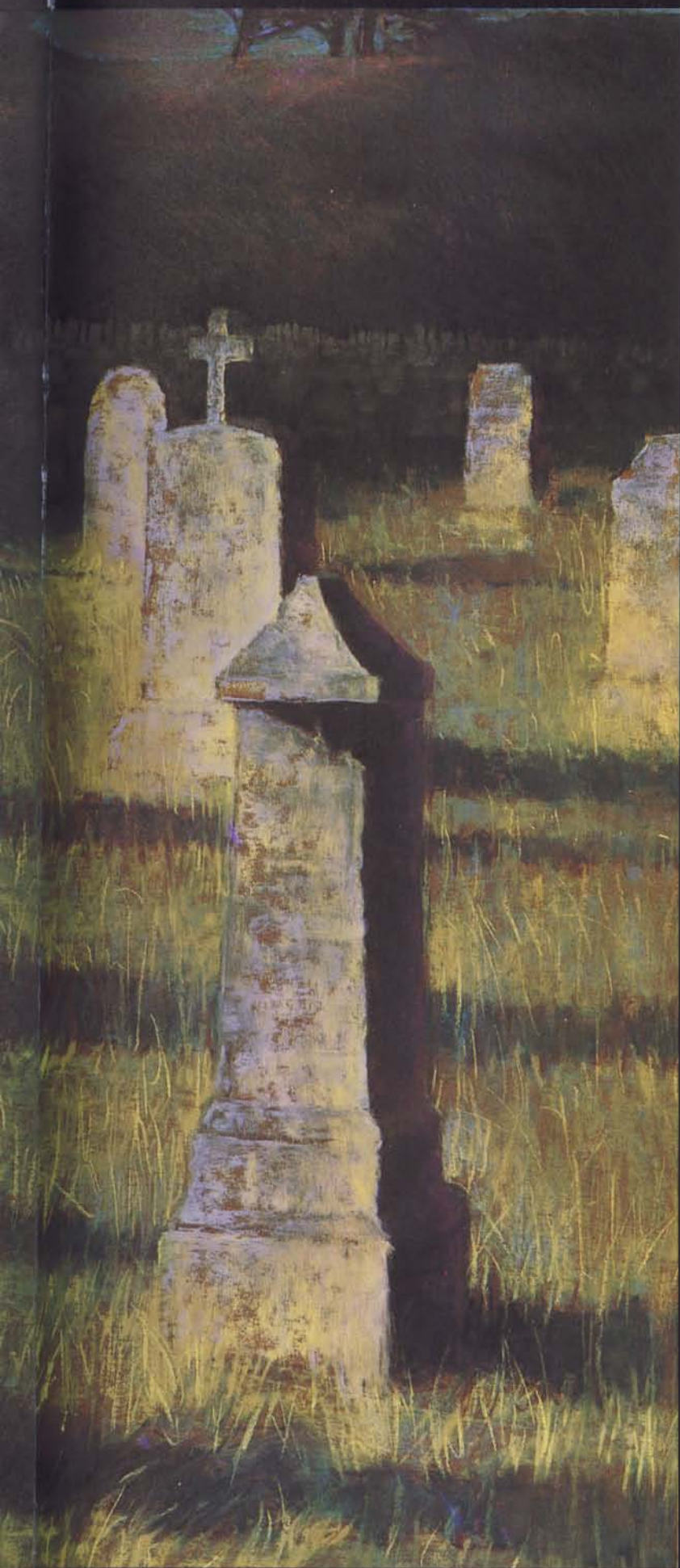
вая бойня, пока костер не угас, и из его чрева перестали выползать мерзкие существа. Наконец, пепел вампира был развеян по ветру, и все отправились по домам.

Они победили ночного духа или только думали так. Наутро казак отправился дальше и уже больше не бывал в той деревне. Так он никогда и не узнал, все ли ползущие, скользящие, летящие гады были уничтожены и брошены в огонь. Уцелел хоть один из них, и дух вампира ускользнул бы вместе с ним и долго потом бродил бы неприкаянно по земле, пока не нашел бы новое тело, чтобы снова принять человеческий облик.

Вампиры очень любили ссоры и вражду между людьми. Эти пожиратели крови были из породы изменчивых, и любая победа над ними могла оказаться временной. Как и другие ночные существа, они были всего лишь духами. Поэтому, уничтожив их тело, трудно было изничтожить саму сущность вампира. Дух его обладал способностью снова возродиться и воплотиться в другое время, в другом месте и в новом теле, в новой оболочке.

Ночной посетитель усадьбы Кроглин

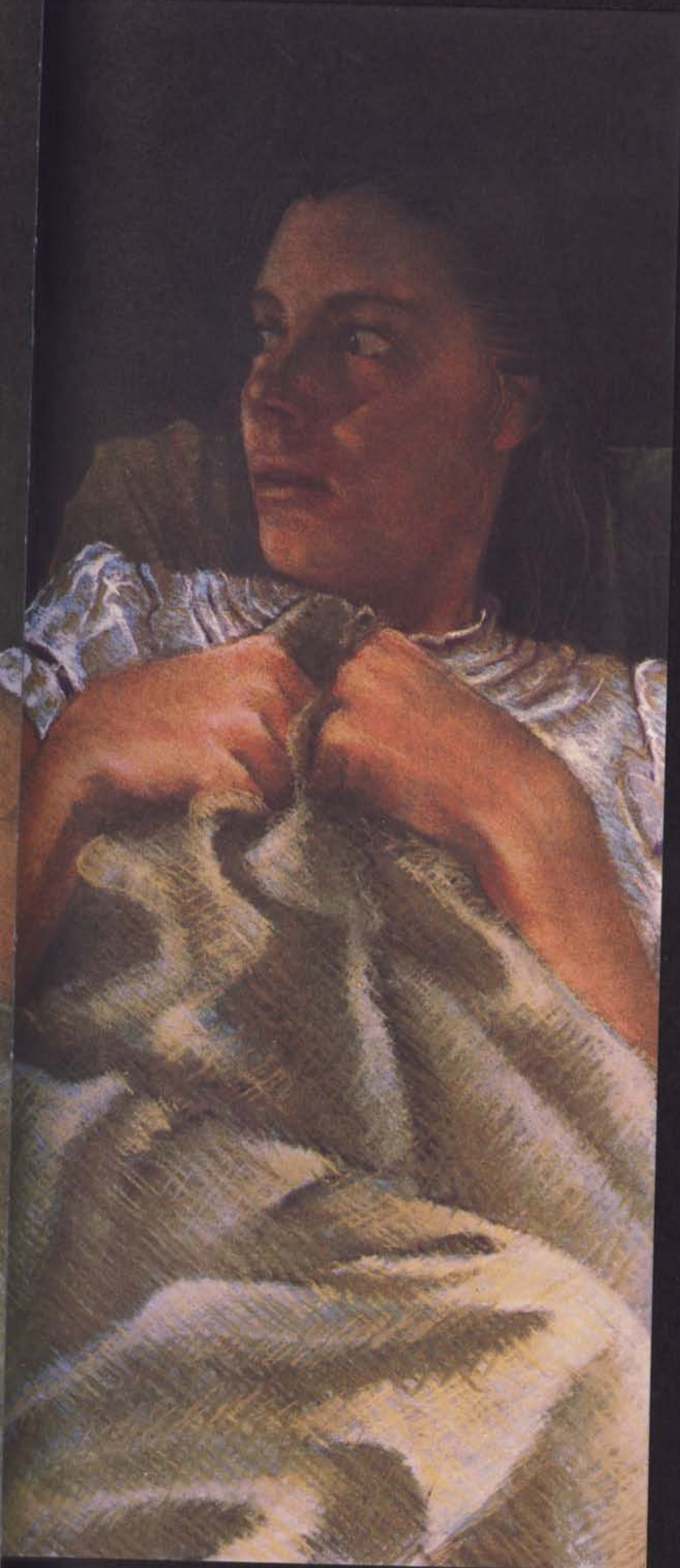
Много веков мирно стоял на холме в северо-западной части Англии приземистый каменный дом усадьбы Кроглин. Он господствовал над просторной болотистой и холмистой равниной, покрытой зарослями вереска. На склоне холма за приусадебным участком раскинулось кладбище. Несколько поколений семьи Фишеров безмятежно прожило в этой усадьбе до тех пор, пока в начале девятнадцатого века младший из Фишеров не покинул это место и не переехал в большой дом. Усадьба Кроглин с годами приобрела репутацию ужасного места.

После отъезда Фишеров в течение многих месяцев дом стоял молчаливым и безлюдным. Никто не решался арендовать это поместье. Но вот прошла зима, наступила весна, и в доме послышался смех, окна гостиной распахнулись, впуская солнечный свет. Усадьбу приобрело семейство по фамилии Крансвелл.

Крансвеллы — два брата и их сестра — были веселыми, жизнерадостными людьми. Они были довольны крепким старинным домом и рады свежему деревенскому воздуху. Они быстро подружились с соседями. Фермеры приносили им молоко и яйца, молодых людей из соседних домов приглашали к обеду. Они ездили верхом и устраивали веселые пикники. Если же кто-либо из них замечал следы кровавого пиршества или слышал рассказы лесников об этом — о разорванных и окровавленных тушках зайцев, о растерзанных, ощипанных птицах, о зверьках, из которых до капли была выпита вся кровь — об этом старались не говорить и вовсе не упоминать во время бесконечных увеселений.

Но вскоре семья Крансвеллов и сама пострадала от рук существа, бродившего

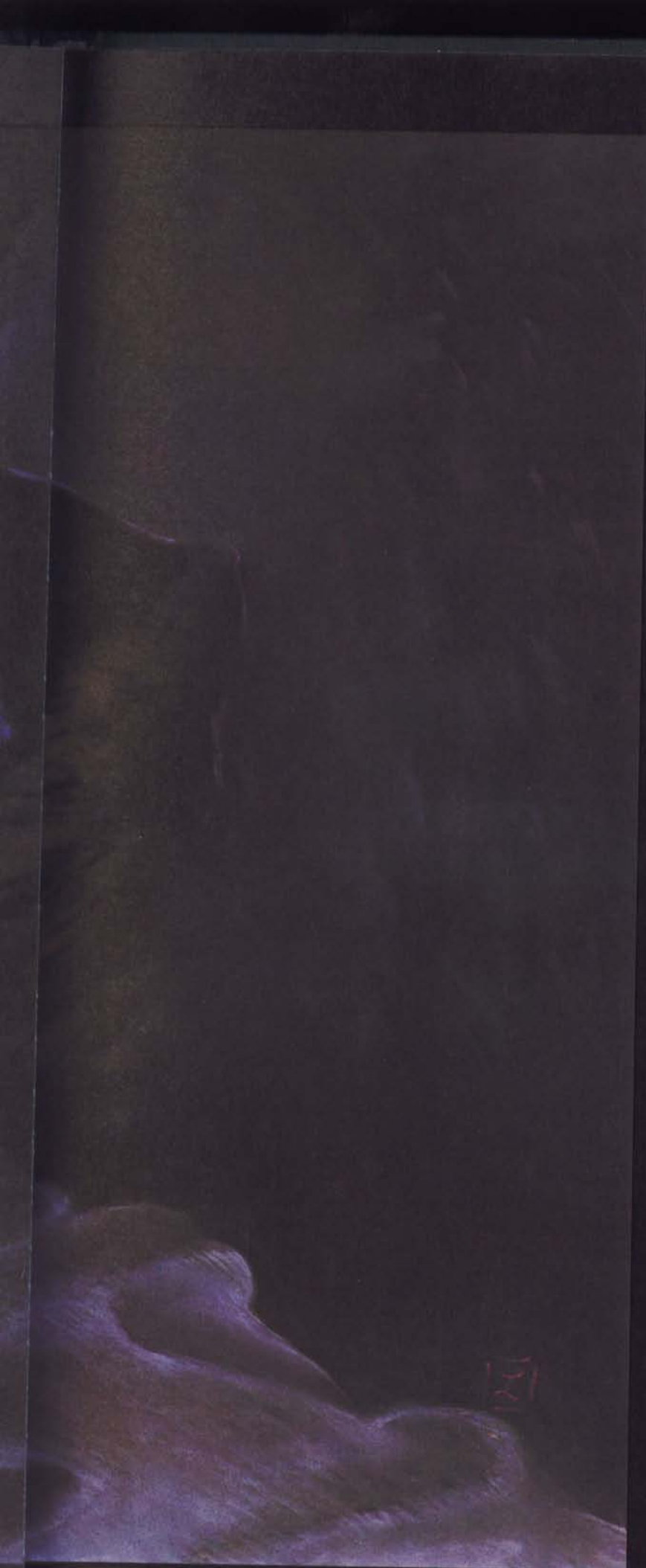
вокруг усадьбы Кроглин. Приключения их начались на закате одного летнего дня. Мисс Крансвелл сидела в своей комнате у окна и наблюдала, как один за другим гаснут огни в домах. За пологим зеленым склоном лежало молчаливое кладбище. Вдруг она увидела два маленьких огонька, танцевавших между темнеющими могильными камнями. Два крохотных блуждающих огонька. Она не сводила с них глаз и видела, как огоньки перескочили через ограду кладбища и бесцельно поплыли вдоль лужайки. Обеспокоенная мисс Крансвелл захлопнула окно и заперла его. Затем она закрыла на засов дверь и отправилась в постель.

Некоторое время она сидела, опираясь на подушки, и прислушивалась. Но слышала она лишь поскрипывание рассыхающихся досок пола, побряхтывание старого дома в ночной тиши. Успокоившись, она улыбнулась своей робости и закрыла глаза.

Внезапно она проснулась, как от толчка. Что-то зашуршало у окна и звякнуло задвижкой. За перекрестием темного оконного переплета мелькнули два огонька, две светлых точки, расплывшиеся в неровных стеклах окна. Теперь стало ясно, что это были не просто огоньки, а глаза человека. Девушка застыла, а призрачная рука между тем постукивала по оконному стеклу.

Мисс Крансвелл открыла рот, чтобы закричать, но не могла произнести ни звука. Помертвевшая от страха, она смотрела, как рука скользила вдоль окна, ощупывая раму. Наконец, царапающие звуки проникли в комнату. Ночное существо отскоблило свинцовую прокладку, и стекло с грохотом упало в комнату. Серая, как у мертвеца, рука

протянулась внутрь и подняла оконную задвижку. Окно, задрожав, растворилось, и незваный гость появился в комнате мисс Крансвелл.

Это был бледный мужчина, такой бледный, что лицо его казалось сплетенным из густой паутины. Но во тьме горели его глаза и кроваво светились полные губы. Голова его качалась на тонкой шее. Оглядев комнату, он вдруг мягко и беззвучно спрыгнул с подоконника и устремился к кровати мисс Крансвелл.

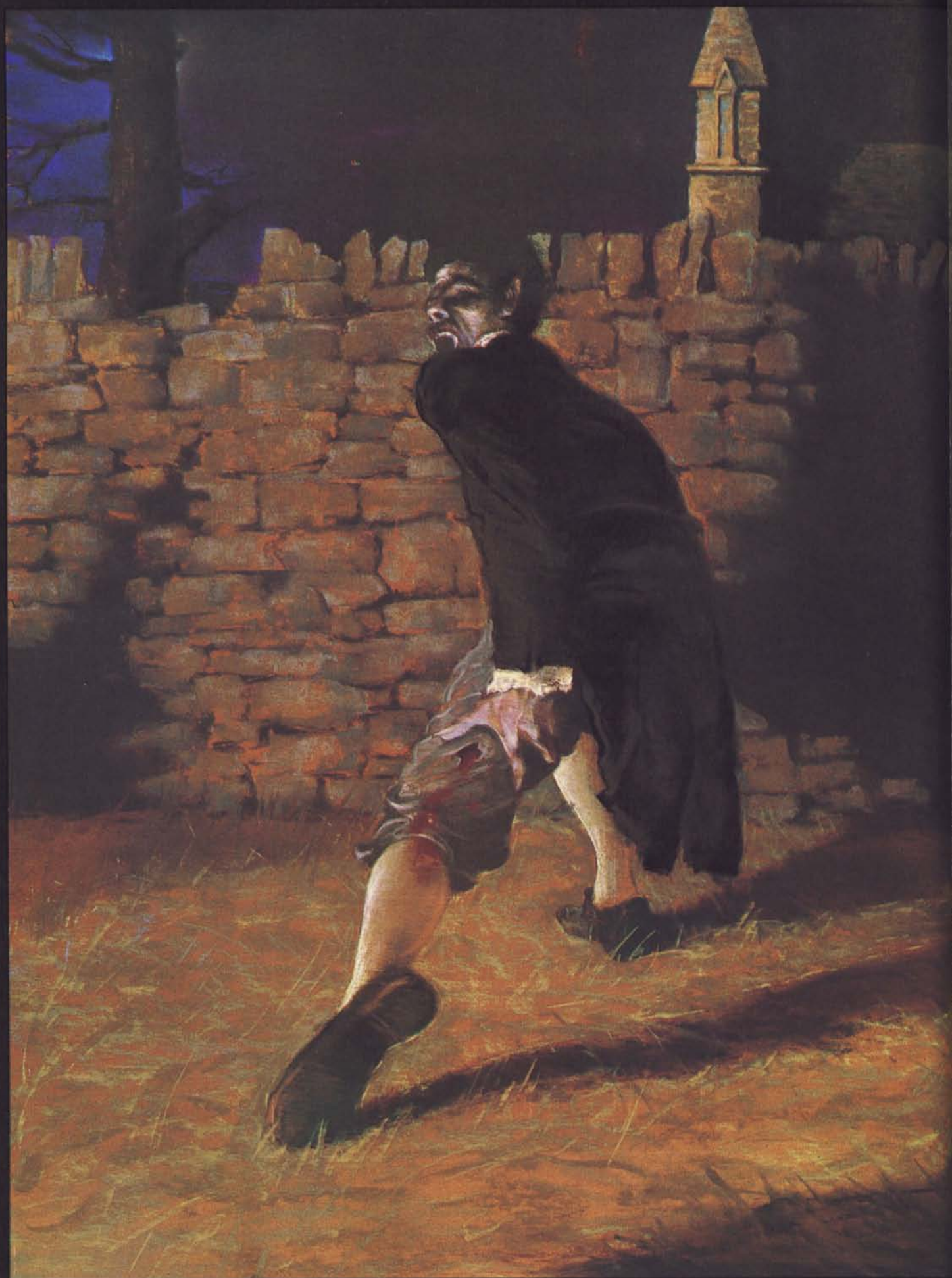
Он навис над ней, слегка раскачиваясь. Мисс Крансвелл лежала без движения и неотрывно глядела на него ничего не выражающим взглядом, как зачарованная, и он нежно, словно любовник, сплел свои иссохшие руки вокруг ее шеи, дернул за волосы, заставив ее откинуть голову. Его губы раскрылись, два передних клыка белели в темноте. Затем он наклонился, будто хотел поцеловать ее.

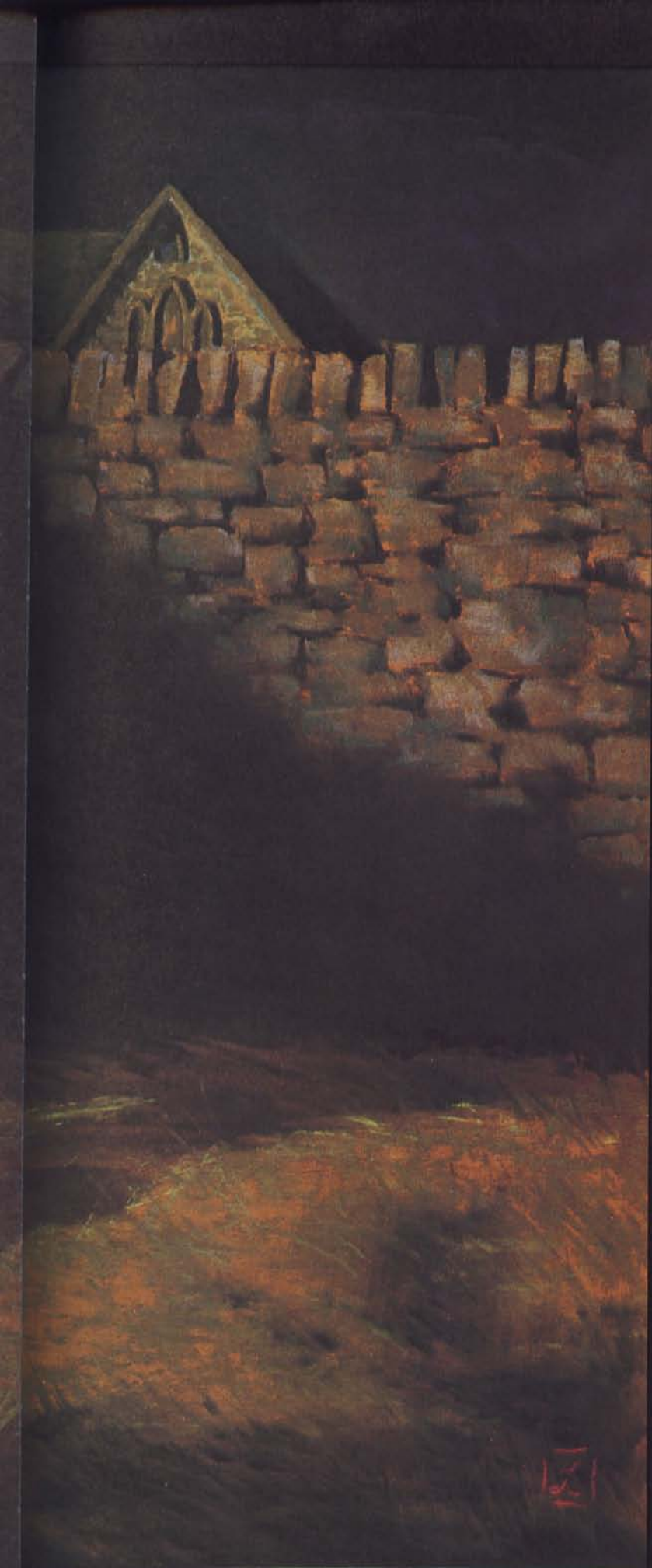
Окончание этой сцены описывали уже братья мисс Крансвелл. Очевидно, голос, наконец, к ней вернулся, потому что высокий, дрожащий вопль эхом отозвался в стенах старого дома. Через несколько секунд молодые люди были уже у двери комнаты сестры. Дверь была закрыта. Они навалились на нее и открыли.

Братья застали ужасную картину. Их сестра лежала с пепельно-бледным лицом, откинувшись на подушки. Из горла ее тек слабый ручеек алой крови, смешанной с более темными каплями из синей вены. Пятна крови впитывались льняными простынями.

Лишь слабое подергивание рук и ног показывало, что девушка еще жива.

Братья, бросившиеся спасать девушку, только мельком заметили открытое

окно и сломанную раму. Уже потом они вспоминали, что почувствовали запах плесени и сладкое зловоние, которое наполняло комнату. Но тогда все их внимание и все силы были направлены на то, чтобы остановить кровь и попытаться призвать кого-нибудь на помощь.

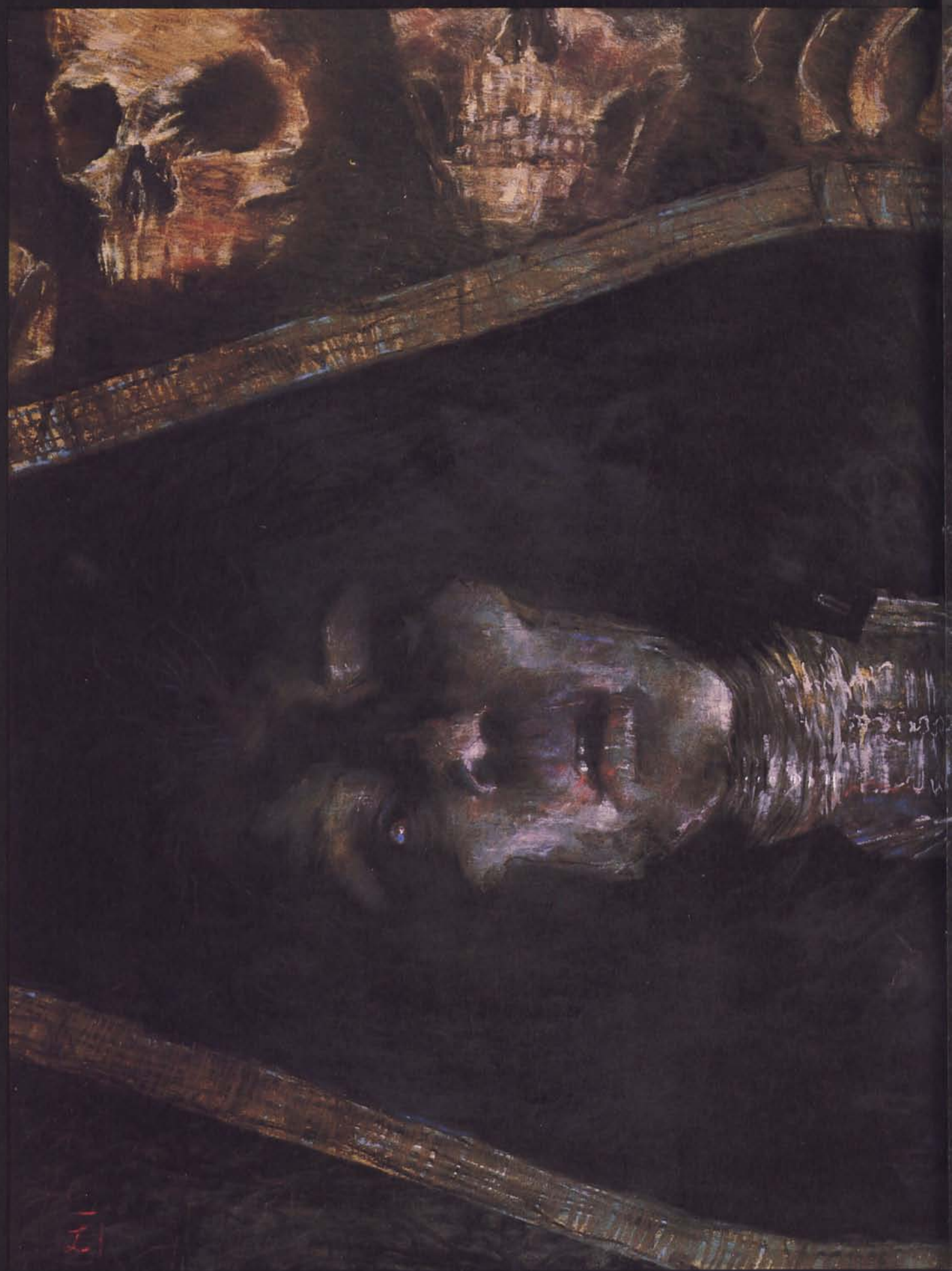
Им повезло. Мисс Крансвелл выжила. Некоторое время спустя братья повезли ее в Швейцарию, чтобы она окончательно выздоровела и окрепла в живительном горном климате.

Прошло несколько месяцев, и семья вернулась в усадьбу Кроглин. По рассказам сестры братья уже догадались, что за существо напало на нее. Они решили уничтожить его. Девушка, оказавшаяся мужественной и неустрашимой, вызвалась помочь им.

В один из зимних дней она, как обычно, легла спать, но не засыпала, а ждала, когда взойдет луна. И вот снова в темноте сверкнули два огонька. Снова, как и в первый раз, мисс Крансвелл услышала поскребывание о раму окна. Она видела, как упало стекло и распахнулись створки окна.

Но теперь она была не одна. В комнате затаились ее братья, вооруженные пистолетами. И когда вампир взобрался на подоконник, они выстрелили. Существо мгновенно исчезло, послышался лишь стук упавшего тела. И вслед за этим они услышали страшный вой. Расплывчатая тень летела через лужайку к кладбищу.

Крансвеллы ждали всю ночь, не решаясь выйти на улицу, где мог бродить этот раненый демон тьмы. Как только первые лучи рассвета пронзили уходящую ночь, братья отвели мисс Крансвелл на соседнюю ферму. Сами же вместе с соседом и его слугами поспешили на кладбище, на-

ходившееся неподалеку от усадьбы Крог-лин. Люди осмотрели церковь. Она была пуста, но рядом с алтарем они увидели небольшую дверцу, ведущую в усыпаль-ницу под церковью. И здесь перед ними предстала ужасающая картина.

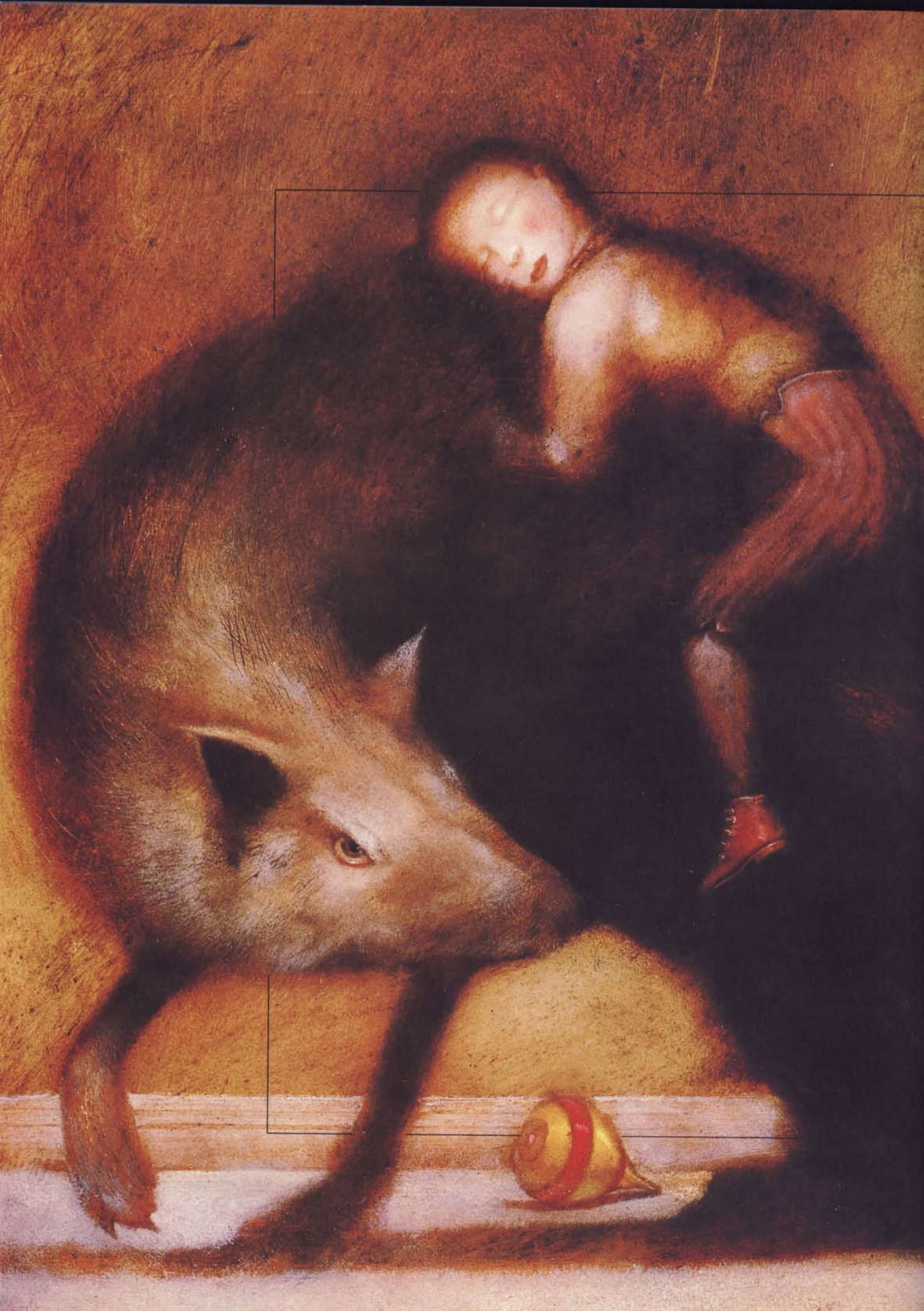
Гробы в усыпальнице были оскверне-ны — вынуты из ниш и открыты. На каменном полу грудами лежали вытащен-ные из гробов кости. Все они были разло-маны, раскрошены, и следы человеческих зубов оставались на многих из них.

Лишь один-единственный гроб был не потревожен, хотя и стоял открытым. В гробу спокойно, неподвижно, как мер-твец, лежал ночной гость усадьбы Крог-лин. Застывшее бледное лицо, кроваво-красные губы, широко открытые глаза. Но в них не было тех зловещих огонь-ков. Глаза словно бы потухли и ничего не выражали. При дневном свете вам-пир был бессилен. Одна нога его крово-точила от пулевого ранения.

В мрачной тишине люди сотворили то, что должны были совершить. Они вытащи-ли гроб из усыпальницы на залитое днев-ным светом кладбище и здесь сожгли его дотла, а потом развеяли пепел по ветру, чтобы вампир уже никогда не смог возродиться.

Никто так и не узнал, как появился здесь вампир и почему он охотился имен-но на одного из членов семьи Крансвел-лов даже после того, как Фишеры, быв-шие владельцы усадьбы, покинули ее.

Когда жителей деревни спрашивали об этом, они пожимали плечами и отворачи-вались. Впрочем, такие необъяснимые по-сещения не были редкими. Но после все-го случившегося Крансвеллы покинули усадьбу Кроглин, и еще многие годы спус-тя дом оставался пустым.

Глава четвертая

С Пути оборотня

Старинная крепость в городе Магдебурге в прусской Саксонии производила впечатление спокойствия и безопасности. В прошлом веке Магдебург, стоящий на реке Эльбе, большей частью был застроен деревянными домиками с крутыми крышами. В каналах и бухтах теснились баржи. Улочки были вымощены каменными плитами. Запутанной паутиной они окружили центр и выходили в сторону полей, засеянных пшеницей.

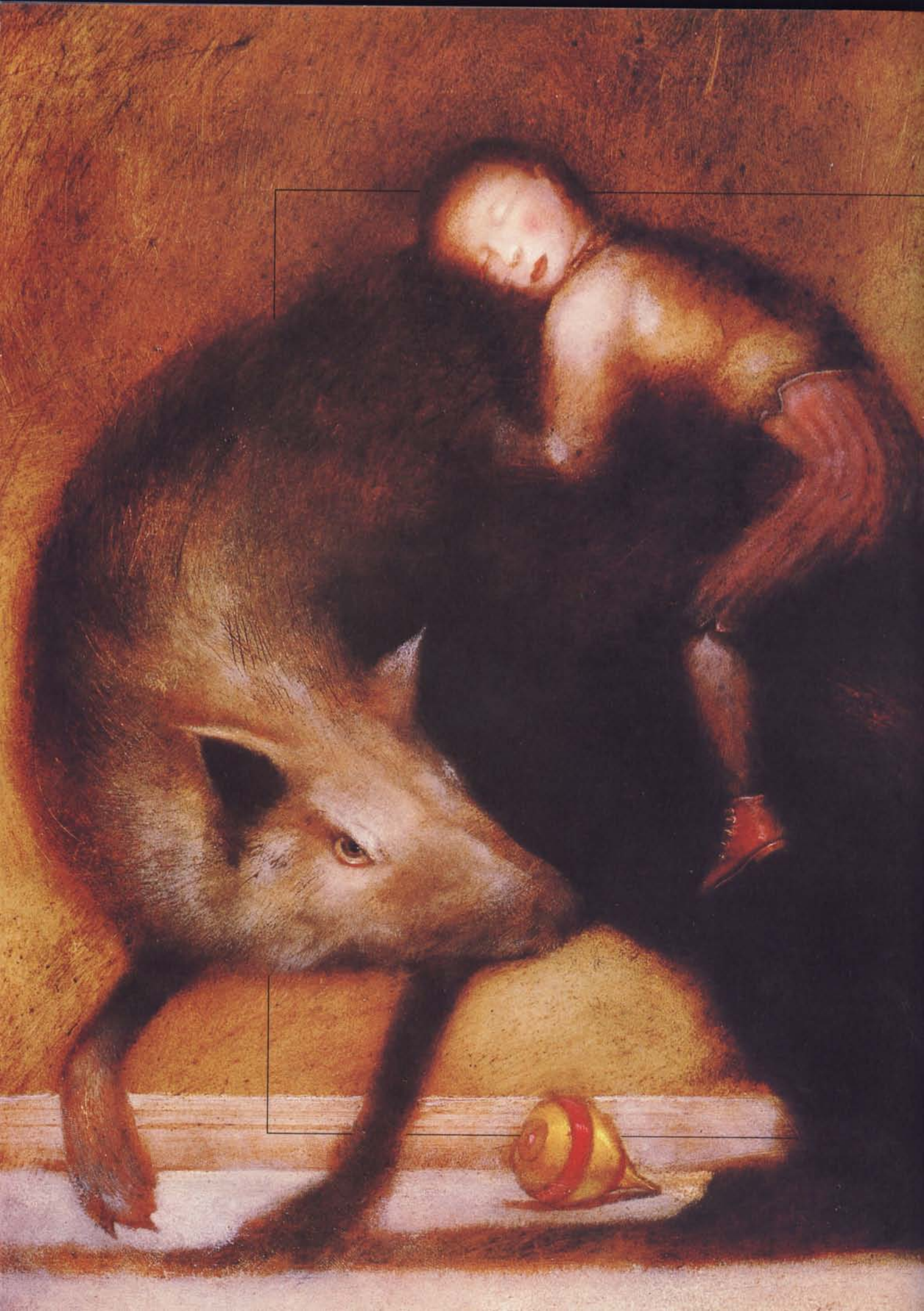
За полями неясно вырисовывались склоны гор Гарц. Маленький город был словно солнечным ост-

ровом в море теней. Но никак он не был защищен от парящего в старину волшебства, которое таилось в лесах с высокими соснами. И вот что случилось однажды зимой.

Странные дела стали твориться еще в январе, когда каналы были скованы льдом, а укутанные снегом улицы города мерцали голубым светом в ранних сумерках. Добрые люди старались оставаться у теплых печек и не прислушиваться к завываниям ветра в ближних горах. Но в одну из таких ночей прямо из детской исчез ребенок. На следующую ночь пропал еще один, уже из другого дома. Никто не слышал ни крика, ни шума. В опустевших комнатах все оставалось на своих местах.

Но очень скоро все разъяснилось. Снаружи, у стен дома обнаружили сле-

ды когтистых лап с характерной треугольной подушечкой — в них безошибочно узнали волчьи следы. Жители города вспомнили о прошлых зимах, когда звери покидали свои норы в лесу и прокрадывались на пустынные ночные улицы города в поисках пищи. Январь в тех местах так и назывался «месяцем волка», потому что оголодавшие к этому времени волки безбоязненно бродили возле человеческих жилищ.

Но волки обычно охотились парами или стаями, а следы в Магдебурге указывали, что зверь бродил в одиночку. И что это за волк, умеющий бесшумно проникать в дом? Что же это за зверь такой, незамеченным проскальзывающий в комнату, чтобы похитить ребенка?

Все эти вопросы, бесконечно повторяясь, задавали люди Магдебургскому городскому судье, которого звали Бребер. На вопросы взбешенных горожан вразумительного ответа у него не было. Он приказал объявить запрет на хождение по улицам ночью. Он расставил на каждом углу вооруженных мужчин. Но ночной вор оставался неуловимым. Дети в городе продолжали пропадать. Дети простых людей, дети торговцев, дети лодочников, дети сторожей. Пропадали и дети зажиточных горожан — маленький сын адвоката, дочь коменданта крепости.

Жители Магдебурга сначала жаловались, просили, а потом и стали упрекать судью, будто он был виноват в тайных злодеяниях. Даже его золотоволосая жена, у которой не было детей, начала смотреть на него косо. Она старалась избегать его, и несчастный уже

не рисковал и заглядывать в ее спальню.

Но он был совестливый и смелый человек. Вооруженный мечом, обходил он теперь дозором холодные ночные улицы. Однако никого, кроме ночных стражей, которые уныло приветствовали его, не встречал судья на пустынных улицах ночного города.

И вот однажды ночью кто-то окликнул его. Мела метель, и судья Бребер заплутал в извилистых улицах и узких переулках бедного квартала. Наконец он остановился, чтобы оглядеться и закурить трубку. Тут и бросилась на него маленькая фигурка.

Он схватил ее, не успев разглядеть в темноте. Вгляделся и различил растрепанную, в лохмотьях женщину. Он узнал ее. Это была та женщина, которая одной из первых потеряла своего ребенка, и потеря эта помутила ее рассудок. Теперь она бродила по улицам и что-то беспрерывно бормотала себе под нос.

Бребер прислушался к ее бормотанию.

— У ночи есть зубы, — хрипло шептала она. — У ночи есть когти. И я нашла их.

Бребер отпустил женщину, и она тут же скрылась, воя и невнятно бормоча. Судья последовал за ней. Женщина словно бы бессмысленно кружила по темным улицам, но упорно шла в одном направлении. Она устремилась к центру маленького предместья, вышла из города и побрела в покрытые снегом поля. Бребер не отставал. Женщина углубилась в сосновый бор по узкой тропинке, которую он помнил еще с осени, когда охотился в этих местах. Она бежала зигзагами, как собака, которая принохивается к дороге. Вдруг она резко свернула с тропинки и нырнула в заросли кустарника.

Через мгновение она с торжествующим воплем выскочила оттуда. Бребер увидел впереди нее закутанную в темный саван

прыгающую на четырех ногах фигурку с каким-то зажатым в зубах свертком. Женщина погналась за непонятым существом с такой быстротой, что Бребер потерял ее из виду. И все же идти по ее следу при слабом свете луны было легко. Выхватив меч, Бребер побежал за удаляющейся женщиной.

След оборвался через несколько шагов на поляне, которую Бребер хорошо знал: там была отличная охотничья сторожка, где он иногда находил приют во время охоты. Еще издали он услышал приглушенные крики женщины, перекрываемые злобным звериным рычанием.

Не колеблясь, Бребер ринулся к двери и с грохотом ввалился внутрь.

Старая сторожка превратилась в место кровавой бойни. Среди раскиданных маленьких костей распростерлось тело истерзанной женщины, за которой он следовал. Половина ее лица была съедена, и единственный оставшийся глаз слепо уставился в потолок. Одежда ее была разорвана в клочья, живот распорот. Она дернулась, что-то булькнуло в горле, и женщина затихла.

Рядом с телом женщины дрожала крохотная фигурка ребенка. Над ними навис убийца. Бребер отшатнулся. Убийца оказался странным существом — то ли зверь, то ли человек. Бребер видел перед собой монстра, голова которого была волчьей, по-волчьи мерцали холодные глаза, с обнаженных клыков стекали капли крови и падали на женскую грудь, а волчья голова была обрамлена белокурыми волосами, кольцами ниспадавшими на покрытые густой шерстью плечи. Тонкие женские руки оканчивались страшными когтями.

Существо подняло голову и с рычанием устремилось к Бреберу. Но он оказался проворнее. Молниеносным движением воткнул он острие меча в сердце женщины-зверя и удерживал рукоять двумя ру-

ками, пока существо кричало и корчилось, пронзенное длинным клинком. Наконец оно упало к ногам судьи, и тот с силой вырвал меч из поверженного тела и занес его, намереваясь отрубить ужасную голову.

Но так никогда и не опустил его меч. Перед его растерянным взором произошло мгновенное превращение чудовища. Его мех исчез, и горбатое его тело выпрямилось. На окровавленном полу лежал уже не волк и не его подобие, а хрупкая женщина.

Она протянула к Бреберу слабую руку. Затем рука эта бессильно упала, и жизнь в ее глазах стала угасать. Это была жена Бребера.

Спустя какое-то время Бребер поднял плачущего ребенка и покинул сторожку. Со слезами на глазах принес он ребенка назад в Магдебург и поведал жителям города обо всем, что произошло. Он позволил им самим распорядиться телом своей жены и больше никогда о ней не упоминал.

Но жители города помнили о ней многие годы. Поговаривали, что осенью, когда жена Бребера вместе с ним охотилась в горах Гарц, она попила воды из горного источника и заплатила за это ужасную цену.

Вода, которая была ключом на поверхности земли, как утверждали, текла из древнего подземного источника. Она была пропитана темным колдовством прежних времен, и колдовство это было древнее даже самых долголетних лесов. Единственный глоток мог оставить внутри человека неистребимый, разъедающий яд колдовства. Несчастные люди, которые неосторожно пили из подобных ручьев или источников, теряли половину своей человеческой сути. Дни они проводили в человеческом облике, а ночью превращались в кровожадных зверей, напоминав-

Превращение в вервольфов (волков-оборотней), обретение животной силы достигалось потерей человеческого облика. Человек обрастал шерстью, во рту появлялись острые клыки, а в сердце рождалась страсть убивать.

навших миру о силах давней дикой эры.

Невольно и жена Бребера присоединилась к тайной, пугающей стае ночных духов. Она стала вервольфом — волком-оборотнем. Имя это происходит от англо-саксонского «wege» — человек. Эти существа, полулюди, полуволки, не были редкостью. И хотя люди немало возвысились над своими меньшими братьями зверьми — построили такие процветающие города как Магдебург, возвели громадные соборы, парящие в небесах во имя прославления души, — в них еще оставалась эта неведомая звериная сущность, которая стараниями злых духов могла выплеснуться наружу.

Во всех уголках земли появлялись существа, которые жили двойной жизнью. Они принимали облик животного, которое мучило и убивало людей в своей округе. Отовсюду, из разных уголков Европы, где бродили дикие кабаны, медведи и волки, долетали истории о людях в облике зверей, охотившихся на родственников и соседей. В Индии люди боялись тигра-оборотня. Призрачные лисы-оборотни странствовали по Китаю и Японии.

Некоторые из этих существ были прокляты от рождения и по временам теряли свой человеческий облик. Другие, как жена Бребера, становились жертвами колдовства. А были и такие, что сами выбирали стезю животной, кровожадной силы и свободы дикого зверя. Рассказывали, например, что жившие среди людей ведьмы и колдуньи узнавали от сатаны способ превращения в дикого зверя. Они натирали себя мазями, которые изготавливались из жира младенцев и ядовитого болиголова, белены и были овеяны духом ночных призраков. Среди

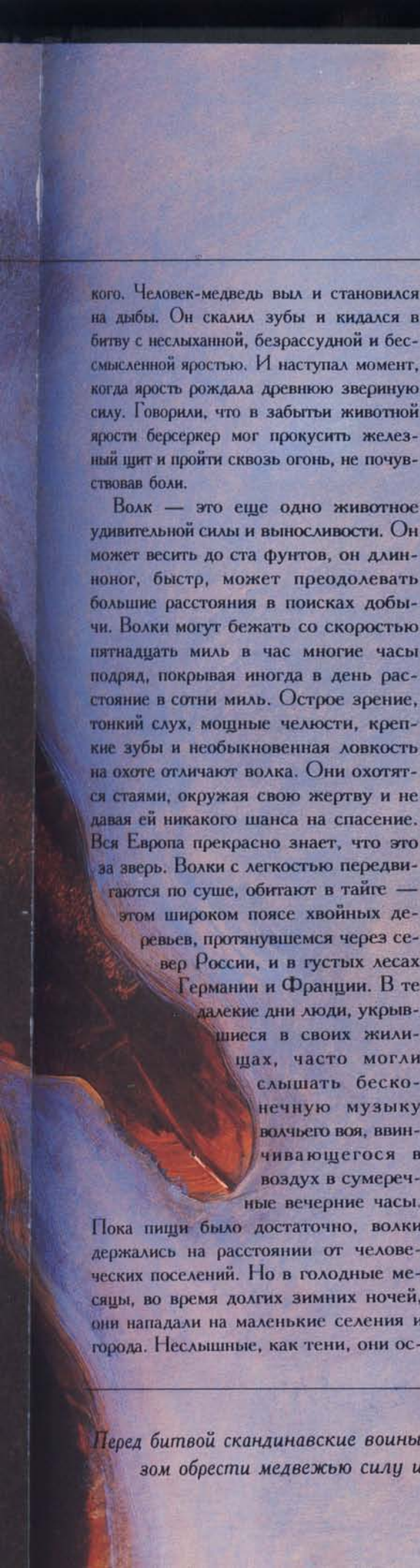
германских народов считалось, что специальные пояса, изготовленные из шкуры волка или кожи повешенного, могут изменить облик человека. На Балканах колдовство грозило тому, кто пьет из звериного следа или съедает мозг животного.

Люди, занимавшиеся таким колдовством, считалось, отказываются от человеческой своей сути ради приобретения невиданного могущества. Жизнь людей в те времена была очень тяжелой. Большинство вело жестко ограниченную жизнь, слепо повинаясь божеству или светской власти, и часто было придавлено голодом, болезнями, войнами. Но те, кто становился оборотнем, могли покидать тесную тюрьму человеческой оболочки и свободно странствовать в бескрайнем мире тьмы с его острыми запахами и призывными тайными звуками. Сбрасывая путы рассудка и человеческих чувств, отвергая всяческую мораль и необходимость выбора между добром и злом, осчастливленные ловкостью, быстротой, силой и могуществом зверя, даже самые смиренные из них становились хозяевами леса и своих прежних соседей и приятелей, если желали этого.

С самых ранних времен люди, в сущности, желали иметь силу животного. В надежде обрести такую силу воины из различных первобытных племен обряжались в шкуры животных, идя на битву. В норвежских войсках встречались воины, которые заворачивались в шкуру медведя, надеясь перелить в себя его недюжинную силу. От слова, обозначающего это одеяние — «bearsark» — или «медвежья рубаха», они и получили свое прозвище берсеркеры. Враги, столкнувшиеся с таким противником на поле брани, не могли узреть в этом обряженном в толстую медвежью шкуру человеке ничего человечес-

кого. Человек-медведь выл и становился на дыбы. Он скалил зубы и кидался в битву с неслышанной, безрассудной и бессмысленной яростью. И наступал момент, когда ярость рождала древнюю звериную силу. Говорили, что в забытии животной ярости берсеркер мог прокусить железный щит и пройти сквозь огонь, не почувствовав боли.

Волк — это еще одно животное удивительной силы и выносливости. Он может весить до ста фунтов, он длинноног, быстр, может преодолевать большие расстояния в поисках добычи. Волки могут бежать со скоростью пятнадцать миль в час многие часы подряд, покрывая иногда в день расстояние в сотни миль. Острое зрение, тонкий слух, мощные челюсти, крепкие зубы и необыкновенная ловкость на охоте отличают волка. Они охотятся стаями, окружая свою жертву и не давая ей никакого шанса на спасение. Вся Европа прекрасно знает, что это за зверь. Волки с легкостью передвигаются по суше, обитают в тайге — этом широком поясе хвойных деревьев, протянувшемся через север России, и в густых лесах Германии и Франции. В те далекие дни люди, укрывшиеся в своих жилищах, часто могли слышать бесконечную музыку волчьего воя, ввинчивающегося в воздух в сумеречные вечерние часы.

Пока пищи было достаточно, волки держались на расстоянии от человеческих поселений. Но в голодные месяцы, во время долгих зимних ночей, они нападали на маленькие селения и города. Неслышные, как тени, они ос-

торожно крались по узким улочкам, заглядывая в окна и поскребываясь в двери, ловя малейшее движение и запах живого тела. Они опустошали хлева и загонны и нисколько не боялись людей. Говорят, что волки вторглись в город Париж во время жестокой зимы 1450 года, проскользнув в проломы в городской стене и убив около сорока человек.

Они приносили смерть, и их боялись так же, как и саму смерть. Считалось, что волки были душами древних диких людей, и поэтому во Франции сумеречную часть суток, когда начинался волчий вой, называли «часом между волком и собакой» — собака была слугой человека, а волк — его хозяином.

И находились такие люди, которые готовы были превратиться в волка, лишь бы заполучить его власть над себе подобными. Если им это удавалось, то они становились волками-оборотнями, еще более жестокими, чем волки, потому что они были напитаны злом. Оборотни были тайными врагами, которые днем ходили среди людей, а по ночам набрасывались на них.

Некоторые смертные становились свидетелями того, как волк-оборотень превращался из человека в животное и наоборот. Тот, кто видел это, из страха сохранял свою тайну ото всех. И все же иногда человек не удерживался и рассказывал другим обо всем виденном.

Такая история произошла с римским рабом Никеросом, который как-то ночью вышел из дома своего хозяина, отправляясь на свидание с женщиной. Был тихий ясный вечер. Никеросу повстречался знакомый солдат, веселый и приветливый человек, и они пошли вдвоем. Шли два человека по дороге через оливковую рощу, непринужденно болтая о том о сем. Путь их пролегал среди белеющих

Перед битвой скандинавские воины надевали большие медвежьи шкуры, в надежде таким образом обрести медвежьей силой и смелостью, которая помогла бы им сокрушить любого врага.

во тьме могильных плит. Спутник на мгновение отстал от Никероса, а тот залюбовался желтой луной, плывущей в темном небе. Вдруг дикий рев раздался позади него. Раб обернулся.

В лунном свете стоял совершенно голый солдат. Его туника и сандалии валялись на земле. Волосы на его теле прямо на глазах у изумленного Никероса превращались в густой блестящий мех. Руки судорожно дрожали, и на концах пальцев вырастали кривые острые когти. В конвульсиях преображенный солдат пробежал несколько шагов, захрипел и упал. Через некоторое время он поднял голову и посмотрел на Никероса.

Раб, прикованный к месту ужасом, глядел на солдата. Человек, которого он знал, исчез. Вместо него стоял волк с желтыми, мерцающими в ночи глазами.

Зверь не нападал. Он задрал голову, и из глубины его горла вырвалась тихая протяжная нота, которая постепенно превратилась в дикий и тоскливый вой. Эхом прокатился этот вой среди могильных мраморных статуй. Вдруг волк повернулся и большими прыжками понесся мимо оливковых деревьев.

Никерос долго не раздумывал. Он бросился бежать вниз по дороге, не останавливаясь, пока не достиг маленького домика, где жила его возлюбленная. Когда он прибежал, здесь уже свершилось злодеяние. Волк напал на крестьянских овец, запертых в овчарне. Они лежали мертвые, шерсть их пропиталась кровью. Увидев это, Никерос с волнением поведал свою страшную историю. Девушка увещевала его, поила вином и успокаивала ласковыми словами. Это был обычный волк, говорила она, и крестьянин

уже прогнал его, даже ранил заостренной бочарной доской.

Но когда наутро Никерос возвращался обратно в город, он вдруг увидел на кладбище подтверждение того, чему был свидетелем накануне ночью. Его приятель солдат лежал среди каменных могильных плит и умирал от колотой раны, полученной прошлым вечером, раны, происхождение которой он отказался объяснить даже в свой последний час.

Если бы солдат и избежал насильственной смерти, он все равно был обречен уже в тот момент, когда обрел звериную силу и свободу, за что должен был заплатить высокую цену. Человек, отказавшийся от своей человеческой сущности, становился пленником двух миров — мира животных и мира людей, но постепенно все больше и больше погружался в глубины дикости. Со временем он удалялся от простых человеческих радостей — ясных глаз ребенка, вкуса свежеспеченного хлеба, вечерних бесед у домашнего очага. Он терял дар познания и радость лицезрения красоты, мечты, плач, смех, любовь. Но оставались лукавство и притворство днем и одинокие ночи, наполненные кровью и убийствами. Говорили, что вой волка-оборотня был намного печальнее, чем вой дикого волка, потому что в нем слышалась горькая жалоба на свою судьбу.

И действительно, жизнь их была отвратительной. В сущности, самые ранние легенды о волках-оборотнях описывают людей, преданных проклятию подобно Ликаону, древнему тирану Аркадии, что в Западной Греции. Этот царь, злобный и ненавидящий всех, решил проверить пронырливость Зевса и подал ему на пиру куски жареного человеческого мяса. Оскорбленный бог превратил тирана в волка, обрек на голод и в то же время оставил ему человеческий разум, чтобы тот пони-

мал и чувствовал наложенное на него проклятие. Эта история и дала то известное теперь повсюду слово — «ликантропия», что означает — волк-оборотень.

Иногда причиной проклятия было обыкновенное любопытство, хотя это и не так запретно, как высокомерие Ликаона. Поэты Скандинавии сложили песни о подвигных приключениях двух воинов могущественного клана Вольсунгов.

Вождь по имени Зигмунд как-то со своим сыном Синфьотли путешествовал пешком вдоль суровых фьордов по сосновому лесу. Стоял отличный летний день. Сезон длинных, наполненных светом дней и радостной охоты. День, когда старший давал младшему последний урок мужества.

Утром они набрали на домик, затерявшийся в лесу и очень похожий на пристанище разбойников. Синфьотли откинул занавеску, закрывавшую дверной проем, и заглянул в хижину. Здесь было темновато, но достаточно света, чтобы увидеть две фигуры спящих мужчин. С потолочных балок свисали две прекрасные волчьи шкуры, головы были совершенно не тронуты, со сверкающими клыками и словно бы дышащими открытыми пастьями. Тихо, как вор в ночи, проскользнул в хижину Синфьотли и взял шкуры.

Шутя, он надел самую большую из шкур на себя, а другую протянул отцу, и тот сделал то же самое. Они поглядели друг на друга и удивились, так, словно зеркальное отражение, были они теперь похожи. Зигмунд, желая сказать что-то, разинул пасть, и из нее вдруг вырвался гортанный лай. Сына его неуклюже скреб лапой шкуру, которая вдруг намертво приросла к его телу. Оба

они упали на траву, стали кататься с боку на бок, но все оказалось бесполезным. Вместо двух воинов теперь стояли два волка.

Волчьи инстинкты зародились в них мгновенно. Они бегали между деревьями, то и дело принюхиваясь, будто кого-то выслеживали. Стоило им учуять человеческий запах, как они ринулись по следу и добежали до поляны, где вокруг небольшого угасающего костра спали охотники.

Зигмунд и Синфьотли выскочили из леса. Их челюсти сомкнулись на шеях спящих людей. Горячая, сладко пахнущая человеческая кровь заструилась по их мордам. Кровожадная пара зарылась носами в теплую человеческую плоть. Волки с жадностью рвали мясо убитых ими людей. Они, как это делают все волки, ели до тех пор, пока бока их не раздулись и желудки не переполнились.

Синфьотли в конце концов упал на землю, тяжело дыша. Волк, который был его отцом, приблизился к нему. Молодой принял это движение за угрозу и в бешенстве оскалится. Он вскочил на ноги, упругий, сильный, шерсть на загривке дыбом. Старый волк неожиданно для себя рванулся вперед и вонзил зубы в глотку Синфьотли. Истекающий кровью молодой волк упал к ногам своего отца. И тут, будто смутное человеческое чувство проснулось в его волчьей душе, старый волк лег рядом с молодым, скуля и заливывая рваную рану.

Несколько часов два зверя лежали среди людей, которых они убили. И вдруг, по причине, которую они никогда не могли объяснить, сила заклинания исчезла, и волчьи шкуры отстали от их человеческих тел. Отец и раненый сын стояли на двух ногах и с ужасом рассматривали место кровавой резни. Молча, с печальными лицами, они развели огонь и сожгли волчьи

шкуры, которые уничтожили их человеческий облик.

Не каждому смертному удавалось так легко освободиться от пут заклятия. Это нередко кончалось трагично, потому что животная сила не всегда являлась вместе со звериным обликом.

Звериные skóry, эти одежды злой силы, существовали словно бы для того, чтобы улавливать неосторожных смертных. Но человека подстерегали и другие опасности. В Италии те, кто решался спать на улице в ночь под пятницу при полной луне, светящей в лицо, рисковали превратиться в волка-оборотня. Пастухи, пьющие из ручьев после волков, тоже могли стать оборотнями. В некоторых странах считалось, что такое превращение уже предназначено судьбой от рождения. Немцы верили, что в семье, где одна за другой рождались семь дочерей подряд, седьмая обречена была стать волком-оборотнем. На Балканах тот, кто срывал и носил редкий болотный белый цветок, название которого ныне забыто, непременно превращался в волка. В других странах обреченными считали детей, рожденных под Рождество, потому, вероятно, что это происходило накануне зимнего солнцестояния, когда зло открыто являлось на землю. Возможно, это и от того, что ночь эта была посвящена рождению Христа.

Жертвы зла не всегда полностью были поглощены им. Многие не испытывали удовольствия от диких инстинктов, управляющих ими. Были такие волки-оборотни, которые охотились на других живых существ только под угрозой голода, а в остальных случаях отчаянно боролись с довлеющим над ними проклятием. Были и такие, что научились определять приближение ужасного превращения в кровожадного волка, которое чаще всего происходило

ночью, на закате или же в полнолуние, а иногда, на их счастье, всего лишь раз в год. Такие люди заранее приготавливали в своем доме тайную комнату и запирались там, когда чувствовали приближение страшного часа. Комнаты эти старались располагать в самых дальних уголках дома, чтобы никто не мог услышать волчьего воя и рычания. А замки и запоры делались настолько хитроумно, что зверю открыть их было невозможно. Когда же человек обретал снова свой облик, он легко справлялся с замками и задвижками.

Иногда все это становилось известным другим людям. Такое случилось несколько веков тому назад в Ломбардии, одной из областей Италии, в аккуратной благочестивой и благочинной деревеньке, которая называлась Сан Анджело.

С тычка с волком-оборотнем в этой деревне произошла в Сочельник, когда в церкви засияла в свете свечей фреска Рождества Христова. Радостные огоньки зажглись в каждом доме. Запах усеянных изюмом рождественских пирогов и маленьких в форме шляпы пирожных, которые назывались капелетти, витал в узких улочках. В этот радостный час в одной семье родился мальчик. Но счастья его рождение не принесло. Появившийся на свет в это время ребенок был обречен стать волком-оборотнем. И все жители деревни знали это.

Но они были дружными, сильными и добрыми людьми. Вся деревня собралась в домике этой семьи. Мальчика оставили в живых. Он рос нежным и ласковым. Играл с другими деревенскими детьми в тени высоких тополей, пас коз

Из уст в уста передавалась история о мужчинах из клана Вольсунгов. Сами того не желая, они навлекли на себя беду, когда в шутку надели волчьи skóry. Волчьи инстинкты поглотили их души, стравив отца и сына.

Коварный убийца

Все дети знают сказку о Красной Шапочке и ее чудесном избавлении от волка. В давние времена дети знали совсем другую, мрачную историю Красной Шапочки.

В Германии зима всегда была голодным временем. Волки с поджатыми пустыми брюхами рыскали вокруг человеческих жилищ. Но существо, которое повстречала Красная Шапочка, было гораздо крупнее волка. Этот волк явно когда-то был человеком, потому что отлично знал нравы и привычки людей и наивность маленьких девочек.

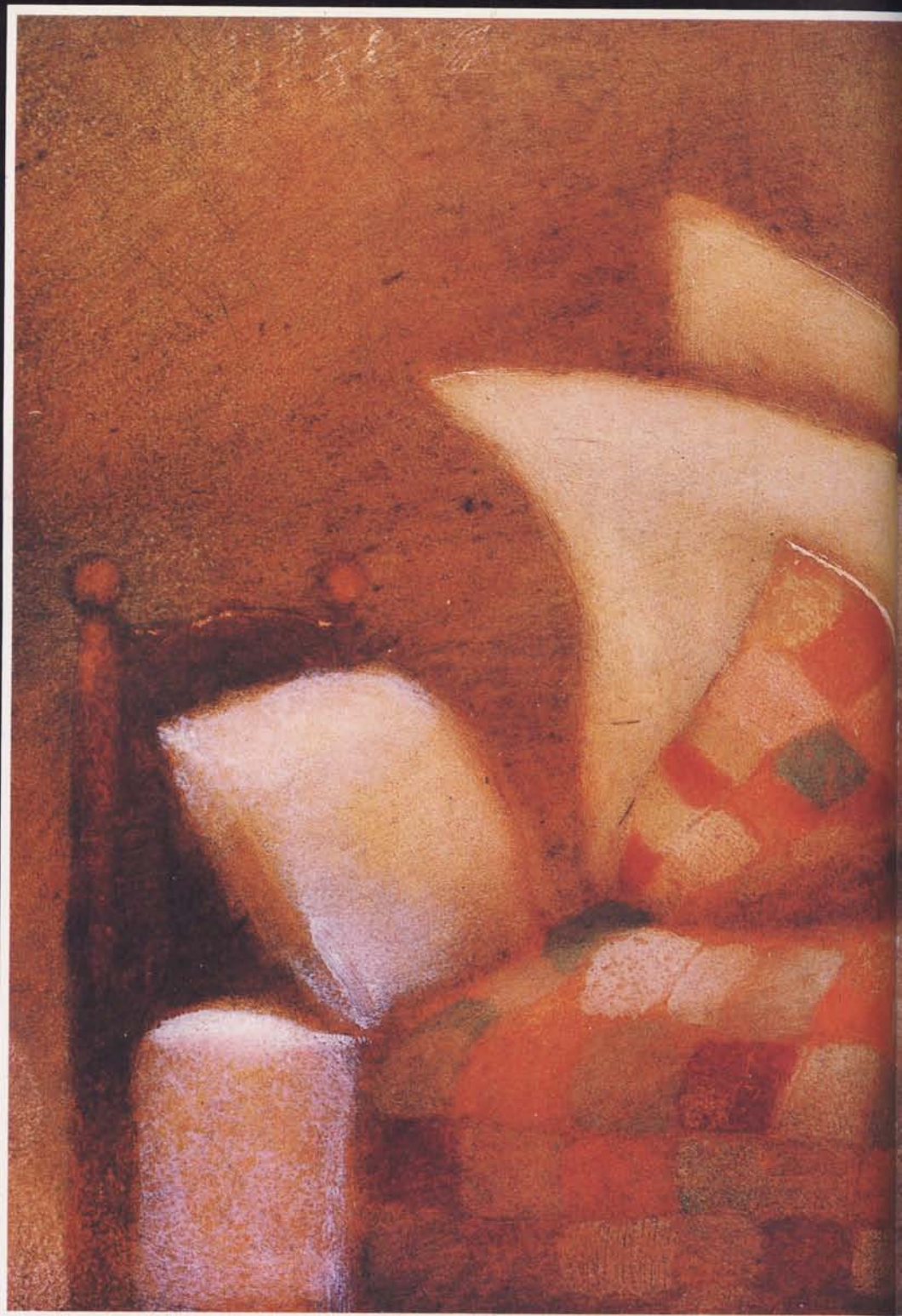
Когда он заметил крохотную фигурку в ярком плаще, мелькающую среди деревьев на тропинке, то уже готов был броситься на нее, но вокруг были люди. И он тихонько окликнул ее из-за кустов:

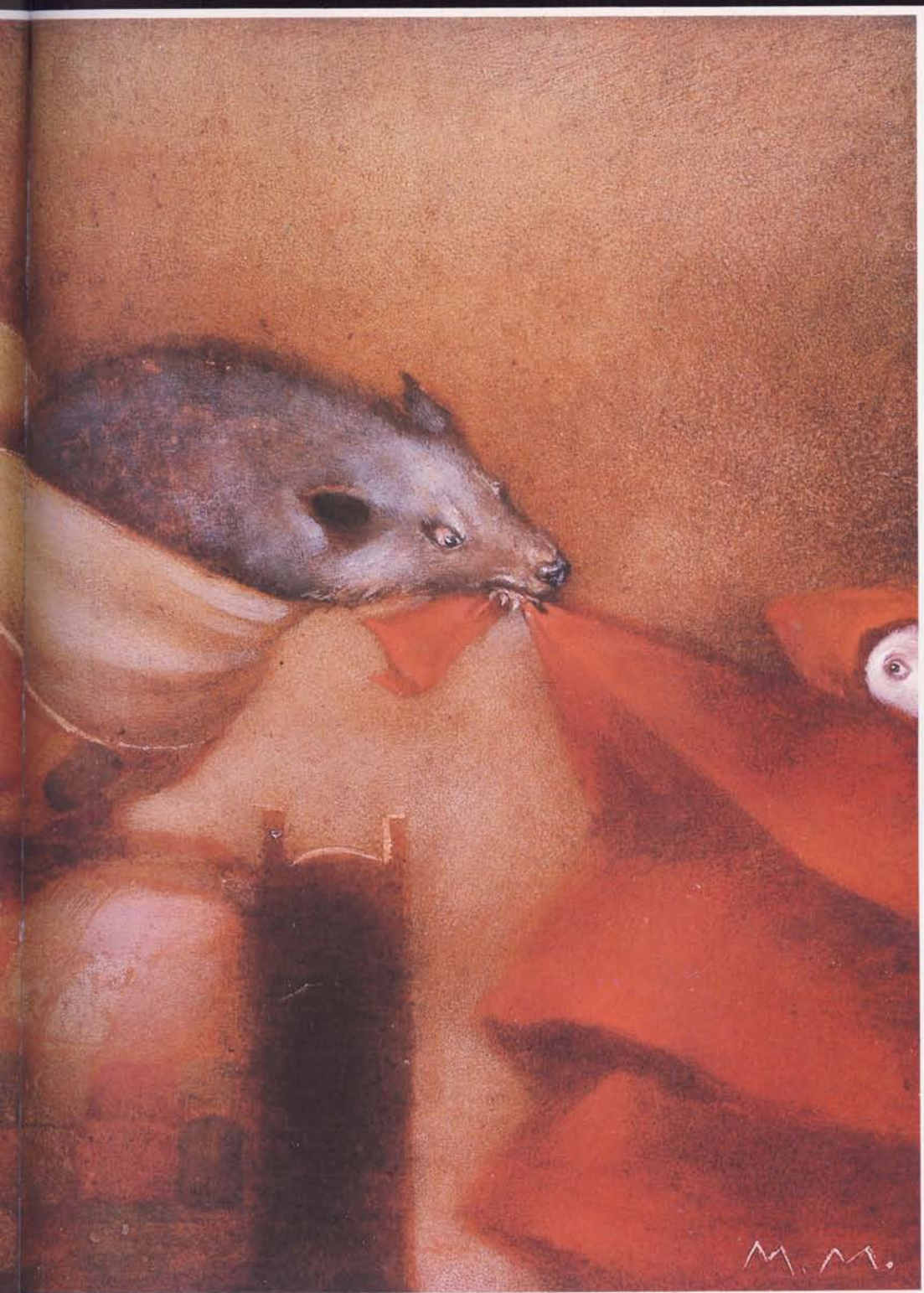
— Куда ты идешь, милая девочка?

Увидев в кустах ежевики серебристую, похожую на морду собаки, голову, Красная Шапочка улыбнулась, обрадованная тем, что животное говорит по-человечьи.

— К моей бабушке, собачка, — ответила она. — Домик ее стоит в конце этой тропинки.

В голове у волка тут же созрел план. Помахав хвостом, он понесся по боковой тропинке к маленькому

домику. Здесь он быстро расправился с бабушкой. Но без особого удовольствия — она была старой и высохшей. Не теряя времени, он забрался в ее уютную постель и стал ждать.

Через некоторое время в дверь постучала девочка.

— Входи! — проскрипел волк.

Красная Шапочка вошла и остановилась в недоумении. Волк выглянул из-под одеяла.

— Бабушка, почему у тебя такие большие уши? — спросила девочка.

— Чтобы лучше слышать тебя, моя дорогая.

Девочка подошла поближе.

— Бабушка, почему у тебя такие большие глаза?

— Чтобы лучше видеть тебя, дорогая.

Еще ближе подошла девочка.

— Бабушка, какие у тебя большие зубы!

— Чтобы съесть тебя!

Испуганная Красная Шапочка хотела убежать, но волк был быстрее, и через мгновение зубы его щелкнули и сомкнулись.

Долго пировал волк-оборотень, наслаждаясь свежей молодой кровью. Остатки недоеденной человеческой плоти он припрятал.

Ночь кралась по пустынным улицам, воплощаясь в кровожадных зверей. И люди-оборотни ничего не могли поделать со своими инстинктами, хоть потом и страдали. Так и волк-оборотень из Италии, совсем не желая того, убил и съел свою жену.

на берегу реки По, выучился искусству виноделия и сыроварения.

И все же один раз в году, в ночь, когда колокола сзывали на Рождественскую мессу, проклятье настигало его. При первом же звуке колокола он с воплем кидался на землю, становился на четвереньки, корчился в уличной грязи и с трудом дыша, с пеной у рта постепенно терял человеческий облик. Тело его удлинялось и изменялось. Когда он поднимался вновь, это уже был не человек, а волк. Желтые глаза сверкали, из клыкастой пасти стекали вязкие слюны. Он без разбору кидался на соседей, на родителей. Пока он был маленьким мальчиком, жители Сан Анджело могли удерживать его. Когда же он стал старше, они отто-

няли его палками, хотя и старались не причинить вреда. Он огрызался и убегал в темнеющие поля, и никто не видел его до утра. Жители деревни запирали домашний скот и всю ночь молились за душу мальчика.

С наступлением рассвета юноша возвращался, всегда изнуренный, усталый и в пятнах крови. Весь день он отсыпался, а потом снова становился нормальным молодым человеком. Соседи старались не напоминать ему об этой ночи. Их дочери относились к нему, как и ко всем другим парням, не делая между ними никаких различий. На двадцать третьем году он женился на хорошенькой крестьянской девушке и завел свое хозяйство, как это делали все остальные в этой деревне.

Молодые составляли счастливую пару. И вполне благоразумную. Зная о проклятии мужа, молодая женщина каждый Сочельник перед полуночью отсылала его из дома, загоняла коз в маленький сарай на заднем дворе. Сама же она запиралась накрепко и не должна была открывать дверь всю ночь, пока не услышит три громких четких удара. Это означало, что муж вновь обрел человеческий облик и возвратился. Кровавый инстинкт отпустил его, и он не сделает жене ничего плохого.

Так они прожили несколько лет. Каждый Сочельник жена приказывала мужу покинуть дом, пока болезнь еще не успела нахлынуть на него. И каждый раз она замирала на всю ночь, слыша, как существо, в которое он превратился, роет когтями землю, стонет и воет в темноте. Рассвет всегда приносил три успокоительных стука в дверь. На третий она открывала дверь, чтобы впустить своего мужа, обессиленного, с пепельно-серым лицом. Она смывала кровь с его тела и с нежностью укладывала в постель.

Ж

изнь их так бы и продолжалась, если бы не оплошность его жены. Это случилось в тот год, когда она ждала первого ребенка. В этот вечер она была сонной и усталой. Как и прежде, она отослала мужа на улицу и присела у огня отдохнуть. После полуночи она задремала и со сна показалось ей, будто в дверь три раза постучали. Впрочем, это уже были догадки жителей деревни, поскольку они видели, что запоры и засовы отодвинуты изнутри, а дверь не взломана.

Только наутро соседи увидели, что случилось. По улицам шатался голый, плачущий молодой человек. Губы его были в запекшейся крови, волосы висели спекшимися от крови косицами. Сжалившиеся соседи укутали его одеялом и повели домой.

Здесь они обнаружили ужасную картину. Дверь была распахнута настежь. Внутри было холодно, и пахло угасшими угольями, рассыпавшимися по полу от порыва ветра, повсюду валялись черепки расколотой посуды.

Тайная жизнь стала явной

Оборотень, превращаясь в животного, менял свое обличье, но потом всегда был вынужден вернуться в свое собственное человеческое тело. Вот почему рана, полученная в обличье животного, неизбежно оставалась и на его человеческом теле. Послушайте историю, которая произошла во Франции.

Около Риома в Оверни, где леса вырастают среди гор, а вершины гор тянутся в небо прямо из гущи деревьев, жил граф. Однажды послал он своего главного охотника отловить волка, нападавшего на его стада. На закате дня охотник обнаружил волка в лесу недалеко от пастбища. Он загнал волка в кусты, и тут зверь повернулся к нему и оскалится. Стремительный прыжок волка застал охотника врасплох. Он упал. Но быстро поднялся, выхватил охотничий нож и отсек зверю его переднюю лапу. С протяжным воем волк исчез в лесу.

Охотник поднял отрубленную лапу, положил ее в сумку и с гордостью возвратился домой, отдав свой странный трофей графу. Но когда раскрыл сумку, лапы в ней не оказалось: вместо нее там лежала женская рука, на пальце которой сверкало кольцо с гербом графа.

Оба мужчины сразу поняли, что это означает. Отрубленная рука принадлежала жене графа. Тот отправился в ее комнату и нашел там, как и предполагал, целую толпу врачей. Они думали, что произошел несчастный случай, и с состраданием пользовали и перевязывали руку, лишенную кисти.

— Вот твоя рука, женщина, — сказал граф.

И он приказал сжечь заживо свою жену, которая на самом деле была волком-оборотнем.

Прежде всегда чистый и опрятный дом был разорен. И посреди комнаты лежало растерзанное тело молодой женщины, так изуродованной, что ее трудно было узнать.

Люди сделали то, что могли — они похоронили останки женщины и ребенка, которого она носила. Но теперь они отделились от ее мужа, этого несчастного носителя зла. Никто уже не хотел проявить к нему хотя бы внимание. И в скором времени он, не в силах больше переносить воспоминаний о том, что натворил, в отчаянии закололся.

Так несчастная смерть завершила то, на что он был обречен несчастным рождением. И жители Сан Анджело, люди добрые и смиренные, все же с облегчением восприняли кончину юноши, жившего среди них долгие годы. Они видели, что сотворили его зубы волка-оборотня, и не могли без содрогания вспомнить об этом и о том проклятии, которое тяготело над ним.

Такова уж была участь волков-оборотней, какими бы милыми и добрыми ни были они в обычной жизни, люди их все же боялись и радовались избавлению от чудовища.

А вот что случилось в Бретани, где трубадуры сложили балладу о волке-оборотне. В ней рассказывается о молодом бароне, который был заколдован, но никто не знал, как и кем. Три ночи из семи этот человек бродил один в лесах, раскинувшихся в его владениях. Подчиняясь ужасному порыву злой воли, он сбрасывал с себя всю одежду, которая была как бы единственной преградой между его человеческим обликом и звериной натурой. До утра он охотился на лесных зверей, а с рассветом вновь превращался в человека.

У барона была жена. Начало их семейной жизни было счастливым, и так могло продолжаться. Но жена, ревниво относившаяся к его частым отлучкам, лестью и хитростью выманила у него его тайну. Все изменилось в ее жизни. Теперь вместо человека она видела в своем муже лишь зверя, тающего в нем. Это наполнило ее отвращением к нему.

Она осталась равнодушной к его беде и боли и даже вознамерилась каким-то образом освободиться от него. Последовав за мужем в лес, она украла его одежду, которую он сбросил. Теперь она считала себя свободной.

Осужденный на существование в облике зверя, барон стал тосковать. Он уже не мог говорить человеческим языком, но, к счастью, звериные инстинкты в нем угасли, и он в конце концов превратился в нечто вроде домашней собаки у короля Бретани. Но все кончилось благополучно, как пелось в балладе. Предательство жены было раскрыто. К барону вернулся его человеческий облик, а неверная жена его отправилась в изгнание.

Бретонская история была легкой и даже поэтичной. Но все же она показывала, насколько сильна ненависть и отвращение людей к тем, кто был отделен от них злым колдовством. Во многих странах считалось, что каким бы ни был человек-оборотень в обычной своей жизни, его следовало убить. Даже в тех случаях, когда опасались, что убитые оборотни могут вернуться в виде вампиров, за ними все равно беспощадно и безжалостно охотились, как за дикими зверями.

Но у некоторых народов оставалась вера, что проклятие можно разрушить не только убийством, однако это требовало непоколебимого мужества от того человека, который встречался с волком-оборотнем в его зверином облике. Считалось, что если человек посмотрит животному прямо в глаза и произнесет: «Ты оборотень!» или трижды назовет его человеческое имя, заклятие спадет, и звериный облик растворится. Бытовало и другое поверье. Смертный должен был проколоть голову оборотня и выпустить из него три капли крови. Такая рана скоро затягивалась, а колдовство, приносящее столько бед и его носителю, и окружающим, потеряет свою силу навсегда.

Но все это требовало от людей даже большего, чем простое мужество. Мужчина или женщина должны были проявить благородство духа и любовь такой силы, чтобы победить отвращение, которое вызывают обезображенные колдовством оборотни. В одной французской сказке как раз и говорится о том, что может сотворить человеческое сострадание в споре с силами тьмы.

Сказка начинается с того, что отец предал свою дочь во имя спасения своей жизни. Впрочем, это лишь завязка всего повествования. А случилось вот что. Некий купец, странствуя по свету по своим делам, неожиданно-негаданно пересек во-

лшебную границу территории неведомого зверя и попал к нему в плен. За свою неосторожность купец должен был заплатить своей собственной жизнью или жизнью дочери, которую он горячо любил. Он называл ее — моя Красавица. Но любовь его оказалась слабее страха смерти. И поэтому, оплакивая свою судьбу, как повествуется в сказке, он возвратился домой и сказал дочери, что вынужден принести ее в жертву зверю.

Морозным январским вечером, после дня пути под низким небом сквозь черные обнаженные леса, он оставил девушку, как ему было приказано, около каменного моста через мрачное темное озеро, и уехал домой свободным человеком.

Красавица постояла некоторое время там, где ее оставили. Мост вел прямо к глухим воротам замка. Позади нее угрожающе скрипели черные стволы деревьев и бились на ветру голые ветви.

У девушки не было выбора. Она должна была идти вперед. В тот самый момент, когда она ступила на мост, массивные двери замка распахнулись. Но что там, внутри замка, ей разглядеть не удалось, потому что сводчатый проем ворот завешен был густым туманом. Она прошла под аркой и вновь очутилась в объятиях дневного света.

Впрочем, это был не обычный дневной свет. Над стенами замка, теперь золотыми от солнечных лучей, поднимался голубой свод неба, по которому бежали кудрявые барашки облаков. Перед ней раскинулся сад, разноцветный и пышный, словно мозаичное панно: зеленые спирали самшитовых стволов, пирамиды усыпанных красными ягодами падубов и цветы, в которых смешались все краски земли и времен года — подснежники и крокусы,

Обреченное жестоким колдовством на страшную жизнь в одиночестве Чудовище бродило по коридорам своего дворца-тюрьмы, охотилось ночью. Лишь человеческая любовь могла освободить его...

покинутое Чудовище было близко к смерти. Но спасение принесла любовь девушки, которую звали Красавица.

тюльпаны и ирисы, крупноголовые пионы и нежно-белые водосборы. Сад казался роскошным ковром, лежащим перед домом, который стоял посреди площади, разглядывающим Красавицу сотнями окон.

Она откинула капюшон своего плаща и пошла по дорожкам сада, под сводами сплетенных ветвей, в надежде увидеть, наконец, своего пленителя. Но здесь никого не было. Сад молчал. Воздух, наполненный ароматами цветов, замер. Вдруг свет постепенно стал гаснуть. Над садом повеяло холодом. Находиться в полутьме сада и там встретиться с хозяином этого замка она не решалась. Ничего не оставалось девушке, как покинуть сад и войти в дом.

Двери были распахнуты, и пока она ступала на порог и входила в белоснежный зал, звучал слабый перезвон колокольчиков. В огромном камине в конце зала запылал огонь. Вдоль стен, отбрасывая тени, зажглись свечи.

Ободренная, Красавица стала оглядываться. Никаких признаков жизни она не обнаружила. Но куда бы она ни ступила, куда бы ни вошла, вещи словно бы пробуждались. Свечи загорались, освещая ей путь. Двери отворялись сами собой, пропуская ее в увешанные роскошными гобеленами комнаты. Ставни распахивались, за окнами были видны все новые и новые залитые лунным светом уголки сада. Она обнаружила комнату, помеченную ее собственным именем и переполненную сокровищами, которые заставили ее улыбнуться — хрустальная шахматная доска с расставленными на ней фигурками, которые тут же склонились в вежливом поклоне, огромная люстра, которая вдруг заиграла очаровательную мелодию, перебирая стеклянными подвесками, маленький бассейн и серебряный кувшин, деловито выдыхающий облака ароматного пара, платяной шкаф, дверцы которого немедленно открылись, поражая радугой платьев, приветливо зашеlestевших при ее приближении, уютная кровать под белым шелковым балдахином.

Около кровати стоял стол, накрытый к ужину серебряными приборами и золотыми тарелками. Красавица вгляделась внимательнее, и улыбка слетела с ее лица. Стол был накрыт для двоих.

Но делать нечего. Она вздохнула и принялась украшать себя, словно для жертвоприношения. Она выкупалась, и услужливые полотенца обтерли ее. Платья, споря между собою, зашуршали перед ней, и она оделась. Наконец, шелестя шелками, она пошла к столу, ожидая увидеть того, кому отец отдал ее на заклятие.

Прошел час, а Красавица все сидела без движения, не обращая внимания на бокалы с вином, которые услужливо придвигались к ней. Вдруг из коридора донесся звук — медленные четкие, словно костяные, щелчки о пол, замершие прямо за ее дверью. Девушка поднялась, чтобы лицом к лицу встретиться с тем, кто должен был появиться. Дверь распахнулась. Перед ней в проеме стоял громадный сгорбившийся зверь. С трудом, царапая лапами створку двери, он поднялся на задние лапы и, шаркая, ввалился в комнату, принес с собой отвратительный, едкий мускусный запах звериного пота. Бросив быстрый взгляд на чудовище, на его тяжелую склоненную голову, на изогнутые клыки и острые когти на лапах, девушка отвернулась. Но Чудовище не бросилось на нее. Оно заговорило.

Слова были неясными, словно с трудом проталкивались сквозь горло и слетали с непривычного к человеческой речи язы-

ка. И все же она смогла разобрать, что говорит это Чудовище, и даже уловила печальные нотки в его голосе.

— Моя дорогая, тебе понравилось то, что ты видела? — спросило Чудовище.

Она отшатнулась, и тут же Чудовище проговорило как можно ласковее и мягче:

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Я не трону тебя, пока ты меня не покинешь. Только позволь посидеть с тобой немного.

Красавица кивнула. Она опять опустилась на стул. Девушка старалась не смотреть на Чудовище, но краем глаза заметила, как оно неуклюже забралось на стул, а в тарелке перед ним появился кусище алого сырого мяса и огромная кость. Чудовище склонилось над тарелкой. Оно, тяжело дыша, грызло, лакало, чавкало. Перед девушкой в ее тарелке появился чудесно жаренный цыпленок в сметанном соусе. Но аппетита у нее не было.

И все же первый вечер ее поразило. Когда Чудовище насытилось, оно отодвинулось от девушки подальше, чтобы до нее не доносился его мерзкий запах. Оно начало говорить, и так спокойна и очаровательна была его речь, что девушка поначалу заслушалась, потом стала отвечать, а затем и вовсе засмеялась. При этом звуке Чудовище умолкло. После минутного молчания оно вдруг прохрипело:

— Я должен спросить тебя: ты выйдешь за меня замуж?

Красавица замотала головой и, дрожа, прижала руки к груди. Чудовище не сделало ни одного движения в ее сторону. Оно сидело неподвижно и замерло, как застывает испуганное животное. Красавица

вида посмотрела на него и тут заметила бархатные глаза Чудовища, обрамленные темными ресницами, как у человека. На глазах у него сверкали слезы.

Он отвернулся от нее и неуклюже, шаркая ногами, пошел к двери. Здесь он упал на все четыре лапы и исчез в коридоре. Дверь закрылась за ним. Свечи в комнате вспыхнули и погасли. Золотая посуда со стола пропала. С мрачным шорохом раздвинулись занавески у кровати, словно приказывая ей ложиться спать.

Всю ночь когти Чудовища клацали по коридору за дверью ее комнаты. Туда и обратно. Туда и обратно. Почти под утро она услышала звук захлопнувшейся входной двери, а еще позже в саду раздался жалобный предсмертный вскрик маленького зверька. Больше она ничего не слышала и заснула.

До следующего вечера Чудовище не показывалось. Но лишь спустились сумерки, оно вновь появилось в комнате. Как и накануне, зверь говорил с ней и радовал ее своим чудесным разговором. Как и накануне, он попросил ее руки и, когда она вновь отказала, тихо покинул комнату. Так проходили дни. Чего бы ни пожелала Красавица, все тут же появлялось перед ней: книги, чтобы читать в тишине, лютия, чтобы наигрывать в одиночестве, прекрасный сад, чтобы прогулкой развеять печаль.

Но каждый вечер Чудовище неизменно являлось к ней. Чувствительный и деликатный, этот зверь больше никогда не ел в ее присутствии, но развлекал и трогал ее своей беседой. И она постепенно стала чувствовать себя с ним спокойно и уютно.

Спустя какое-то время, она уже позволяла ему лежать у ее ног, а однажды вечером, к своему удивлению, даже коснулась блестящего меха на спине Чудовища.

— Ты не Чудовище, — тихо сказала она, — ты... ты прекрасный урод!

Под легкой поглаживающей ладошкой девушки Чудовище замерло. И снова она услышала вопрос, который звучал из его уст каждый вечер:

— Ты выйдешь за меня замуж?

И так же, как она делала каждый вечер, Красавица покачала головой. Но позже, когда, как обычно уже, она услышала его осторожные шаги за дверью, на глаза ее навернулись слезы.

И вот однажды Красавица решила попросить Чудовище отпустить ее домой проведать отца. Она получила отказ, но неутомимо просила и просила об этом день за днем. Наконец, Чудовище хмуро промолвило:

— Я умру, если ты покинешь меня и не вернешься.

Она пообещала вернуться, если ей будет позволено еще раз увидеть отца и родной дом. И Чудовище отпустило ее, но только на один месяц.

Девушка уехала на следующее утро верхом на лошади, которая уже поджидала ее за воротами замка. Следом за ней брел мул, груженный мешками с золотыми монетами.

— Колдовские деньги, — мрачно сказал отец, увидев это богатство, но все же взял мешок с монетами.

Красавица сразу же окунулась в жизнь своего дома, наполненного привычными человеческими делами, заботами и беспечной человеческой болтовней — всем тем, чего она была лишена в замке Чудовища. Месяц пролетел незаметно, и она задержалась на один день, потом еще и еще. На третью ночь ужасные видения наполнили ее сон. Голоса звали ее, молили, и один из них был ее собственным голосом, повторявшим обещание, данное ею Чудовищу.

Она проснулась в темноте и тут же вскочила с постели. Взяв одну из лошадей отца,

она поспешила обратно. Дорога ее пролегла через густой лес. Он был темным и мрачным. Ветви били ее в лицо, цеплялись за одежду. Лишь к полудню она добралась до озера. Рысью проскакала Красавица через мост, ведущий к замку Чудовища.

Ворота были закрыты. Она прокричала тайное слово, открывавшее перед ней обычно эти ворота, но они оставались неподвижными.

Охваченная ужасом и плохими предчувствиями, она спешила, хлестнула лошадь, отправляя ее обратно домой, а сама стала стучать в дубовые створки. Под ее напором, издав протяжный стон, ворота нехотя распахнулись. Она побежала в сад.

Сад был мертвым. Отвратительные переплетения высохших вяющихся растений, коричневые пожухшие цветы, гниющая листва. Она побежала к дому, призывая Чудовище. Никто ей не ответил. Зал был пустым и темным. Все было покрыто густым слоем пыли. Она крикнула, чтобы зажгся свет, но ни одна свеча не вспыхнула для нее.

Красавица обежала весь дом. И снова выскочила в огромный сад. Здесь, на одной из дорожек, она увидела Чудовище, лежащее в грязи и умирающее. Мех его потускнел, в нем запутались колючки ежевики, глаза безжизненно уставились в небо. Она упала рядом с ним, обвила руками его шею и стала безутешно рыдать, каясь, что не сдержала своего обещания. Вдруг она увидела, что глаза Чудовища заблестели, веки дрогнули — в нем еще теплилась жизнь!

Чудовище молча взглянуло на нее, и девушка поспешно вскричала:

— Да! — и еще раз: — Да!

Серебряный каскад колокольчиков рассыпался в воздухе. Они играли ту же музыку, что и в первый раз, много месяцев тому назад. Поднялся свежий ветер и закружил в воздухе целую охапку листьев. Они покрыли Чудовище с головой.

Девушка стала смахивать их. Но под ними Чудовища не оказалось. Она опустила голову, и слезы полились из ее глаз, орошая пустое место. Но когда она вытерла слезы и глянула еще раз, то увидела перед собой высокого человека, одетого в бархат и мягкие сапоги из лучшей испанской кожи. А стояло незнакомцу заговорить, как она тут же узнала этот голос.

— Моя дорогая, — сказал он, улыбаясь, — тебе нравится то, что ты видишь перед собой?

Так заканчивалась старая сказка. Молодой лорд освободился от заклятия и звериного обличья благодаря любви женщины. Есть разные догадки о том, что ввергло его в беду, кто околдовал его и заточил в замке. Некоторые поговаривали, что прокляты были еще его родители, другие утверждали, что ведьмы заколдовали его и заставили быть слугой ночи, пока женщина не полюбит его и не отдаст ему себя по своему искреннему желанию. Но все соглашались в том, что колдовство, которое его себе подчинило, все же не могло соперничать с человеческой любовью и мужеством, освободившими его.

На самом деле простые человеческие чувства, человеческая сущность всегда были последней и самой главной защитой против заклинаний и колдовства. Человеческое мужество побеждало ночных существ. Человеческая любовь и верность держали их в постоянном страхе.

И когда сила человечества, сила света стала расти, древние демоны ночи начали вырождаться и понемногу исчезать. Память о них осталась в старинных сказках, в ночных кошмарах, в страхе смерти, в случайных встречах с непонятным. Это были не более чем обрывки, клочки старого мира, хрупкие обломки того, что держало человека в рабстве у повелителей тьмы, устрояя его.

Девушка- лиса

Опушенные серебристым мехом, с блестящими глазами, хитрые и сладко притворные, маленькие китсуне — лисы — в Японии были одновременно предметом любви и страха. Некоторые китсуне служили богу жатвы, и их чтили. Вдоль дорог в тени деревьев или в больших красивых храмах стояло множество изящных лис, вырезанных из камня, с глазами из драгоценных камней. И все же большинство китсуне слыли животными злыми, умеющими принимать облик красивых женщин и красть самых великодушных и смелых мужчин.

Среди этих злобных китсуне наиболее могущественной считалась Тамамо но Мае. В человеческом обличье она становилась столь изысканной и умелой любовницей, что звали ее Драгоценная девушка. Жертвами ее были короли и императоры.

Происхождение Тамамо было темным. Считалось, что она появилась в Японии тысячи лет назад, а

до этого была супругой индийского короля, появляясь иногда в виде женщины, а иногда в облике белой лисицы с девятью хвостами. Кроме того, у нее не было сердца. Главным ее удовольствием было убийство невинных людей. Наверное, из Индии она была изгнана.

Легенда гласит, что женщина-лиса появилась затем в Китае в гареме тирана Шу Хсин. Чтобы удовлетворить ее непомерные требования и развращенный вкус, одурманенный ею император построил обширные сады удовольствий, создал озера, наполненные вином, насадил деревья, на которых висели корзины со сладостями. Зная, что она любит необычные развлечения, он приказал придворным дамам танцевать голыми среди цветов в этих садах. Они отказались. Тогда Шу Хсин придумал для нее другое развлечение. Он заставил этих дам танцевать в яме, наполненной гадюками и осами. Тамамо была довольна. Она заметила, что дамы танцевали очень проворно и забавно. Все они умерли от укусов змей и ос.

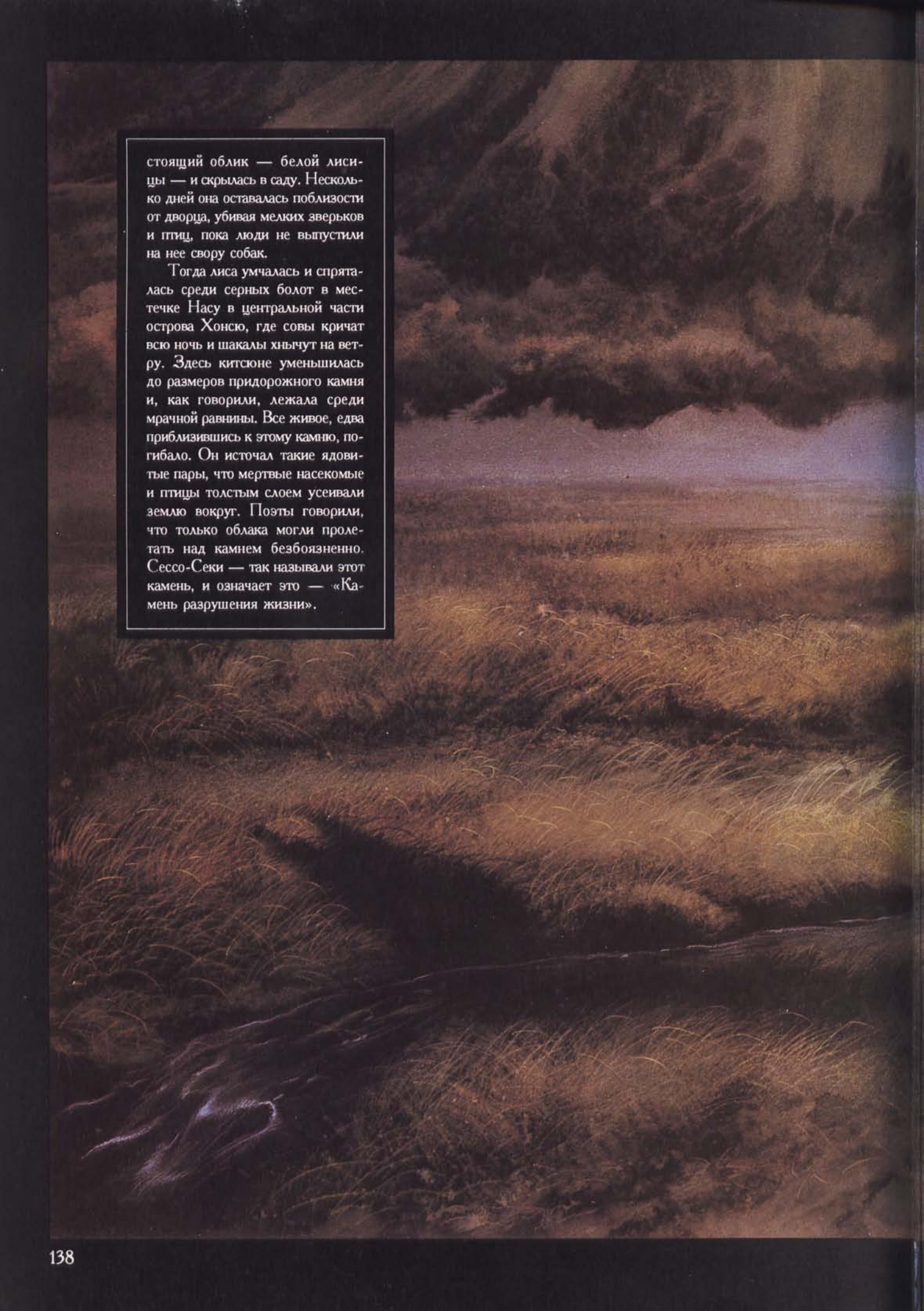

Беспутный образ жизни двора китайского императора был так отвратителен, что люди восстали против этого позора. Тамамо была казнена, и тело ее сожгли. Но из пепла выпрыгнула снежно-белая лиса. Быстрая, как ветер, она побежала в Японию.

При дворе Восходящего Солнца Тамамо вновь превратилась в женщину и соблазнила Тоба, императора Японии. Он вдруг стал день ото дня слабеть и однажды после бурной ночи впал в забытие, выкрикивая ее имя. При этом вокруг головы Тамамо вспыхнуло пламя. Советники императора увидели этот пылающий нимб и сразу поняли, кто она. Они раскрыли секрет происхождения Тамамо, держа перед ее лицом зеркала. В зеркале отразилось не женское лицо, но узкая морда белой лисицы.

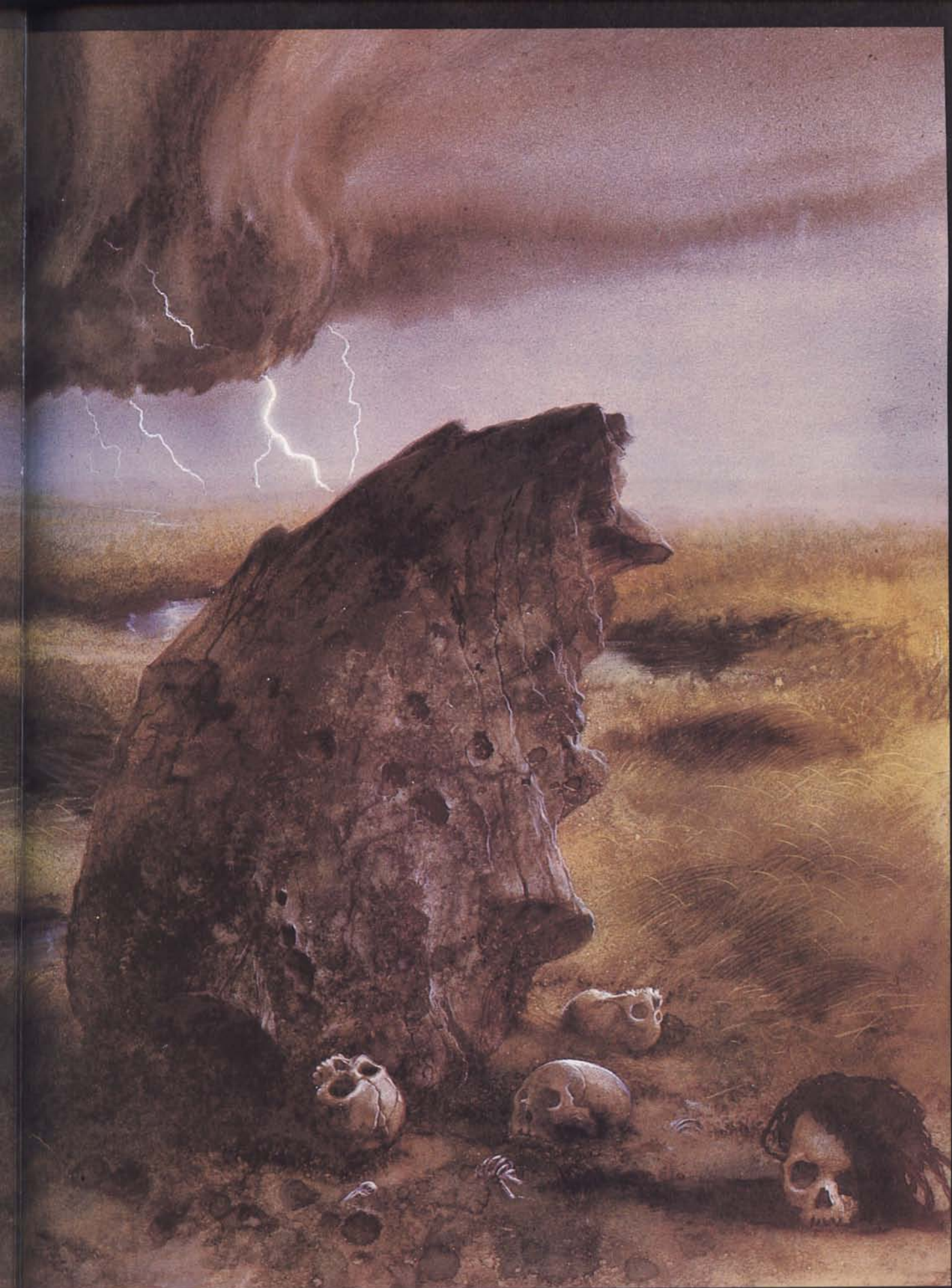
И злое колдовство было разрушено. Женщина приняла свой на-

стоящий облик — белой лисицы — и скрылась в саду. Несколько дней она оставалась поблизости от дворца, убивая мелких зверьков и птиц, пока люди не выпустили на нее свору собак.

Тогда лиса умчалась и спряталась среди серных болот в местечке Насу в центральной части острова Хонсю, где совы кричат всю ночь и шакалы хнычут на ветру. Здесь китсуне уменьшилась до размеров придорожного камня и, как говорили, лежала среди мрачной равнины. Все живое, едва приблизившись к этому камню, погибало. Он источал такие ядовитые пары, что мертвые насекомые и птицы толстым слоем усеивали землю вокруг. Поэты говорили, что только облака могли пролетать над камнем безбоязненно. Сессо-Секи — так называли этот камень, и означает это — «Камень разрушения жизни».

ББК 84(0)
П75

Перевод
С. ИВАНИЧЕНКО

Призраки ночи

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Г. ШИТОЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА, И. САХАРУК

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
07.06.96 г. Уч.-изд. л. 23,06. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

П75 **Призраки** ночи. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил.—(Зачарованный мир).

ISBN 5-300-00601-7

В книге собраны предания и поверья о призраках ночи — колдунах и ведьмах, оборотнях и вампирах, один вид которых вызывал неподдельный страх, леденивший даже мужественное сердце.

П 4703000000-376
А30(03)-96 Без объявл.

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00601-7

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1985, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1985,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или иллюстраций любым механическим или электронным способом, включая информационные базы данных и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time Warner Inc.